

Анатолий Вострилов

Звёзды над полями

Стихи и поэмы разных лет

Нижний Новгород
2008

Фото

Живой голос прошлого

Жил на свете поэт Анатолий Вострилов. При всем том, что в Пушкины, как говорится, так и не вышел, стихи Анатолия Васильевича, равно как и сам их автор, всегда находили свой круг искренних друзей и почитателей.

И талант у Вострилова, несомненно, был. Это смолodu был талант, подающий большие надежды. И как могло случиться, что этот столь многообещающий поэт почти 20 лет оставался автором одной книжки – и даже не книги, а тонюсенького сборничка в сорок с чем-то страниц – ума приложить не могу! Так или иначе, при жизни поэта вышли в свет лишь две крохотные брошюры стихов Анатолия Вострилова: сборники «На районных дорогах» и «Отцовский узелок». Первая вышла в 1967 году, вторая – в 1987-м, когда автор уже отметил свое 50-летие.

Но при всем этом поэт не молчал: он много работал и часто печатался в областной и районной прессе. Стихи, очерки, поэмы приходили к читателю на газетных полосах. Но едва ли не самым полным «издателем» Вострилова оставались его блокноты и его старенькая печатная машинка, печатавшая стихи «в стол».

И когда мне, ученику и оппоненту Анатолия Васильевича, представилась возможность увидеть неизданные творения Анатолия Васильевича, я был приятно удивлен. Оказывается, таким поэта Вострилова большинство его читателей еще не знало!

Будучи человеком своего времени, Анатолий Васильевич отдал немалую дань социалистическому реализму – этакой «партийной литературе». Хотя подобные словосочетания сейчас звучат примерно как «морская свинка» – которая, как известно, вовсе и не свинка и уж тем более не морская! Вот и в творениях «социалистического реализма» зачастую не было ничего ни социалистического, ни тем более реалистического! И следует заметить, что как человек честный и, несомненно, даровитый, Анатолий Вострилов прекрасно это сознавал – и находясь внутри данной системы, он все-таки стремился расширить ее рамки!

С особым чувством восхищения я прочитал стихотворение «Лектор», написанное в 1955 году, когда юному Толе Вострилову едва исполнилось 18 лет.

Всего восемь строк – но это несомненный маленький шедевр большого поэта:

Он говорил ужасно много
И скучно – в лекции своей –
О том, что нет на свете Бога,
Загробной жизни и чертей.
Его сужденья непорочны,
Его примеры хороши –
Но я одно усвоил точно:
Что не имеет он души!

Напоминаю, что это «крамольное» стихотворение было написано в 1955 году, в разгар третьей волны воинствующего атеизма, захлестнувшей Страну Советов параллельно с развенчанием культа личности Сталина. От сталинизма формально отреклись, но сталинские методы остались! И на слуху была расхожая формулировка «меньшевицкий идеализм». Что это такое – никто точно не знал, но все понимали точно: веришь в Бога – значит идеалист, а если идеалист – значит и меньшевик, а если меньшевик – так, скорее всего, троцкист и враг народа!

Так что эти восемь строк Анатолий Вострилов написал с немалым риском для себя. В те времена он мог «отхватить» за каждую строчку по году лагеря или ссылки. Не сталинский «четвертак», но все же либеральные хрущевские 8 лет...

Поэт Вострилов искренне верил во многие ложные идеи, но его чуткое сердце болезненно воспринимало всякую «благонамеренную» фальшь – и всей душой поэт

отвергал все притворное, придворное и наносное, угодливое мимолетной начальственной моде.

В большом стихотворении «Сенокос» (к сожалению, книжный вариант¹ этой баллады был значительно сокращен), есть очень примечательный обличительный кусочек. Он слегка диссонирует с общим лирико-пасторальным настроением стихотворения, но достоинство стихов от этого несколько не умаляется, а наоборот возрастает:

Кузьмич как скажет – так вопрос ребром:

Меня, конечно, тоже «подкузьмил» он.

- Ты не косою, - говорит, - пером

Работай так, чтобы не стыдно было!

А то напишут – все бы ничего:

И ферма с электронной машиной,

И дед, влюбленный в нормы ГТО,

И предколхоза, пишущий картины,

И сам герой, что по ночам жене

Твердит о сдвигах, безупречно трезвый...

Все есть. Но напиши так обо мне –

Из-за угла бы автора зарезал!

В настоящее время наша культура впадает в другую крайность: и продукцию книжного рынка, и особенно телеэкран захлестнула волна воспевания людских пороков и смакования извращений человеческой природы. И на этом фоне кажутся вполне безобидными те милые безделицы 50-х годов минувшего века, столь грешащие нарочитой положительностью – лично я с удовольствием смотрю и «Свадьбу с приданным», и даже откровенно агитационно-показную Александровскую «Весну». Но тогда, в период написания «Сенокоса», вопрос о нарочитой положительности стоял очень остро – все театры страны захлестнула волна пьес о «борьбе замечательного с хорошим», а в книгах и кино пропагандировали «положительный образ современника с элементами героя будущей коммунистической эпохи». Раз уж предполагалось построить идеальное общество – так и люди должны быть идеальными! Отсюда – и шахтер, в свободное время играющий Шуберта на флейте, и колхозный комбайнер, увлеченный Толстым и Достоевским, и шофер такси, читающий Теодора Драйзера, и многое другое, столь же похожее на реальную жизнь, сколь сон похож на явь...

В общем –

Наша Родина прекрасна

И цветет как маков цвет.

Окромя явлений счастья,

Никаких явлений нет!

Против такой слащавой положительности протестовал не только Вострилов, но и другие думающие поэты и писатели. Собственно говоря, все лучшее в советской прозе выросло из «Районных будней» Валентина Овечкина и солженицынского «Матренина двора».

Те же тенденции борьбы коснулись и поэзии. Так что полемика здоровой критичности с фальшивой положительностью (или «положительной» фальшью) для поэта Вострилова была очень острой темой. И к этой теме он обращался не один раз. Так стихотворение «Разговор о любви», начинаясь с «банального» пересказа сюжета очередного «партийно-комсомольского» романа завершается обличительными строчками:

Да, хорошо, что в жизни нет такого,

Что так бывает в книжках – и плохих!

Это был откровенный протест против «литературных генералов» того времени – Кочетова, Сурова, Суркова, Софронова и т.д. Целые поколения читателей воспитывались

¹Сборник «Отцовский узелок», 1987 г.

на романах Бабаевского и поэмах Грибачева, и вот какой-то 20-летний студентик Толя Вострилов выступил против них! Ну, прямо как те, которых сам Никита Сергеевич с трибуны к порядку призвал – всякие там Евтушенко, Вознесенские...

Вострилов не стал знаменем шестидесятников, но это его заслуг в поэзии не умаляет. Его негромкий голос все-таки был услышан – и портрет советской поэзии без упоминания о стихах А. Вострилова будет выглядеть явно неполным.

Поэзия Вострилова шла своей проселочной тропой.

Он никогда не заискивал перед властями – в стихах Анатолия Васильевича нет ни одной строчки, прославляющей кого-либо из коммунистических вождей. Правда, в одном из вариантов стихотворения «К читателю» («Здравствуй, мой читатель дорогой!»), опубликованном в буклете «50 лет «Борской правде» (1980 год) можно прочесть ударный финал:

Ведь себя в анкете журналистом
Неспроста сам Ленин называл!

Но что интересно – в машинописном тексте авторского сборника, в авторском варианте, собственноручно отпечатанном для будущей книги, концовка обращения к читателю совсем другая. Никаких «реверансов» перед Ильичем нет и в помине. Равно как нет упоминания о Ленине даже в стихах о Горьком, в стихах о революции. Казалось бы, всякое упоминание о Ленине делало в ту пору любые стихи более «проходными», чем больше поэт обращался к ленинской теме, тем более он был издаваемым и обласканным партийной цензурой. Но в стихах Вострилова этой «заветной» строчки нет! Поневоле закрадывается сомнение: а сам ли Вострилов «дописал» то стихотворение в юбилейной брошюре? Этот секрет никогда не будет раскрыт!

Так или иначе – в книжный текст Анатолий Васильевич ничего «ленинского» не включил. Это говорит о его твердой гражданской позиции, нетипичной для большинства советских поэтов.

Впрочем, поэт Вострилов никогда не числился в диссидентах. Он просто любил свой народ. И лучшие из его стихов посвящены простым русским людям, его землякам и современникам. Здесь Вострилов среди своих. И очень многие стихотворения Анатолия Васильевича берут за душу своей искренней человечностью. В этом – главное достоинство востриловской поэзии!

Если же, помимо достоинств, стоит поговорить и о недостатках, то современному читателю может броситься в глаза обилие заезженных газетных штампов типа «вопрос ребром», «атомный век», «космическая эра», «ракетная эпоха». В оправдание Вострилову могу сказать лишь одно: в пору написания этих стихов такие расхожие словечки отнюдь не были зачитанными до дыр. Тогда это было новое слово – и нет никакой вины автора в том, что со временем даже крылатые фразы меняют. Когда-то эти трафаретные обороты выглядели свежо и лишь только начинали входить в моду. И это время выпало на долю Анатолия Вострилова. Но следует отметить, что в стихах А.В. Вострилова немало строк, написанных чистым, ярким, образным, афористичным языком:

Ночь такая, что уснуть не сможешь...
Если только сразу не уснешь!

● * *

Ушел в безвозвратное прошлое неоднозначный XX век. О том, каким он был, каждый писатель свидетельствует по-своему. О времени хрущевской оттепели и брежневского застоя можно говорить по-разному. Если смотреть на этот период глазами Владимира Высоцкого, получится одна картина. Если же взглянуть глазами Нины Андреевой или Василия Шандыбина, получится нечто совсем другое. В этом

калейдоскопе взглядов и мнений будущему историку будет любопытно посмотреть на время и события глазами поэта Вострилова. Стихи Анатолия Вострилова, несомненно, найдут своего читателя.

С уважением к поэту –
старшему товарищу, единомышленнику,
одному из творческих учителей –
Игорь Чеботарев,
член Российского Союза профессиональных литераторов,
член Союза Журналистов РФ,
автор трех сборников стихов и прозы.
23.10.2007Год.

Часть первая

Ожидание

/Стихи и поэма/

Разговор с читателем

Здравствуй, друг,
Читатель дорогой!
Наконец, мы встретились с тобой.

Знал бы ты,
Как ждал я встречи этой...
Впрочем, ты не раз в родном краю,
Развернув районную газету,
Видел в ней фамилию мою.

Ты – не кто-то,
Приходя с работы,
Узнавал с моей статьей в руках
О делах районных и заботах,
О своих героях-земляках.

Ты меня
Подбрасывал в совхозы
На «летучке», на грузовике.
Вместе мерзли мы с тобой в морозы.
В дождь и в грязь шагали налегке.

Нам ли
Друг на друга быть в обиде,
Если можешь ты в любой из строк
Завтрашней статьи моей увидеть
То, что ты и сам в душе берег?

Верный друг,
Читатель дорогой!
Мы давно уж связаны с тобой.

Сам того не зная,
В жизнь влюбиться
Ты помог мне в суматохе дел,
Хоть вернуть тебе тот долг сторицей,
Втиснув мир в газетную страницу,
И порою просто не умел.

А ведь часто
Из-за строчек этих
Я терял и сон свой, и покой...
Думаешь – работаю в газете,
Так уж и особый я какой?

Все привычно
В моей жизни личной.
Как у всех, и мысли, и права.
Только вот работа необычна:
Надо душу выплеснуть в слова,
В строчки перелить...

Да чтоб к тому же
Встало слово с делом наравне.
Чтоб мой труд стал так же людям нужен,
Как, к примеру, труд доярки мне.

Милый друг!
Читатель дорогой!
Очень рад я встретиться с тобой.

Знай:
Свой труд готовил я с любовью,
И любому делу он сродни.
Я сегодня здесь перед тобою
Как бы раскрываю свой дневник.

Вот он –
Века звездного мгновение!
Пусть в нем сердцем – лучшей из антенн –
Сквозь незыблемость квартирных стен
Ощутишь ты поступь ускорения
И весенний ветер обновления,
Свежий ветер добрых перемен!

Напутствие

Нам многое
Лишь раз даётся:
Отец один. И мать одна.
И дом с ракитой у колодца.
И свет заветного окна.

Ещё, мой друг,
Встающий рядом,
Эпохи новой гражданин,
Знай: есть одна на свете правда
И путь к той правде лишь один.

И ты,
Вступая в мир огромный,
В час юности,
Неповторимый час,
Не забывай, что и живём мы,
И умираем только раз!

Жизнь начиналась всё-таки с деревни,
Ценой нечеловеческих трудов
Мы шли от неустроенности древней
К комфорту современных городов.

Мы корчевать и засеять болота,
В лесных чащобах тропы прорубать
Учились перед тем, как самолеты
И синхрофазотроны создавать.

Путь за сохой, необозримо длинный,
По грешной, кровью политой земле
Прошли мы перед тем, как сесть в кабины
Могучих межпланетных кораблей.

И как бы ни легко в грядущем было —
Потомки даже через сотни лет
Поймут: недаром в лошадиных силах
Мы измеряем мощности ракет!

Родина

Это было первой,
Самой раннею
Из картин, что помню
В жизни я:
С дедом и отцом
Дорогой санною
По безмолвным
Едем мы полям.

А вокруг - огромный,
Мной не пройденный
Край сосновых изб,
Лесов седых...
Я ещё не знал тогда,
Что Родина
Для меня
Лишь начиналась с них.

Что за лесом,
За горой горбатою
Мир гремит,
В бетон и сталь одет.
Что уж входит он
В эпоху атома,
Межпланетных станций
И ракет.

И что жизнь
Придётся неизбежно мне
Провести
В квартирах городских...
Но вот помню я
То поле снежное
С давних дней
Младенческих своих.

Но как детство,
Как письмо последнее
С фронта не пришедшего
Отца,
Как берёзы
Над могилой дедовой,
Это поле – в сердце.
До конца!

Звезды пятиконечные

Каким путем ты ни пошел бы
В мой край – везде перед тобой
Он встанет, этот скромный столбик
С пятиконечною звездой.

И вспомнишь ты, что кто-то в жизни
Не домечтал, не долюбил...
Как много их в моей отчизне,
Звездой увенчанных могил!

Не на погостах те могилы,
Где тишина да благодать.
Мы, люди, словно разучились
Своею смертью умирать.

У деревень и полустанков
Могил наставила война,
Когда полки фашистских танков
Внезапно ринулись на нас.

Повсюду спят сыны народа,
Отдавшие народу жизнь...
О нет, не дешево свобода,
Земля и небо нам дались!

И если в звездную дорогу
Нам выйти первым удалось,
Так это потому, что много
У нас в полях осталось звезд.

Звезд, что горят по всей России,
Их ярче в мире не найти,
Звезд, по которым мы, живые,
Сверяем все свои пути!

● * *

Снега.
Ни огонька, ни вздоха
На спящих улицах села...
Неужто звездная эпоха
Его и вправду обошла?

Не может быть!
Я знаю верно,
Что не бедней оно других.
Что были Ньютоны, Жюль Верны,
Коперники в краях моих.

Недаром
В память мысли вольной
Талантов дедов-бунтарей
Здесь рвутся в небо колокольни
И крылья мельниц на заре.

Недаром
Человечьим светом
Побеждена ночная тьма.
И к звездам, к звездам, как ракеты,
Стремятся новые дома!

Он вечным
Пламенем пылает
В глазах людей моей земли
Огонь, что в небо поднимает
Космические корабли...

И верю:
Развернув газету,
В крылатом племени землян
Я вдруг узнаю по портрету
Кого-то из односельчан.

И верю:
Путь пройдя победный
До самых дальних в мире звезд,
Он совершит все то, что дедам
Так совершить и не пришлось!

Мой дом родной, отцовский старый дом,
Ты, говорят, еще поставлен дедом.
Не раз ты видел на веку своем
Рожденья, смерти, радости и беды.

Жизнь деда и отца, и всей родни
Прошла в тебе...как много было споров
О том, кому и впредь тебя хранить,
Кому за счастьем отправляться в город!

Но время шло, но мчались на тебя,
Как волны, революции и войны.
Ты был покинут многими. И я
Ушел с другими, сын твой беспокойный.

Прости, прости меня, отцовский дом.
Что из того, что ты оставлен всеми?
Ты для меня был в детстве кораблем.
Плывущим сквозь изменчивое время.

Да, ты – корабль! И пусть наверняка
Тебе не плавать по морям и рекам.
Пусть, встав на якорь возле большака,
Не смог поспеть ты за ракетным веком-

Знай: каждым шагом на пути своем,
Всею жизнью, каждым словом, каждым вздохом
Обязан я тебе, мой старый дом,
Мои ворота в звездную эпоху!

Вечером,
Когда уж ты лежишь,
Ничего вокруг не замечая,
Подбегает дочка:
«Пап, скажи-
Вправду Змей Горынычи
Бывают?»»

Что ей скажешь?
Как расскажешь ей
О потрясших человечий разум
Водородных Змеях,
Что страшней
Всяких Змей Горынычей
Из сказок?

Знаю: ждут,
В сверхбомбах притаясь,
Ждут они непробитого часа,
Чтобы разом
Уничтожить нас,
Весь наш мир,
Огромный и прекрасный.

Но, как в сказках,
Мир бессмертен – он
Силы мрака
Обуздать сумеет...
И шепчу дочурке
Я сквозь сон:
«Спи, родная.
Люди всех сильнее!»

Стихи об отце

У той могилы не был я,
Не вчитывался в список павших.
Навек отец мой для меня
Остался без вести пропавшим.

Не знаю я, в бою ль убит,
В бомбёжке ли под скрип вагонный,
В могиле братской был зарыт
Или в концлагере сожжен он.

Молчат архивы и друзья,
Не помогла мне переписка...
Как совесть века боль моя,
Она под каждым обелиском.

А где-то – та же скорбь в сердцах,
И ходят люди неустанно
К могиле моего отца,
Ее считая безымянной...

Все куда-то торопимся,
Все о чем-то заботимся.
Рвёмся к звездам,
Себя обгоняя под час.
Даже сны видим мы
О делах, о работе все-
Вовсе не об инфарктах,
Сражающих нас.

Редко видимся с женами,
С лесом и с пляжами.
Детям сказку на сон
Забываем прочесть.
Словно есть на земле
Что-то более важное,
Чем покой и комфорт...
Ну, конечно же, есть!

Есть! В руках у нас мир.
Нам завещанный дедами
И отцами спасенный
В жестоком бою.
Этот мир и оставим
Когда-нибудь детям мы-
Целый мир,
А не тряпки,
Не дачу свою.

Пусть для них расцветает
О, с новою силою.
Пусть пойдут они дальше.
К иной высоте.
Пусть узнают они,
Что не зря торопили мы
Беспокойный свой век,
Трудный век скоростей!

Старый большевик

Человек, который все, что мог,
Отдал людям – и любовь, и ярость,
Тихо тронул белый свой висок
И сказал чуть слышно: «Это старость»...

И припомнив то, что было с ним,
Каждый шаг свой, что был помнить вправе,-
Вдруг увидел: все отдав другим,
Ничего себе он не оставил.

Не сумел поднакопить добра-
Это брошено, а то забыто.
Можно в чемодан один собрать
То, что называют люди «бытом».

Нет жены. Давным-давно жену
Годы да работы подкосили.
Сына нет. В последнюю войну
Отдал жизнь за Родину, России.

Человек на шаткий стул присел.
Было вправду в доме неказисто.
Человек об этом не жалел-
Был он настоящим коммунистом.

Будь вся жизнь сегодня впереди-
Снова все, что в ней предназначалось,
Он бы отдал...
Даже тот один
Час, что жить ему еще осталось!

Все меньше их,
Войну сумевших выстоять,
Седых ровесниц матери,
Подруг.
Как некогда отцов-
Под грохот выстрелов-
Их поражает смерть
Нежданно, вдруг.

Они все старше...
А с каким старанием
Могли работать,
Поднимать семью,
Ждать писем с фронта,
Сдав без колебания
В фонд обороны
Молодость свою!

Их стойкости
Хватает по сегодня нам,
Хотя для них
Не кончилась война:
Ночами
С беспощадностью холодной
Всем прошлым
Бьет по матери она.

Они не просят помощи.
Привыкли, мол.
Мол, только б вам
Не знать ее, войну...
И мы,
Как на бесценную реликвию,
Глядим на их святую седину!

Кочетки

Так смеха ради санки называли
Во дни войны в селе моем лесном.
Их с вечера дровами нагружали
И оставляли на ночь под окном.

А утром их полозья запевали,
Когда взаправдашние кочета,
Пригревшись возле кур на сеновале,
Еще во сне не слышат ни черта.

А утром против снега, против ветра,
Бабенки в одиночку и гурьбой
В район, за восемнадцать километров,
Тащили эти санки за собой.

И было видеть хуже всякой пытки,
Как бабы, продавая санки дров,
Стояли, пропотевшие до нитки,
Открытые любому из ветров.

Как после шли они, ссутулив плечи,
Через поля пустынные назад
И вваливались все-таки под вечер
В свои избушки, полные ребят...

Катаются вовсю на санках дети,
Так слова «кочетки» и не узнав,
Не ведая о том, что санки эти
Не каждому служили для забав!

Игрушки

О, как подолгу в детстве я мечтал
Хоть об одной игрушке настоящей!
Но шла война. И мне картонный ящик
Все прочие игрушки заменял.

Хранил я в этом ящике своем
Березовые сабли, да наганы.
Таковыми мы, мальчишки, за селом
Мстя за отцов, сражались с бурьяном.

Нам те игрушки стоили труда:
С дошкольных лет познавшие работу,
Все мастерили сами мы тогда-
От пуль до пушек и до пулеметов.

Но-детских игр бессменный командир-
Не сохранил я сабель тех да пушек.
Без них, как в магазине «Детский мир»
Теперь у дочки у моей игрушек.

И только иногда, когда она
Начнет ломать их в дело и не в дело-
Опять сжимает сердце мне война,
Что вот уж тридцать лет как отгремела!

Давно забытые, слепые,
Они, тоску в душе храня,
День доживают, как чужие,
В своих родимых деревнях.

Они всё время
Ждут кого-то
И не сумев дождаться так
Тревожно, одиноко смотрят
На пропылившийся большак,

Что дай им крылья – поднялись бы
Они, покинув свой плетень...
О, заколоченные избы
Послевоенных деревень!

Куда б меня не заводили
Дороги юношеских дней,
Вы неизменно всюду были
Больною совестью моей.

Казалось мне, когда я слушал
Стук топоров и скрип гвоздей,
Что заколачивают души
Не у домов, а у людей...

На току

Совсем мальчишкой
На току попал я
На молотилку –
Подавать снопы...
О, как там целый день
Спина трещала,
Как забивала
Нос и уши пыль!

А как от той
Грохочущей машины
Хотелось в лес соседний
Убежать!
Или хотя бы
Спрятаться в овины,
В соломе золотистой
Поиграть!

Но мы, мальчишки,
Знали, что настало
Нам время не играть –
Спасать страну.
Что наше детство
В строй рабочий встало
Взамен отцов,
Ушедших на войну.

Сил не жалея,
Не считая сроков,
Мы поставляли
Родине зерно.
И в закрома колхозные
Потоком
От молотилки
Шло и шло оно.

А сдав зерно,
Мы молча и степенно
Как взрослые,
Шагали по домам.
И дома ели
Хлеб поры военной-
Из лебеды,
С мякиной пополам!

В страду

Шел грузовик из города районного,
Был переполнен кузов ребятней
И женщинами с гулками бидонами –
Наверное, с рынка ехали домой.

А в стороне, у края леса дальнего,
Гудел комбайн. И кто-то вдруг сказал:
«Смотрите-ка, покамест разъезжали мы,
Володька подчистую рожь убрал!

А раньше как?» и сразу замолчали все:
Знакомо было женщинам вполне,
Как дедам да отцам страда давалась –
На собственной извели спине!

И я молчал. Мне тоже вместе с матерью
Пришлось в войну на этой же земле
Вручную сеять рожь, серпами жать ее,
И на быках снопы возить с полей...

Я шел вдоль поля, каждой тропке радуясь,
Я знал: понять ту радость не дано
Володьке, кто не только дедов-прадедов,
А и войну-то знает по кино.

Все ехал он просторами бескрайними,
Как видно, и не думал о том,
Что заменил десятки рук комбайн его
На поле, нам и дедам дорогом.

И только завершив работу, к вечеру –
Устал Володька, как ни говори –
Совсем по-дедовски расправил плечи он,
За целый день впервые закулив!

Первый выезд

В час, когда поднявшись над землею,
В золото одело солнце мир,
Торною, исхоженной тропюю
Вышел за деревню бригадир.
Здравствуй, утро! Вот и стан бригады.
Возле мастерской за рядом ряд
Трактора, как будто на параде,
Стройными колоннами стоят.
Все, как перед боем, как на фронте,
Каждая машина на ходу.
Славно потрудились на ремонте
Трактористы в нынешнем году!
Вот они. Надежные ребята.
Хлеборобы. Мастера земли.
Постояли возле агрегатов,
К бригадиру молча подошли.
Ждут его решающего слова,
Видно, что взволнованы с утра.
- Все готово?
- Полностью готово!
- Что ж, пора?
- Как будто бы пора!
- Раз пора – кончаем разговоры!
По машинам, стало быть, садись...

И тот час симфонией моторов
Огласилась голубая высь.
Трактора выходят на дорогу,
В утреннюю солнечную звень.
Впереди у них работы много,
Но сегодня – самый первый день!
Первый день горячих, трудных буден,

Первая за лето борозда.
Выезд в поле...
Это праздник, люди,
Праздник деревенского труда!

Кузнец

На пенсию с почетом провожали
Ивана Прохорова, кузнеца.
На торжестве, в просторном клубном зале,
Он загрустил, вздыхая без конца.

Когда ж ему завклубом дядя Костя
Шепнул: «Ждем тост!», в стакан его подлив,
Встал со стаканом он и вместо тоста
Сказал: «Ну вот и списан я в архив...»

Вокруг него, понятно, зашумели,
А Мишка-возчик, первым лоботряс,
От двери крикнул: «Вот уж, в самом деле!
Мне предложи – так я бы хоть сейчас!»

Ему ответил дядя Ваня: «Детство!
Пойми, дурак, я в кузницу пришел,
Когда не только ты – еще отец твой
Пешком ходил, наверное, под стол!

В ней вырос я! У кузницы когда-то
Встречался я с Лукерьею своей.
Из кузницы потом ушел в солдаты.
А из солдат опять вернулся к ней!

И горна не покинул бы пока еще,
Ну, был бы я, положим, садовод
Или, опять же для примера, каменщик,
А то металл – силенка не берет!»

Сказал и сел... вокруг него сумятица,
А он сидит и тягостно молчит.
А по лицу открыто слезы катятся,
Как кузничные искры горячи.

И у сельчан сердца сжимает что-то
И даже Мишке как-то тяжело.
«Найдут, - кричит, - и на твою работу,
Возьму да и освою всем назло!»

Неторопливость

Я вновь на родине. И вот
Вновь чувствую в плену покоя,
Что время в даль веков течет
Неторопливою рекою.

Неторопливостью полны
Все разговоры и молчанье
Седых участников войны,
Собравшихся у сельской чайной.

Забыв о тысяче забот,
Неторопливо, как ведется,
С утра часами напролет
Судачат бабы у колодца.

И трактористы трактора
Выводят так неторопливо,
Как будто не стоит пора,
Когда в селе страдаю живы...

Все так! Но хлеб родит земля,
И в сроки хлеб тот убирает.
А бабы в лес и на поля
И по хозяйству поспевают.

И. весь во власти страдных дней,
Я думаю: «Скажи на милость!
Неплохо б перенять и мне
Такую-то неторопливость!»

Есть на земле неведомая сила,
Что заставляет нас порой прийти
К тропинкам детства, к дедовским могилам,
К истокам давним своего пути.

Понятней формул сверхсовременных гроз
Та сила где-то в сердце человека
Шумит листвою родительских берез.

Она пьянит повальнее, чем водка,
Когда в родном покинутом краю
Ты видишь повзрослевших одноклассников,
Сквозь жизнь пронесших молодость твою.

И только им признаешься ты честно,
Что прожил жизнь с мечтою голубой
Об этой встрече, как о лучшей песне,
Что до нее ты не был сам собой!

Сенокос

В то утро я, как все другие тоже,
Проснулся и собрался на заре.
Пошли в луга. В бригаде было, может,
С десяток настоящих косарей.

А больше было баб у нас. И бабы
Кричали: «Не стесняйся, подходи!»
Я встал на левый край, как самый слабый,
Но все же их маленько впереди.

Век не забыть мне первый сенокос мой!
О, если б раз хоть ощутили вы,
Как наступают яростные косы
На полчища негнущейся травы!

Как хорошо вгрызаться метр за метром
В степенной ковыль! Идти, идти бугром,
Пока в ушах не загудит от ветра...
Но все это вначале. А потом-

Потом коса зачем-то лезет в землю
Или сшибает лишь верхушки трав.
И ты уже поглядываешь – тем ли
Рядком шагаешь, от других отстав.

А солнце жарит, потом обливая,
А в пояснице боль – не распрямить.
А бабы жмут: «Коль будешь так косить –
Достанется тебе жена рябая!»

...Я шел вперед. Старался – кровь из носа.
Я знал: умри, но косу не бросай.
И пусть от леса с дальнего покоса,
Уже кричали бабы: «Закругляй!» -

Я доказал, что мне их смех не страшен.
Награды ж выше не было и нет,
Чем есть под стогом огненную кашу
И знать, что заработал свой обед!

Снопы вязать учила мать,
Дед – начинать с сохи.
Отец хотел в подпаски взять –
А я пишу стихи.

Боюсь бывать в родном селе,
Мне не простит село
Того, что я избрал себе
Такое ремесло:

Ведь все, чем существую я, что вижу я кругом,
Руками сделано, друзья –
Не ручкой, не пером!

Так как же надо мне писать
Для всей большой родни,
Чтоб людям столь же нужным стать.
Как мне нужны они!

Чтоб после праведных трудов
Собрались земляки,
Прочли все то, что я готов
Отдать им до строки

И порешили не спеша:
- Да, голос, мол, живой.
У человека есть душа,
Как будто парень свой!

Как много верст асфальтами исхожены,
Но, до сих пор не справившись с собой,
Сенями называет мать прихожую,
А весь квартирный наш мирок – избой.

Не отвергает блага коммунальные,
Похваливает газ, водопровод.
Вот только портят жизнь ей сны печальные
Про наш далекий сад, про огород.

Вот лишь завидев первые проталинки,
Она с соседкой с самого утра
На горке труб, как будто на завалинке,
Заводит речи об укусах трав...

Я слышу их. Мне грусть понятна мамина.
Я сам порой не против бы шагать
От труб железных, из коробки каменной
Туда, под звезды, в травы да в снега.

Но знаю я: ее мечту заветную
О жизни тихой, как заглухший сад,
Не совместить с эпохой ракетною,
Как, скажем, юность не вернуть назад.

И сын, и внук, и даже правнук пахарей –
Иной мечтой я свой встречаю день...
Утешься, мать: теперь он только в снах твоих,
Былой покой российских деревень.

«Глухие» дороги

Мы с сестрой отцовской, тетей Настей,
Прошлым летом, в утреннюю рань,
Положившись на грибное счастье,
Забрели в лесную глухомань.

Говорю ей: «Как вернемся к дому?
Без тебя я просто бы не смог,
Хоть и были в детстве мне знакомы
Многие из этих вот дорог!»

А она: «Знакомы, да не очень!
Он тебе кормильцем, лес, не стал.
Не работал в нем ты днем и ночью,
По чащобам диким не плутал!

Потому дороги гужевые,
Старые искать ты не привык.
Их не все пока что в столбовые
Обратил сегодня грузовик!

Сколько стало тех дорог глухими,
Заросло еще в каком году,
А вот я, как в молодости, ими
До сих пор наш старый лес пройду!»

...Смокла тетя Настя. И застыла.
Словно в тьме не виданных мне дорог
Не по слуху – сердцем уловила
Перестук простых крестьянских дрог.

И томился я ее тревогами,
Знавший в жизни власть иных забот.
И над ней, над лесом, над дорогами
Мчался реактивный самолет!

В сельской чайной

Под вечер в сельской чайной шум и гам.
Здесь, как на сходке, на глазах народа
Точней отчетов-сводок скажут вам,
Как урожай и какова погода,

Кто из начальства честный человек,
А от кого всем прочим только беды...
К тому же он и здесь, двадцатый век,
И чайная совсем не сходка дедов.

Вон старичок за стопкою вина.
Ему земных забот хватает летом.
А он толкует, что там за Луна
Да есть ли жизнь на ближних к нам планетах.

Вон спорят тракторист и агроном
О запчастях да многолетних травах.
А кстати – о балете. И о том,
Как телевидение портит нравы.

А вон в углу, обставленном вполне,
Идут дебаты жаркие экспромтом
О соглашениях, пактах, о войне –
Не хуже, чем в парламенте каком-то!

Такой уж век! Поди в нем, разбери,
Где центры государств и где окраины.
Но все ж порою, как ни говори,
Полезно оказаться в сельской чайной

И может даже заказать вина
Да посидеть, послушать глас народа...
За час единый можно там узнать
То, что по сводкам не узнать за годы!

Сказка

Жили умные люди на свете
И придумали сказку детям.

Средь лесов, на болоте вязком,
Родилась эта старая сказка.

Эта сказка могла искриться,
Как перо золотой жар-птицы.

Все, что было, все, что было,
Чудо-сказка в себе хранила.

И звала она за океаны,
В голубые, далекие страны...

Дети слушали старую сказку
Средь лесов, на болоте вязком.

И когда подрастали дети,
Шли искать они страны эти.

А пугливые, добрые мамы,
Не сумев удержать их, упрямых,

Ни угрозою и не лаской,
Проклинали красивую сказку.

...Шли их дети вперед, за мечтою,
шли они, мир по-новому строя:

Чтоб найти золотые чертоги,
Прорубали в лесу дороги.

Чтобы выбраться из болота,
Мастерили ковры-самолеты.

Обрастая в пути бороною,
Шли за вечной живой водою,

Шаг за шагом и век за веком
Пробиваясь к могучим рекам.

И устав от тяжелой работы,
Погибали они в болотах...

Но не гибли, но шли мечты их,
Превращаясь в дела земные:

В здания, пашни, дворцы, машины,
В крылья сказочные и в картины,

Разрисованные дивной краской...
Так становится былью сказка!

Когда-нибудь фотонная ракета
Быстрее, чем время, ринется вперед.
И люди, к звездам взмыв в ракете этой,
Домой вернутся лет через пятьсот.

Корабль их в двадцать пятый век прибудет...
Как трудно будет Землю им узнать.
Как в новом мире будут эти люди
О нас, родных и близких тосковать!

Окружат их совсем иные лица.
Потомки, обступив со всех сторон,
За нас обнимут тех, кто смог пробиться
Сквозь бездны расстояний и времен.

Впервые зримо встретятся два века.
И прогремит победный гром ракет
Над всей Вселенной гимном Человеку,
Свершеньям наших, первых звездных лет!

Полет

Я с самолета в первый раз с волнением
Увидел вдруг, насколько ленты рек,
Сама Земля огромнее селений, полей,
Всего, что создал человек.

За восемь километров над Землею
Я размышлял, как власть его мала,
Пока не вспомнил: в небо голубое
Меня людская сила подняла.

Я там ее представил ощутимо,
Она была куда мощней земной...
Хоть в жизни раз нам всем необходимо
Подняться над Землею, над собой!

* * *

И вот приснилось мне, что княжу я
На древней Киевской Руси.
Сижу в толпе бояр разряженных,
Орущих: «Славься! Гей еси!»

Дружина вторит им: «Желанна нам,
Твоя десница, князь! Гордись!»
Но думаю я: до чего скучна она,
Такая княжеская жизнь!

Я против войн. А надо воинов
Зажечь дикарской жаждой битв.
Притом, конечно, непристойно мне
Не знать ни слова из молитв.

А как в полюдьё в этот год идти,
Когда со школы знаю я,
Что хищничеством были подати,
Что смерды деда у меня?

И как увлечься скачкой конною
Трамвай познавшему давно?
Как без удобств мне жить, в зловонии,
Без книги, даже без кино?

...Проснувшись в страхе и смятении,
Теперь боюсь смертельно я
Казаться новым поколениям
Таким, как древние князья!

Кладоискатель

Давно прославивший чудаком окрест
Приятель мой прочел в одной книжонке
О том, что где-то возле наших мест
Во времена, когда шумел тут лес,
Бочонок золота зарыт – монетой звонкой.

Он говорил: «Пойми, не для себя!
Для нас такой махины было б слишком!
Нет, просто нашу Родину любя,
Для всей страны, для строек, для ребят
Добудем мы с тобою золотишко!»

Он убеждал: «Конечно же, вдвоем!
Зачем еще нам трактор да бульдозер?
Мы тот бочонок в центр Земли вонем,
Да просто ничего мы не найдем,
Когда нагрянем к месту всем колхозом!»

Он утверждал: «Идем наверняка!
А разным балагурам ты не внемли!
Не отвечай им попросту пока
На шуточки о круглых дураках,
Решивших продолбить старушку-Землю!»

...Не взял он клад. Но там, где мы вдвоем
В дни юности неделями копались,
Забыв про сон, еду и про усталость –
Теперь шумит колхозный водоем...
Книжонка-то толковой оказалась!

Грузовик

Был у нас в районе грузовик –
В дальнем, заболоченном районе,
Всем служить тот грузовик привык,
Потому как общий был, казенный.

И, конечно, все, кому не лень,
Пользовались этим, как умели:
Грузовик работал каждый день.
День за днем. Неделю за неделей.

В том краю, где очень-то не нежат,
Где так труден каждый перевал,
Он ходил и в свадебном кортеже,
Он и «скорой помощью» бывал.

То того подбросить, то того –
На поля, в деревни ли, в леса ли –
Посылали в праздники его,
В непогоду тоже посылали.

Знали, что его не сохранить,
Что ему придется жить немного,
Что ему вовеки не ходить
По большим, проторенным дорогам.

Что ему особый выпал труд –
Не такой, как чопорным, раздутым
«Волгам» и «Победам», что плывут
По своим асфальтовым маршрутам...

Ты ему при встрече улыбнись,
Не забудь, как путь его был труден.
Честно он прошел его. И жизнь
Отдал, как и следовало – людям!

Целина

Да, мы, конечно, были на Земле,
Но, словно Марс, пока что необжитой.
Не сочными квадратами полей –
Солончаками только знаменитой.

Все было в первый раз: саманный дом,
Где мы семьей студенческой жили,
Гора зерна почти перед окном,
Рычание тракторов, автомобилей,

Огни в ночи, призывы стенгазет,
Костры под звездами и песни наши
О том, что самой лучшей из планет,
Родной Земле мы стать поможем краше...

Мы помогли. На сотни верст вокруг
Она не звездным озарилась светом.
Была она заботой наших рук,
Теплом сердец распахнутых согрета.

И пусть ровесникам иной поры
Давно взлететь в заоблачные дали
И открывать там новые миры –
На целине мы Землю открывали!

Когда слова «майор Гагарин»
Еще не вырвались в эфир,
Уже он был, смоленский парень,
Таким, каким потряс весь мир.

Он был таким. А мы не знали.
С ним рядом строя и любя,
Мы ни на миг не отличали
Колумба неба от себя.

И если б перс судьбы капризной
Вдруг перед ним ни встал в упор,
Возможно, был бы он не признан,
Не понят нами до сих пор.

Так и случалось сплошь да рядом
Во все на свете времена...
Вы представляете, как надо
Друг в друга вглядываться нам?!

На выпускном вечере

Был вечер выпускной
В далекой сельской школе.
Для всей округи стал он торжеством:
Из мастерских, с лугов, с работы в поле
Едва ль не полсела явилось на него.

Шли стар и млад
На трубный гром оркестра,
Как на огни большого корабля...
А в школьном зале, на почетном месте
Сидели за столом учителя.

Сидела женщина,
Которая когда-то
Учила азбуке не только тех юнцов,
Что получали нынче аттестаты,
Но даже их стареющих отцов.

Сидел директор школы,
Чьи седины
Рассказывали всяких слов ясней,
Как нелегко прошел он до Берлина,
О дне таком мечтал он на войне.

Сидела пара –
Физик и словесник:
Любой мотор умел он завести,
А без нее в округе ни воскресник
И ни собрание не могли пройти.

А дальше –
Выпускница института:
На вид совсем ребенок, не строга.
Всего лишь год в деревне, а как – будто
Уж обломала кой-кому рога...

Да много
Так их было – всеми чтимых,
Простых, серьезных, старых, молодых.
И было видно, как неотделима
Судьба села от каждого из них.

И пусть неповторим
Тот давний вечер –
В душе моей, как отчая земля,
Как молодость, они теперь навечно,
Всегда со мной мои учителя!

Сон

Старый друг мне приснился.
Такой, как тогда,
В наши с ним молодые,
Былые года.
Будто он на трибуне.
Он честно громит
Тех, кто в зале со мною
Бок о бок сидит.
Будто взглядом своим
Просит он: «Помоги!
Это ж общие
Наши с тобою враги!
Встань!»

А в зале
Знакомые люди сидят:
С полдесяток хапуг,
Карьерист, бюрократ.
Все завистники здесь
И квартирный сосед,
С кем свяжись —
Не развяжешься тысячу лет.
Трудно встать мне
И трудно себя превозмочь,
Только мне другу помочь.
Я встаю рядом с ним
Перед самой бедой,
Как тогда несдающийся
И молодой...

Знаю:
Даже не друг
Снится мне по ночам —
Снится юность,
В которой начало начал.
Не дает жить спокойно
Ни ночи, ни дня,
Проверяет далекая юность меня.
И чем дольше по жизни,
Тем больше, сильней
Рад я с юностью встрече —
Хотя бы во сне.
Рад, что молодо сердце
Невзгодам назло:
Где-то другу непросто —
И мне тяжело!

Человека изводит
Обыденщина быта.
Год за годом проходит,
Плодя маяту.
Начинаем,
Как в сказке старуха –
С корыта,
А потом нам
Сверхмодный подай гарнитур.

Часто тряпкам, комфорту,
Пустым разговорам
Столько сил отдаем,
Что могло бы хватить
Их на то, чтобы сдвинуть
Высокие горы, чтобы реки могучие
Поворотить.

Чтобы к звездам взлететь:
Без талантов высоких
Нет на грешной земле
Человечьих натур...
Как мне жалко вас, люди,
В которых до сорока
Галилеев, Шекспиров
Убил гарнитур!

Дом

У Фрола было трое сыновей,
Но с ним они давно не проживали:
Тот в центре, тот в Крыму, где потеплей,
А тот и вовсе где-то на Урале.

Когда же в отпуска к отцу в колхоз
Съезжались сыновья – безмерно труден,
Вставал у них единственный вопрос:
Чей будет дом, когда отца не будет?

Все спорили, кто строил этот дом,
Кто вместе с тяткой день и ночь старался,
Чтоб всем жилось привольно в доме том,
И кто в то время в зыбке надрывался.

А как-то расскандалились вконец,
Ждал весь колхоз, когда они уедут.
И тут же, вскоре умер их отец
Да так и похоронен был соседом.

Сосед для писем и чернил нашел,
И марки наклеил, не поскупился.
Мол, так и так. Скончался старый Фрол,
А дом его подгнивший – развалился!

Моряк

Я был еще совсем мальчишкой.
И прибыл к нам в село моряк.
Как будто вышедший из книжки –
При лентах и при якорях.

Ходил вразвалку он, качаясь,
Как не ходил никто другой.
Горело солнце, отражаясь
На пуговицах у него.

Любуясь моряком, бывало,
При нем не смели мы вздохнуть.
Всего ж сильнее нас восхищала
Татуированная грудь:

Там были надписи о воле,
Был якорь – гордость моряка.
И мы всю себе кололи
И грудь, и руки, и бока...

Потом моряк простился с нами.
А надписи с тех давних дней
Мы носим на себе, как память
О детской глупости своей!

Гармонь

Мне кажется безвестный мастер древний,
Вложивший в инструмент души огонь.
Придумал специально для деревни
Лихую, голосистую гармонь.

Не старые и то, наверное, помнят,
В каком почете там гармонь была.
Вы б не нашли деревни без гармонии,
Тем более – приличного села.

А честь от всех какая гармонисту:

- Сыграл бы!
- Наигрался через край!
- Да брось, Василь Иванович!
- Не ленись ты!
- А что сыграть?
- Да знаешь сам!
- Сыграй!

И только он басы рукою тронет –
Прочь грусть – тоска...
А как на праздник быть?
Как обойтись на свадьбе без гармонии?
Как без нее в солдаты проводить?

Да без гармонии – как зимой без снега,
Как летом без погожих дней. Она
Была в хозяйстве так же, как телега,
А временем – и более нужна...

И пусть, все дальше проникая в села,
Гармошку вытесняют каждый миг
Транзисторы да телерадиолы,
Как вытеснил телегу грузовик –

Заслуг гармонии мы не позабудем,
Она так просто не отдаст свое.
Ей памятник еще поставят люди
За службу безупречную ее!

Проводы

Так уже заведено когда-то,
Кем заведено – и не поймешь.
Только к уходящему в солдаты
С вечера приходит молодежь.

Ох, тише, маменька, не вой,
Я теперь уже не твой.
Погуляйте-ка, ребятушки,
В остаточке со мной!

А потом заветную двухрядку
Отбирают у него дружки.
И вздыхают женщины украдкой,
И улыбки прячут старики.

Ох, ты, гармошка весела,
Проводила из села.
Все ты песни мне пропела
И как будто не была!

На большак, до памятного места,
Будут парня двое провожать:
Песней с ним расстанется невеста
И напутствие последним – мать.

Ох, всю дороженьку испортили,
Столбов наставили.
Разлучили нас с девчонкой –
Посте дел прибавили!

А потом один по косогуру
Зашагает дальше молодец
Столбовой дорогой, по которой
Уходил на фронт его отец...

А солдатская работа
Требует сноровочки.
У солдат одна забота –
Меткая винтовочка.

Ох, ты гуляй-ка, молодежь,
Пока в армию пойдешь.
В армии побудете-
Гулянки позабудете!

Красавица

Толпой шумливой, возбужденною
Мы в клуб зашли на огонек.
С работы прямо. Пропыленные.
Не вымыв кирзовых сапог.

Смотреть концерты было где уж нам...
Но вдруг настала тишина.
На сцену тихо вышла девушка,
Нет, словно выплыла она.

А может, от сиденья долгого
Устав, сошла в тот клуб с холста
С косой своей тяжелой, шелковой,
Косе Аленушки подстать.

Она как будто пела песню нам.
Она, по совести сказать,
Могла б спокойно и торжественно
Стоять на сцене и молчать!

Никто и слова бы не вымолвил,
Не разомкнул бы даже губ.
Скажи она лишь: молодцы, мол, вы-
На плечи подняли бы клуб!

Могли б с любой работой справиться,
Жизнь посвятить ее красе...
А на селе, поди, считается
Такой же девушкой, как все!

Агитбригада

Опять все дороги вокруг замело.
Но ехать, конечно, надо.
И едет в автобусе, едет в село
Наша агитбригада!

За подъемом – подъем,
За уступом – уступ.
И вот мы уже у цели...
Зато как наполнило сельский клуб
Студенческое веселье!

Зато, согреваясь, как звучно, легко
Мы там каблуками стучали!
Как ярко блестели глаза стариков
В притихшем, взволнованном зале!

А как в перерывах хлопали нам,
Какая кипела радость!
Как после смейся и пела она,
Наша агитбригада,

Как под усталые вопли зимы,
Назло холодам и буранам
За счастье в тот вечер выпили мы
Вкруговую –
Одним стаканом!

Пластинка

Я песни собирал в деревне.
И вдруг узнал: ходи хоть год –
Грачевой бабки задушевней
Никто в округе не споет.

А бабка та как раз сидела
С внучонком, сторожила дом.
Поговорил я с ней и – к делу:
«Так как, бабуся, не споем?»

«Нет, милый, зря назад лет двадцать
Со мною не был ты знаком
Тогда бы если повстречаться.
Так спели б мы со стариком!

Бывало, с ним на сенокосе
Как заведем – притихнет вмиг
Село»... «А коль сейчас попросим?»
«Да помер, помер он, старик!

А пели как! В котором годе,
Не помню, так же приезжал
Гость из Москвы. Так при народе
Нас на пластинку записал!

Найти бы вот пластинку эту»...
«А может все-таки споем?»
«Да есть же ведь пластинка где-то!»
«Не обязательно вдвоем!»

...Мы бились целый час наверно,
Кричали, спорили, пока
Не убедился я: все верно.
Нет, ей не спеть без старика!

Стараясь, видимо, крепиться,
По-бабьи вдруг не зареветь,
Она сидела, словно птица,
Которой больше не взлететь.

Сидела, теребя косынку,
С плеча сползавшую на грудь,
И все твердила: «А пластинку
Найдите все же как-нибудь!»

Письмо

Представь себе:
Мы только что с работы
Уставшие, голодные пришли.
И вот, припоминая анекдоты,
Товарищи времянку разожгли.
А на времянке сушатся портянки.
И нужно ехать много-много дней
Через леса, поля и полустанки,
Чтобы увидеть свет в твоём окне.

Ты далеко.
Я даже и не знаю,
Где ты сейчас... Ты очень далеко!
И кто-нибудь покой твой охраняет
Надежней расстояний и замков.
Тебе легко
В своём кругу семейном,
Где не страшны усталость и мороз.
И мне добраться до тебя труднее
(Во много раз труднее!),
Чем до звезд...

А звезды опустились низко-низко,
И мир плывёт в безбрежии зари.
Как я хочу сейчас о самом близком,
О самом дорогом поговорить!
Ты для меня
Всех ближе и дороже,
Я все слова тебе одной сберег.
Но грусть мою, конечно, не уложишь
В неряшливую путаницу строк.
Тех строк, что ты наверно не читала
Или прочла, усмешки не тая...

Когда же ты такой спокойной стала,
Ты, самая желанная моя?!
Молчишь. Не слышишь.
Знаю – далеко ты.
И безразлична тишина земли.
И спят товарищи –
Они с работы
Уставшие, голодные пришли...

Встреча

Когда я, все прокляв на свете,
Вошел из тьмы в вагон, она
Сидела, даже не заметив
Дождя за шторами окна.

Как в городской своей квартире,
Привычной, обжитой давно.
Как в неземном, особом мире,
Куда не всем войти дано.

Не всем. И я заметил сразу,
Что, отличаясь от других,
До голенищ болотной грязью
Мои покрыты сапоги.

Что ватник вовсе промочило
И что уже порядком худ
Мой плащ... а ехать нужно было
Каких-то двадцать пять минут.

Я ехал, собственно, по делу –
На первой станции сходить...
И вдруг до боли захотелось
Про все дела свои забыть.

Забыть, окончить счет минутам
И за проснувшейся мечтой
По жизни дальнего маршрута
Поехать с девушкой той.

Вот только бы она сказала...
Уйти?
Или остаться тут?
Да? Нет?

А ехать оставалось
Всего каких-то пять минут.
Четыре, три... я поднимался,
Садился за вагонный стол.
Я колебался. Разрывался.
Решал остаться.
И ушел!

Ушел... Не неотвязной тенью
Ко мне попутчица моя
Во сне приходит.
И в смятении

Средь ночи вскакиваю я.

И вновь зову ее, как юность,
Что в прошлое теперь ушла.
И вновь жалею, что не плюнул
Тогда на все свои дела!

Первая любовь

Шестнадцати – к тому ж неполных – лет,
Совсем еще неопытным мальчонкой
Я встретился в родном своем селе
С ней – самой лучшей на земле девчонкой.

Тогда-то мир открылся предо мной:
С апрельской предрассветной тишиною.
С ручьями и с капелями. С луной,
Повисшею над самой головою,

Тогда-то понял я, что все легко:
И в тундру, и в лесса, и в горы съездить.
Проплыть моря. Взлететь до облаков.
До самых дальних от Земли созвездий.

Тогда-то я в первый раз заговорил.
О, как я каждый вечер вдохновлялся,
И как я ненавидел и любил,
И как я горевал, и как смеялся!

Теперь я так, конечно, не горю:
Закрыта жизни первая страница,
Но до сих пор судьбу благодарю
За то, что мне порой все это снится.

За то, что сердце тот огонь хранит,
За то, что женщина одна – совсем чужая!-
При встречах неизменно говорит,
Что и она об этом вспоминает.

Я слушаю ее. Но я молчу.
И ухожу, глуша свою тревогу,
Не рассказав о том, как я хочу
Вернуться на забытую дорогу.

Я ухожу. Мне надо уходить,
Чтоб не будить, чтоб не тревожить слишком
Того, что невозможно вернуть,
Как невозможно снова стать мальчишкой!

Воспоминание

Я помню:
Шли грузовики
В степи растянутым обозом.
И ветер
Плакал от тоски.
И ноги
Ныли от мороза.

И застывала
В жилах кровь.
И друг мой вспомнил,
Как бывало,
Давным-давно,
В краю ином
Любовь его отогревала.

Твердил он:
«Было время...»
И все же мы
Понять сумели,
Что и сейчас вела она
Его сквозь ветры
И метели.

Вела она...
И только в ней
Тепла, в такой далекой, было,
Что нас его
Для трех парней,
Любви не видевших,
Хватило!

.....

Опять я в нем,
Одном на всей земле
Краю, где шел
На первое свиданье
В неполные свои
Шестнадцать лет,
Не зная ни преград,
Ни расстояний.

Здесь все, как было прежде,
Как тогда.
И вот опять
В весенний синий вечер
Иду я за околицу,
Туда,
Где звезды
Сходят с неба
Мне навстречу.

Опять гремит
Каплями апрель...
Лишь нет ее,
Напрасно ожиданье.
Ей некогда:
За тридевять земель
Она ждет сына
С первого свиданья!

Я, прочитавший сотни мудрых книг,
Уже встречавший жизненные грозы,
Так все-таки еще и не постиг,
О чем гудит апрельский сок в березах.

Я крепко обнимаю каждый ствол
И снова в сказки бабушкины верю.
И из того, что после приобрел,
Уж кое-что мне кажется потерей.

Я под березой старою сажусь,
С полей вдыхая теплый запах хлеба.
И замирает грудь моя от чувств,
Высоких и торжественных, как небо.

Я слышу беспокойный шум вершин,
И, словно самый лучший в мире лекарь,
Он вытесняет из моей души
Все, что мешает быть мне человеком.

И снова мне легко идти вперед,
И снова я готов к любому бою...
Так я хожу в апреле каждый год
На встречу с юностью.
С весной.
С самим собою!

.....

Нет, не бессмертен я,
Когда-нибудь
Меня другие,
Близкие мне люди
Проводят, не спеша,
В последний путь
Со скорбными словами?
«Все там будем».

А дальше —
Тишина на сотни лет.
На сто веков.
На тысячи.
Навечно...
Но после человека на Земле
Должно ж остаться
Что-то человеческое?
Должно!
В заветный срок,
Как давний след,
Отыщут отдаленные потомки
Спрессованный при мне
В столбцы газет,
Мне отслуживший
Голос мой негромкий.

Они его.
Возможно, оживят.
И, как сегодня
Встанут перед ними
Районные пути,
Что в дождь и в град
Ногами были пройдены
Моими.

И дом,
Где я приют себе нашел,
То домосед примерный,
То бродяга.
И койка односпальная.
И стол,
Заваленный
Истерзанной бумагой.

И мне не страшен
Смертный мой порог
Коль все. Чем жил,
Все, что из сердца рвется,
Хотя б одною
Вот из этих строк
В сердцах моих потомков

Отзовется!

Слово о словах

Встали в ряд
В полях газетных
Строчки – борозды в стихах...

Хорошо поют поэты
О туманах да кострах!
О безумстве чувств бумажных,
Свежих розах на снегу...

Вот и мне
Запеть бы так же.
Что я – разве не смогу
В кудри вить слова?

Да только
(Сам в душе поэт, артист!)
говорил мне как-то Колька,
школьный друг мой, тракторист:

- Много их,
в стихах и прозой
землю славящих, как мать!
Почему ж тогда в совхозах
Стало некому пахать?

Не надсаживай ты голос!
Ставь одно себе на вид:
Завсегда порожний колос
Выше тучного стоит!
Выше тучного стоит,
В поле всех звончей шумит!

Эх, воспеть бы
Осень в парке,
Шелест трав, красу берез!

Да, увидел, как доярки
Ломом силос бьют в мороз.
Как на санки глыбы грузят,
Как в корзинках силос тот
Тащат в хлев – пардон! – на пузе
День за днем, за годом год.
А на мать мою похожая
Доярка – в скотный двор
Завела меня:

- Ну, гоже ли?
Вот он, новый транспортер!
Нам бы ветер в спину дунул,
Если б действовать привык

Транспортер тот, как с трибуны
Председателей язык!

Выйдет с папкою огромной,
Говорит – себя не помнит.
Мелет день до вечера,
А послушать нечего!
Не поймет: чем меньше вретя,
Тем спокойнее живется!
От словесной бормотухи
Все изъяны да порухи!

Да!
Слова, как мы – бывают разными:
Есть – душу рвут,
Есть – в атаку поднимают,
Есть – из мертвых воскрешают,
Есть – большее плети жгут.

А бывает так:
Пружина
Лопнет вдруг поверх голов –
И обрушится лавина
С мыльной пеной схожих слов.

Дай спастись,
О боже правый,
Мне от пены той с небес,
От туманного, кудрявого,
Как грешный мир, лукового
Плетения словес!
Упаси в наш век ракетный
От неискренней строки...
Рожь на вид не так приятна,
Много ярче сорняки!

Змий Горилыч
(Сказка для взрослых)

Жил когда-то
В тьме кромешной,
Кровожаден и суров,
Змей Горыныч многогрешный,
До двенадцати имевший
Огнедышащих голов.

Шел тот Змей
На Русь, лютуя,
Жег дома, губил народ.
Знал он: если, с ним воюя,
Голову снесут какую –
Пара новых отрастет.

Но и Русь
Не лыком сшита!
От мечей богатырей
Головы терявших в битвах,
Кровью много раз умытых,
Изнемог однажды Змей:

- Нет с огнем
Мне больше ходу!
Наловчилась драться Русь!
Дай-ка я, на страх народу,
Лучше в огненную воду
Из огня-то превращусь!

- Дай-ка я, как джин, в бутылку
закупорюсь на века!
Брагой, водкой да горилкой,
Разливухой-нетужилкой
Обернусь для мужика!

Страшным криком
Огласив ночь,
Громче, чем в неволе сыч,
Стал не Змей он – Змий Горыныч,
До добра Не Доводимыч.
Ал-ко-го-ле-вич!

Морем пьяным,
Разливанным
Змий разлился по мехам,
По бочонкам, ведрам, жбанам,
Штофам, шкаликам, стаканам,
По «мер-зав-чи-кам!»
Много ль Змий
Достиг огнем бы?

А теперь он, черту брат,
До зубов вооружен был:
Как бутылка – так и бомба,
Как стакан – так и снаряд!

И пошел Змий
Куrolесить:
Без объявленной войны
Брал в полон града и веси,
В богача вселялся бесом,
С нищего снимал штаны.

Возносил
Над облаками,
Обещал дать рай земной.
Умных делал дураками,
Сильных делал слабаками,
Слабых делал размазней:

- Эх, раз на свете-то живем!
Не трясись ты над рублем,
Над мелкашечкой!
Ну-ка, первая – колом,
А вторая – соколом!
Третья – пташечкой, канареечкой!

- Эх, пить будем,
да гулять будем!
А смерть придет –
Помирать будем!
А смерть придет –
Дома не застанет.
А застанет в кабаке
С поллитровочкой в руке!

Стало вдруг.
Как прежде было
При войне да при чуме:
В паре с Змием Смерть ходила.
В гроб гнала, с ума сводила,
Гнула в три дуги в тюрьме.

Верный пес
Всех бед на свете.
Брал людей за горло страх.
Лесом встал бурьян в полях,
И росли в сиротстве дети
При живых еще отцах.

Тот спился.
Тот разбился,
На бутылку наскочив.

Тот с похмелья отравился.
Тот в сугроб спать завалился.
Тот испекся на печи!

Тот вон
Столб своей хорошей
Называл, войдя в кураж.
Тот в огне сушил калоши.
Тот с огромным возом лошадь
На второй тянул этаж!

Пили в радости
И в горе,
При еде и натошак,
Пили в мире, пили в ссоре,
При серьезном разговоре,
В дружбе, в споре и в раздоре,
От безделья – просто так!

Ну, а Змий-то
Все опасней
Каверзы загадывал.
Он и к автору сей басни
Как-то в дом заглядывал.
Как-то в дом заглядывал,
Спать под стол укладывал.

А Змеята
Да Змеицы,
Подколотные мокрицы,
К месту разговор вели:
- Эка невидаль – напиться!
Пьяный – что же? Он проспится!
Вы-то вот проспите ли?

Кто ж спасти
От Змия может?
Что смирить его поможет?
Ругань тещи? Плач жены?
Спорт? Болезнь, что сердце гложет?
Плоть? Начальство, что построже?
Трав настой? А может все же –
Вера в наговоры, в сны?

И тогда
Решили люди:
Пусть он, отпрыск злых стихий,
Гнусный выкормыш Иудин,
В дни торжеств и в годы буден,
Ныне и вовеки будет
Вне закона, подлый Змий!

Люди
Змия изловили,
В гроб стальной заколотили.
Так варили глубоко,
Что и смерить нелегко,
А на Змиевой могиле
Камень черный положили,
Чтоб и через тыщу лет
Змий не выбрался на свет.

Я там был,
Сок – воды пил,
Речь над гробом говорил.
Речь над гробом говорил,
Змию кол в могилу вбил,
По усам вино бежало –
В рот ни капли не попало!

Ожидание
(Поэма)

В час, когда придет пора ночная,
С плеч дела обычные свалив,
Я себя внезапно ощущаю
Гражданином матери-Земли.

Где-то в самом центре мироздания
Я встаю во весь огромный рост.
И мое горячее дыхание
Достигает самых дальних звезд...

Я иду по смолкнувшей планете,
А вокруг такая тишина,
Словно этой ночью, на рассвете,
Долгая окончилась война.

Словно в честь прошедших поколений,
В знак того, что дело их живет,
Будет через несколько мгновений
Послан прямо к Солнцу звездолет.

Развернулось небо звездной картой.
Все готово. Только ждут меня:
Опоздал, забыл я время старта
В кутерьме очередного дня!

С каждым шагом сердцу беспокойней,
Словно где-то здесь, передо мной,
Кто-то незнакомый, но в родной мне
В этот миг прощается Земле.

Без меня встает он рядом где-то.
И уже идет секундам счет.
И уже нацелены ракеты
В бездны неизведанных высот.

И уже дают сигнал к отлету,
Сказаны прощальные слова...

А с утра иду я на работу-
Площадь Космонавтов, тридцать два.

Здесь мой шеф – почти ровесник века –
Говорит, что вот уже с весны
Очень я похож на человека,
Только что упавшего с Луны.

Говорит: «Не понимаю все же
Почему и в мыслях, и в словах
Нашей современной молодежи

Все затмил космический размах?

Все хотят романтики да славы...

А вот я считаю, что летать –
Вовсе не важнее, чем державу,
Скажем, одевать и обувать!

Рвутся все до облаков хотя бы...

Кто ж дома построит на земле?
Кто же – может, старики да бабы –
Будут космонавтам сеять хлеб?

Столько дел земных еще на свете...

Если это помнить день и ночь,
То- поверь мне! – в той же райгазете
Можно очень многому помочь!

Ведь не каждый же из нас Гагарин,
А вопрос о космосе не прост...
Понимаешь? Ты – хороший парень,
Только не считай ты в небе звезд!»

Друг приходит. Говорит, что честно
Мыслит шеф мой. Только он не прав.
Просто есть у жизни, как известно,
Свой – пускай неписанный – устав:

«В людях – гвоздь! Пускай мы бездны мира
рвемся, взяв невиданный разбег.
До чего же со времен Шекспира
Мало изменился человек!

Камнем вас из-за угла не хватают.
Но ведь, ближних пламенно любя,
Нет, не все в квартире да в зарплате
В чем-то прочем – обойдут себя!

Космос – тоже... Первые полеты –
Как бы ни тяжел был этот труд –
Связаны с достатком да с почетом,
В них кого попало не пошлют.

Взять тебя. Ты встал на путь тернистый.
К звездам, без сомненья, полетит
Не один десяток журналистов,
Но ведь не районных же... Учти!

Бейся лбом об стенку хоть до гроба –
Изменить тут ничего нельзя.
Все это понять пора давно бы –
Ты не мальчик. У тебя семья!»

Да, семья...Пусть, приходя с работы,
Мне всего не говорит жена,
Знаю я давно ее заботы,
Знаю все, о чем молчит она.

А молчит она о том, когда же
Вспомню я, что мне за тридцать лет,
Распущусь с «космическою блажью»,
Чтобы встать покрепче на Земле.

Ждет, когда, забыв мечты пустые,
Сам пойму я, кем крепка семья.
Стану жить спокойно, как другие,
Умные, серьезные мужья.

Для кого всегда в руках синица
Журавля важнее в облаках.
Те, которым если и не спится —
Не от дум о звездных пустяках.

Те, что без экскурсий в дебри мира
Поняли бы сразу, например.
Что поскольку есть у нас квартира,
То нужны нам стол и шифоньер.

Нужно все. Ведь мы еще не знаем,
Что там впереди за времена:
Может, вдруг беда придет какая
Или грянет все-таки война!

Может быть...
К нам, в скорлупу квартиры,
Снова все, чем мир сегодня полн,
В шесть часов доносит из эфира
Громовой прибой радиоволн.

Он гремит, гремит, не умолкая,
Он опять встревожен неспроста:
Снова Желтый Дьявол превращает
Человека в злобного скота.

Снова, звездным знаменем свободы
Прикрывая жадность и разбой,
Кто-то государства и народы
Беспрерывно ссорит меж собой.

Кто-то бомбу мастерит, что сразу
Шар земной на части разорвет.
Кто-то суператомную базу
Чуть ли не на Марсе создает.

Неужели суждено планете

Вспыхнуть звездным светом и сгореть?
Неужели к нам и нашим детям
Подкрадется атомная смерть?

Дети... Лишь «Последние известия»
Отгремят и унесутся в ночь,
Я смотрю, как с медвежонком вместе
Крепко спит в своей кровати дочь.

Дети... Все, за что пришлось бороться,
Все, что совершить нам привелось,
Через них в грядущее прорвется
Как сквозь годы – свет погасших звезд.

Что они возьмут от нас в дорогу
Связь с Землею? Жажду высоты?
Страсть к комфорту? Или же тревогу
За осуществление мечты?

А быть может в том далеком завтра,
Прорубал в новый мир окно,
Скажут: «Время первых космонавтов,
До чего же сложное оно!»

Может, скажут с горечью: «Как труден
Был для первых в небо шаг любой.
Как мешал им пестрый гомон буден
Во – время подняться над собой!»

Кто осилит время – неизвестно,
Только знаю, помню каждый час:
Будет суд потомков. Строгий, честный
И отдельный каждому из нас.

Только верю: в памяти народа
Встанут рядом те, что в космос шли,
С племенем семнадцатого года –
Первооткрывателем Земли!

День окончен...
Снова, с плеч усталых
Сбросив груз обыденных забот,
Переполнен силой небывалой,
Я иду под звездный небосвод.

Я шагаю, думая, каким он
Будет, путь наш, через сотни лет,
Если за полвека лишь прошли мы
От простой телеги до ракет?

Если эра звездного раздолья,
О пути в бескрайний мир трубя,

Старт берет с Земли... не оттого ль я
Верю в вас, друзья мои, в себя?

Верю: мир и счастье отстоим мы,
Собираясь в этот путь всерьез,
Чтоб зловещий пепел Хиросимы
Не закрыл от нас далеких звезд.

Верю: никогда привычкам старым
Из сердец горячих не изгнать
Гордый пламень дедов-коммунаров,
Начинавших небо штурмовать.

Верю... пусть же каждый в громе буден
Ясно слышит звездный зов мечты.
Пусть все резче проступают в людях
Будущего светлые черты!

Часть вторая

**Из стихов,
опубликованных в газетах
и сборниках**

ВСПОМИНАЯ ТОЛЮ ВОСТРИЛОВА

Не помню, как мы познакомились. Понятно, что это было на историко-филологическом факультете университета в октябре или ноябре 1957 года, после того, как все мы вернулись с целины, с Алтая, и начали заниматься в старом доме за углом улицы Свердлова в Комсомольском переулке, наискосок от кинотеатра «Палас». Скорее всего, нас познакомил Валерий Шамшурин. Мы с Адриановым учились на первом курсе, Валерий – на втором, а Толя – на четвертом. Потом многократно бывали дома у Бориса Ефремовича Пильника на углу улиц Генкиной и Ошарской.

Само по себе это было очень интересное время, которое вошло в историю по названию повести Ильи Эренбурга как «оттепель». Все ждали «тепла», но оно так и не наступило. Наоборот, посреди «оттепели» возникали резкие «заморозки», иногда переходящие в «морозы». Это когда подвергся гонениям Борис Пастернак за «Доктора Живаго», изданного за границей или когда происходили погромные выступления Никиты Хрущева на встречах с деятелями литературы и искусства, когда он учил писателей, как писать, художников, как рисовать, а режиссеров, как снимать кинофильмы и ставить спектакли.

Естественно, мы все это принимали близко к сердцу и жили этими проблемами. Полного единодушия в оценке событий среди нас не было, но разница была в нюансах восприятия происходящего. Мы с Адриановым зачитывались стихами Евтушенко и Вознесенского, Роберта Рождественского, очень любили поэзию времен Великой Отечественной войны (Константина Симонова, Марка Лисянского, Алексея Суркова, Михаила Дудина, Михаила Луконина читали наизусть), с Толей у нас было общее преклонение перед Александром Твардовским. Нас он упрекал в незнании жизни в деревне в военную и первую послевоенную пору, что было правдой. Хотя даже наши студенческие поездки «на картошку» в 50-е годы многое нам прояснили. У каждого из нас было свое детство в военные годы, свои потери родных и близких в войну, а отсюда свое «знание жизни», которое никому не пожелаешь. Об этом мы писали и носили стихи в горьковские газеты. Праздником была каждая публикация. Потихоньку уже задумывались о своих книгах стихов. Много выступали. Если перелистать старые газеты тех лет, то в глаза бросятся короткие сообщения о том, что состоялось то-то и то-то, а затем со своими стихами выступили поэты ГГУ.

Часто ездили в библиотеку имени Грибоедова, размещавшуюся в клубе завода «Вторчермет», на окраину города Горького, где я жил, а в библиотеке работала моя будущая жена Рая. Клубный зал набивался битком, и каждого из нас бурно приветствовали. Вообще это было время, когда поэзия в стране пользовалась всеобщей востребованностью и популярностью, когда сборники стихов сметали с прилавков книжных магазинов. И это было объяснимо: то, что прозаики только вынашивали, прежде чем сесть за письменный стол, поэту уже высказывали и печатали.

Мы знали наизусть стихи друг друга. До сих пор помню Толины «Заколоченные избы» (в которых речь о послевоенных деревнях, но которые стали актуальными в наши послеперестроечные дни), «Я помню шли грузовики в степи растянутым обозом», «Дед» (которое породило эпиграмму нашего сотоварища Валентина Герасимова «Поэт из «Деда» выжал тему и написал «Мою поэму»», саму «Мою поэму», которая имела с десятков вариантов. Толя ее совершенствовал и совершенствовал, никак не мог поставить завершающую точку.

Вообще он весь был обращен к своей родной деревне в Вачском районе Горьковской области, где всех знал и все знали его. Помню, как на первом городском турнире поэтов 20 апреля 1958 года в библиотеке имени В.И. Ленина, когда ему предоставили слово, Толя вышел к трибуне и представился: Анатолий Вострилов, Горьковский университет, Вачский район.

В нем жила какая-то внутренняя вина перед «малой родиной» за то, что он ее оставил, уехал учиться в город, и эта «вина» стала темой многих его стихотворений. Помню, как однажды наш общий учитель Борис Ефремович Пильник, прочитав очередное стихотворение на эту тему «успокаивал» Вострилова: «Ну, что ты все оправдываешься и оправдываешься перед деревней, вот отучишься и вернешься...» И после короткой паузы добавил: «А ведь не вернешься: ты ее уже пе-ре-жил! Она тебе только темой для стихов и осталась. И в этом качестве всегда будет нужна. Вернешься — многое потеряешь!» Старый поэт оказался прав. После окончания университета Толя уехал в глухой тогда Тоншаевский район, по сути, в другое село в окружении других сел и деревень. И стал там своим человеком. Но был уже «отравлен» городом и вернулся на работу в Горький, а потом осел навсегда на Бору, который представлял тогда нечто среднее: полудеревню и полугород...

Получилось так, что Анатолий косвенно был причастен к одному из ярчайших явлений нашей студенческой жизни — НЭТу, первому в Горьком вузовскому театру — Нашему Эстраднему Театру.

Он родился осенью 1959 года после поездки в конце октября в село Тоншаево на севере Горьковской области. Там Толя работал в районной газете. И мы решили его навестить с официальным визитом. Официальным визит был потому, что организована поездка была под эгидой лекторской группы обкома ВЛКСМ. Нам было поручено встречаться с сельской молодежью, выступать в деревенских школах и клубах. Мы читали стихи, проводили лекции о современной литературе, о музыке. Тогда из небытия возвращались имена многих поэтов — Бориса Корнилова, Николая Майорова, Павла Когана, Марины Цветаевой, мы с Адриановым зачитывались Владимиром Луговским. Ехало нас семеро — Юра Адрианов, Леня Флаум, Женя Филатов, Валера Лысяков, Владик Грехнев, Валерий Шамшурин и я.

Поездка в Тоншаево продолжалась неделю. И тогда мы на семь дней раньше встретились с зимой, потому что у нас в Горьком снега еще не было,

а в Тоншаевском районе он лежал. И на железнодорожной станции Шайгино нас встречали на розвальнях с лошадьми. По утреннему морозцу уложили на сани и укрыли тулупами.

Поселили нас в большой крестьянской избе, где жила одинокая пожилая женщина. С дороги она поила нас чаем из самовара, угощала медом и допытывалась, кем потом становятся студенты Горьковского университета.

Юра Адрианов, размешивая мед в чае, ответил на ее вопрос:

- Кем становятся? Да всем – от дворника до премьер-министра!

Через много лет, когда выпускник радиофака Борис Немцов стал первым вице-премьером правительства России, я позвонил Юре:

- Ты тогда в Тоншаеве чуть-чуть не угадал!

- Да, - ответил Юра, - с дворниками я тоже, к сожалению, не ошибся...

В середине 90-х годов, когда многие предприятия рухнули, люди с университетскими дипломами остались без работы и рады были любому делу, становились «челноками», а нередко и дворниками...

Вострилов работал в районной многотиражной газете «Тоншаевский колхозник». Жил на квартире и за три месяца пребывания в райцентре уже не один раз побывал в разных уголках этого северного таежного края. Так что в качестве старожила Толя советовал нам, куда лучше съездить и выступить перед молодыми тоншаевцами. В некоторых случаях ездил и выступал с нами.

Встречи в Тоншаевском районе оказались очень интересными и полезными для нас. И по приезде на факультет мы решили поделиться впечатлениями. И таким образом родился наш первый капустник, который назывался «Семь дней, которые потрясли Тоншаево». Естественно, мы начали наш спектакль с того, что передали всему факультету привет от тоншаевского «отшельника» Анатолия Вострилова.

...Седьмого мая 1963 года в Москве открылось IV Всесоюзное совещание молодых писателей. Проходило оно в большом зале только что открывшейся гостиницы «Юность». Под бурные аплодисменты появились в президиуме Федин, Твардовский, Сурков, Смеляков, Исаковский, Светлов, Павло Тычина, Николай Ушаков, Георгий Марков, Сергей Михалков. Зал, радуясь узнаванию, повторял их имена. И вдруг из конца в конец полетело: Гагарин! Гагарин! Гагарин!..

Ладный молодой подполковник с золотой звездочкой на груди стоял рядом с Константином Александровичем Фединым. Открывая совещание, Федин представил Юрия Гагарина тоже как молодого писателя, автора книги «Дорога в космос».

В перерыве Гагарин был окружен толпой. Он словно плыл в ней, и волны захлестывали его, выбирался из одной круговерти и тут же попадал в другую. У него брали автографы, ему дарили книги, просто говорили добрые слова и пожелания. Около Гагарина суеился широкоплечий крепыш в клетчатой рубашке навывпуск. И, вытирая пот, просил молодых поэтов и поэтесс «побережь космонавта». У нас, у горьковчан, еще во время заседания возникла идея сфотографироваться на память с Гагариным и Твардовским.

Мы с Адриановым должны были раздобыть Гагарина, а Толя Вострилов — Твардовского. Но к Гагарину пробиться было просто невозможно. Наша затея могла оказаться безнадёжной. Если бы я, не веря в удачу, не обратился за помощью к этому человеку в клетчатой рубашке:

— Нам бы с Гагариным сфотографироваться...

Он усмехнулся:

— Вон все хотят! Откуда вы приехали — такие инициативные?

— Из Горького...

— Ну, да?..

Он изменился в лице, вроде даже обрадовался, и, нырнув в толпу и вынырнув возле Гагарина, сообщил ему:

— Юра, слушай, тут мои земляки, просят с ними сфотографироваться... Надо!..

— Твоя просьба — для меня закон! — рассмеялся Гагарин.

Земляк доставил Гагарина ко мне и сказал: «Держи его за рукав, чтоб другие не увели!»

Я это тоже воспринял как приказ. И левой рукой слегка прихватил правый рукав гагаринского кителя. И мы пошли к окну, где светлее. Адрианов прикрывал нас сзади. А там шел целый шлейф народу. А в это время Толя Вострилов выполнял другое спецзадание — привести к тому же окну Александра Трифоновича Твардовского. Все присутствующие были настолько увлечены наличием Гагарина, что на великого поэта никто особого внимания не обращал. Он разговаривал с Константином Фединым. И тут как раз подоспел Вострилов и, не очень разобравшись в обстановке, впопыхах проокал:

— Уважаемый Александр Трифонович, горьковчане приглашают вас сфотографироваться...

Твардовский кивнул и обратился к Федину:

— Константин Александрович, нас приглашают сфотографироваться.

...На фотографии, что сейчас лежит передо мной, есть молодые писатели, которых я не знаю до сих пор. Запомнил только Карла Рендаля — он крайний слева, рядом со мной — собкора «Комсомольской правды» на Сахалине. Между Гагариным и Фединым выглядывает Адрианов, а от Вострилова на этом снимке остался только фрагмент левого уха, Толю перекрыл Федин. Но у Толи, я знаю, есть другой вариант снимка, где он почти в полный рост, но там лишь угадывается Адрианов.

Тогда ни у кого из нас своих книжек еще не было. И на совещание я взял с собой только что вышедший сборник стихов горьковских поэтов «Поэтический год 1962», где и мы были напечатаны. Эту книжку я и подарил Гагарину. Но самое памятное произошло на следующий день. Тогда на первом этаже гостиницы «Юность» располагался магазин издательства «Молодая гвардия». И в один из перерывов туда прямо из типографии привезли выпущенную новым тиражом гагаринскую «Дорогу в космос». Так уж совпало, что сам Гагарин, только что подъехав, с улицы вошел в магазин. Мы расступились и пропустили Юрия Алексеевича к стопкам новеньких

книжек. Я от имени всех, кто был тут, попросил, чтобы он на книжках расписался перед тем, как мы их купим. Он оглянулся, увидел меня:

— А, старый знакомый! Ты мне вчера книжку подарил, выходит, я твой должник...

Снял верхнюю в стопке, открыл на титульном листе и летуче расписался — Гагарин... Близко-близко было его лицо, в глубине улыбчивых глаз пряталась то ли грустинка, то ли усталость. Левая бровь слегка сломана в изгибе недавно появившимся шрамом.

Он протянул мне книгу:

— Держи...

На совещании, кроме пленарных заседаний (а их было всего два), основная работа велась в семинарах. И, когда мы только еще ехали в Москву, то гадали, к какому из известных поэтов попадем. И еще нам хотелось, чтобы нас не разлучили по разным аудиториям. Было тайное желание попасть к Ярославу Васильевичу Смелякову, с которым мы познакомились в Горьком за два месяца до совещания молодых писателей. Смеляков приезжал вместе другим замечательным стихотворцем-фронтовиком Михаилом Лукониным. И мы с Юрой Адриановым по указанию кого-то из наших горьковских поэтических мэтров, кажется, Владимира Автономова навестили московских гостей в их номере в гостинице «Москва» на улице Свердлова. Оба поэта только что вернулись после двух- и трехдневной поездки по Борскому району, где первым секретарем горкома партии был поэт, член Союза писателей Владимир Андреевич Каныгин. Смеляков тогда в гостиничном номере шутил, что до сих пор знал в русской литературе двух писателей-губернаторов — Державина и Салтыкова-Щедрина, а теперь вот узнал третьего — Каныгина...

Естественно, мы с Юрой читали московским классикам свои стихи. И надо сказать были по-доброму выслушаны и поддержаны.

Ярослав Васильевич сказал, что у него будет свой семинар на совещании, но не знал, как и из кого он будет сформирован. Мы сказали, что нас будет трое и назвали Толю Вострилова. Смеляков нам ничего не пообещал.

Минут за двадцать до открытия первого пленарного заседания мы ходили по коридорам и холлам первого этажа гостиницы «Юность» и с волнением вглядывались в давным-давно знакомые по портретам лица мастеров литературы, которые то тут, то там попадались нам навстречу. Из-за какого-то угла вывернулся куда-то спешащий Смеляков. Он узнал нас с Адриановым и, ткнув в меня и в Юру пальцем, провозгласил: «Ты и ты — у меня, я вас выискал в общем списке и записал в свой семинар!» - «Но нас трое, - вырвалось у меня, - это Толя Вострилов!» - «А он к кому записан?» - «Не знаем?». — «Черт с вами, приходите ко мне втроем! Посмотрите по расписанию, какой номер у моей аудитории, встречаемся завтра в десять утра... » И убежал. На завтра, когда мы явились в Дом литераторов, в аудиторию на втором этаже, Смеляков представил нас тем, кто пришел раньше: «А вот три нижегородских богатыря! Прошу любить и жаловать...»

Смеякову помогали в работе с молодыми авторами известный поэт-фронтовик Илья Френкель, автор стихов знаменитой песни «Давай закурим!», и автор нескольких поэтических книг Владимир Гордейчев, приехавший из Донбасса. В нашем семинаре занимались уже много публиковавшиеся московские поэты Владимир Луговой, Игорь Волгин, Алла Стройло. До наших дней в литературе «дозвучало» имя Игоря Волгина, правда не столько как поэта, а как крупного исследователя творчества Ф.М. Достоевского, автора солидных монографий о жизни и творчестве великого писателя. Всякий раз Смеяков, обращаясь к нам, называл нас «тремя богатырями из Нижнего Новгорода». Но на заключительный вечер в Кремлевском Дворце съездов из всего семинара назначил выступать только Юру Адрианова, поручив ему прочитать, «комсомольские стихи» - «Слово о балладах». Мы с Толей сидели в зале и внесли свой вклад в шквал аплодисментов, которые достались Юре от огромной аудитории.

Я не сказал, что к тому времени Толя уже вернулся из Тоншаева в Горький и с января 1963 года работал редактором сельскохозяйственных передач у нас на студии телевидения, так что мы все трое представляли на писательском совещании в Москве Горьковское ТВ. В 1964 году Анатолий перешел работать в газету «Борская правда». Встречаться мы стали реже, но дружить не перестали, обменивались вышедшими книгами, следили за публикациями друг друга в газетах и журналах, делились впечатлениями от различных литературных и не только литературных событий.

**А.М. Цирульников,
журналист**

Моя поэма

Есть в каждой человеческой судьбе
Судьба эпохи – властная, большая.
И все-таки поэму о себе
Не со своей судьбы я начинаю.

Моя поэма началась давно,
За все слова, что, может быть, сотрутся,
Заплачено особою ценой –
Ценою крови, войн и революций.

Я не хочу копаться в старине,
Но, может быть, еще в десятом веке
Могли начать поэму обо мне
Иль о другом, таком же человеке...

Поэма эта началась с того,
Что на лесной заброшенной опушке
В года былые выросла избушка,
А вслед за нею – целое село.

В нем жили полтора-два чудаков
Косили сено, по-воду ходили,
И молча хоронили стариков,
И молча смену новую плодили.

И было так десятки долгих лет,
Тонули звуки в Заболотной зыби...
Наверно потому не вынес дед
И поселился где-то на отшибе.

Мой дед был беспокойным чудаком –
К спокойной жизни так и не привык он.
И часто запивал, и далеко
Будил округу песнями и криком.

За ним следили только из окна,
Его старались обойти сторонкой,
И даже лупоглазая луна
Давала крюк над дедовой избенкой...

Был дед в любой забаве не дурак,
И приносил на праздничные сходки
Он петуха, которого для драк
Кормил горохом, вымоченным в водке.

Но побуянив, утихал и он,

О новой пьянке думая заранее,
И воцарялось, как кошмарный сон,
Зловещее болотной молчанье!

Я расскажу, как это началось,
Как набирая силы для разгона,
Моя поэма прорывалась сквозь
Молчание глухим болотным стоном.

Я говорю за тех, кто не успел
Заговорить и жил в молчаньи диком,
Я говорю за тех, кто на расстрел
Шагал с последним человеческим криком.

Нам каждый крик давался нелегко,
И осенью семнадцатого года
Мой дед под топорами кулаков
Погиб за пробуждение народа.

Случилось это хмурым-хмурым днем
Во время спора около нардома.
Был страшен труп остывший, и потом
Его накрыли старою соломой.

На этот труп без шапок и без слов
Глазели люди, затаив дыханье...
И вот моя поэма до краев
Наполнилась обидой на молчанье!

И вот моя поэма, оборвав
Пропахшие болотом разговоры,
Произнесла громовые слова
Тяжелыми орудьями «Авроры»!

И много их, услышавших тогда
О новой жизни и о новой власти,
Шло из болот в большие города
Пытать еще неведомое счастье...

Эпоха бурь, не ты ль повинна в том,
Что и отец подгнивший дом покинул
И что идти нехоженным путем
Он завещал единственному сыну?

В суровые, тревожные года,
В осеннее дождливое ненастье,
Отца звала далекая звезда
Земного человеческого счастья.

В родном селе не плакали о нем,
Его не провожали за ворота –
Еще цеплялся каждый за свое,

Лишь отступило подлое болото!

И на земле, метавшейся в дыму
После болотной спячки беспробудной,
Отцу искать то счастье одному
Наверно было очень, очень трудно.

А я еще не мог ему помочь, -
Я, только начиная жить на свете,
Не мог идти тайгой в глухую ночь
И замерзать в землянке на рассвете,

Не мог еще, болотный мир будя,
Валить деревья, проводить тоннели,
Не мог еще стоять в очередях
И впроголодь работать по неделям.

Не слышал грозный гул передовиц
И Родины тяжелое дыхание
И надвигавшиеся от границ
То злобный вой, то жуткое молчанье...

Но годы шли, но годы шли и шли.
И шла страна – растущий малолеток –
И гулко сотрясала грудь земли
Железными шагами пятилеток!

И воротясь со временем назад,
В село, где деды мучались веками,
Отец, наверно, смог бы рассказать
О новой жизни новыми словами.

История, она всегда права...
Но я еще не мог ему ответить,
Когда свои последние слова
Он крикнул обезумевшей планете.

Когда вдали от нашего села,
В заснеженных равнинах Подмосковья,
Моя поэма вдруг оборвалась
И захлебнулась собственной кровью!

Я рос в краю отцовском, далеко
Среди лесов, на все леса похожих,
И лишь по разговорам стариков
Да по далеким заревам бомбежек

Догадывался, что идет война,
И что ее безудержностью древней
Заряжена немая тишина,
Повисшая над каждою деревней.

Как я боялся этой тишины,
Слез матери и шепота старушек!
Как рано мне вдали от той войны
Пришлось покинуть звонкий мир игрушек!

Я рос неразговорчивым юнцом,
Считая чуть не целый мир причиной
И горечи испытанной отцом,
И дедовской нерадостной кончины.

Я спрашивал седых фронтовиков
И старожилов дедовского края:
Где мой отец нашел покой?
Что передал он сыну, умирая?

Но даже мой сосед – и тот молчал.
Молчал: мы жили в памятную пору,
Когда о тех, кто без вести пропал,
Особо не любили разговоров.

Когда была невидимым замком
Страна в тиски молчания зажата,
Когда молчанье было тем путем,
Который обеспечивал достаток.

Молчание старалось взять свое...
И все-таки однажды на рассвете
Поверил я, что мой настал черед,
Что я ее, свою поэму, встретил!

Она пришла в сиянии зари.
Она пришла – и никуда не деться.
Она сумела сразу покорить
Наивное мальчишеское сердце.

И почему – не мог бы я сказать,
И для чего - не мог предугадать я,
Вселился целый мир в ее глаза
И в новое сиреневое платье.

Лишь помню, как ходил и проклинал
Себя за ненавистное молчанье,
И как, поняв мою тоску, она
Мне за селом назначила свиданье.

Она пришла ко времени – точь в точь,
Как все приходят – просто и знакомо.
Но я запомнил: звезды в эту ночь
Сошли на крышу дедовского дома...

Любовь...еще как будто бы вчера

Она могла за выгоном колхозным
Сидеть со мной до самого утра,
Сосредоточенно считая звезды.

Смотреть, как плавно катится река,
Как волны набегают торопливо...
Она была, по-моему, мягка
И черезчур тиха и молчалива!

Конечно, с ней, быть может, сотню лет,
Подремонтировав домишко старый,
Я мог прожить в прадедовском селе,
Порою отлучаясь на базары.

Но мне мешала дедовская кровь –
Поэтами обыгранная тема...
Прости, прости меня, моя любовь,
Ты не сумела стать моей поэмой!

И стало вдруг: в селе – ни огонька,
А на душе – неясная тревога.
И навалилась дедова тоска,
И позвала отцовская дорога!

И до большого тракта за село
Меня июльским утром провожая,
Мне мать сказала: «Будет тяжело –
Пиши. Картошки, может, накопаю...»

И все. И повернулась. И пошла
Пошла домой, проглатывая слезы...
А что еще сказать она могла,
Как член послевоенного колхоза?!

Она всю жизнь была трудягой, мать,
Из тех, кто звезды не хватает с неба.
Из тех, кто каждый день ложится спать
С заботой о куске ржаного хлеба.

Она всю жизнь в полях растила рожь,
Всю жизнь не понимая почему-то,
Зачем из дома рвется молодежь,
Где даже стены кормят, если трудно?

Зачем уходит сын, который стал
Мужчиной, мог бы стать ее опорой?
...Прости же, мать, за то, что я молчал –
Слова тогда звучали мне укором.

Прости, что шел на жизнь искать права,
Как шли, наверно, в молодости все мы.
Прости, что приберег тогда слова

Для ненаписанной еще поэмы!

Земля необозримо велика
А жизнь так просто не уложишь в схему...
Как долго и как трудно я искал
Ее, мою суровую поэму!

Я в жизнь себе искал прямых путей,
Которые с отцовскими сошлись бы
В те дни, когда на родине моей
Молчали заколоченные избы.

Меня ошеломляла целина
Могучим неразбуженным простором,
Я в общежитиях запоминал
Студенческие яростные споры.

Я научился в дальних деревнях,
Шагая с комсомольскою бригадой,
В глазах людей, смотревших на меня,
Искать за все труды свои награду.

Я так же, как и все не мог уснуть
В тот день, когда писали все газеты
О том, что мировую тишину
Прорвали красноразветные ракеты.

И в столбиках скупых газетных строк,
И в спорах, порождающих проблемы,
И в километрах пройденных дорог
Искал я продолжение поэмы...

И вдруг пришел потрепанный конверт:
Сосед мой, после долгого молчанья,
Прислал мне самый пламенный привет
И много наилучших пожеланий.

Он пишет мне: «Ну. Как твои дела?
Вернешься ли в отцовские палаты?
А здесь теперь другая жизнь пошла,
Хоть с лесом, правда, стало трудновато...

А как, сосед, там в городе зима?»
За сотни верст – хорошее соседство!
...И на меня от этого письма
Повеяло деревнею и детством.

Он пишет: «Слышно, в гору ты пошел.
Ну, как твои успехи по газетам?»
И вот перед мной уже не стол,
А озеро, ровесники и лето.

«Стихи твои, - он пишет, - берегу –
Не часто ведь случается такое...»
И вот я на заброшенном лугу
Опять встречаюсь с первой любовью.

«Что, - пишет он, - скитаться по земле?
Тебя, мол, здесь пока не забывают.
Мол, стало быть, у нас, в родном селе,
Она, твоя поэма, проживает»...

И вот теперь, почти лишившись сна,
На улицу села родного выйдя,
Стою я возле каждого окна,
Чтобы свою поэму в нем увидеть.

Вот вижу я: за ужином сосед,
Сидит среди достатка и довольства...
А знает он, что мой отец и дед
Жизнь отдали во имя беспокойства?

Вот вижу я любовь мою – она
В кругу семьи, где я вовеки не был...
А видно ей из этого окна
Огромное задумчивое небо?

Иду я по знакомой стороне,
Стою я у знакомого порога
И слышу. Как сжимает сердце мне
Знакомая-знакомая тревога.

Она во мне от деда и отца –
Ведь не случайно, не забавы ради,
Я, проходя у старого крыльца,
Подтягиваюсь, словно на параде.

И чувствую: конца поэмы нет,
Все это только самое начало –
Ведь мне пока что только двадцать лет
Я думаю, что это очень мало!

Моя поэма ширится, растет,
Она не остановится на точке,
Она еще в грядущее войдет
Хотя б одной единственной строчкой!

Ей побеждать. Расти, идти вперед,
А мне сквозь жизнь нести ее достойно.
И никогда не кончится наш рол,
Род несговорчивых и беспокойных!

1958-1966г.

Напутствие

Если сердцу хочется простора-
Не томи его и не горюй.
Чемодан возьми и выдь за город,
У дороги встань и голосуй!

Голосуй за дальность расстояний
И за этот долгожданный миг.
И садись без всяких колебаний
В первый же попутный грузовик.

И пускай спокойно сердце бьется
В час, когда внезапно под тобой
Ленточка асфальта оборвется
И растает в дымке голубой.

В час, когда машина многотонная
Задрожит, замечется... Держись!
Это наши сельские, районные,
Дальние дороги начались!

Те, что не подбиты, не подмазаны,
Те, которых в жизнь не сосчитать,
На которых стрелкой не указано
Много ль ехать, много ли шагать.

Только ты напрасно не ругайся,
Что конца дороги не найдут.
Только ты их не остерегайся –
Все они на родину ведут!

И пройдя своею, неизвестной.
Никому не ведомой тропой,
Ты поймешь, откуда наши песни,
Хлеб и соль, и кров над головой.

Ты поймешь, что вовсе не напрасно
Выходил тропу свою искать...
Этот миг заветный, это счастье
Я тебе желаю испытать!

1961 г.

День

День многотрудный, не случайный,
Ушел, как легкий дым с реки.
Наверно, вновь в районной чайной
Сошлись под вечер земляки.

Там – спор о малом и великом,
О тысячах земных тревог...
А я опять не смог придти к ним,
Решить их споры не помог.

А ночью под напев бурана
Мне снилась дивная страна:
Луна над домом. Плач баяна.
Свет позабытого окна.

Казалось: шаг один всего бы
Шагни в ту даль – и юность встретить...
Но нет, не сел я в поезд. Чтобы
Хоть чуточку помолодеть.

И утром –
Утром я не слышал,
Как лед свой сбросила река,
Как солнце вновь на небо вышло,
Лучи вонзая в облака.

Не видел на груди земной я
Борьбы неправды и добра,
Перед которой все другое –
Всего лишь детская игра.

И был весь мир
Мне укоризной
В том, что увлекся я игрой,
Живу неправдашнею жизнью,
Живу бумажной мишурой!

Сельская учительница

Прибыла в деревню. И как будто
Повзрослела. Поняла, что тут
Не найдешь поддержки института –
Ты и есть тот самый институт.

Ты не только институт. Ты все тут:
Академик. Лектор на дому.
А кому вести здесь культработу,
Если не тебе? Скажи кому?

Все заботы валятся на плечи,
Крутишься весь день-деньской...и все ж
Самое мучительное – вечер:
Скучновато. Где ты, молодежь?

Где они гремят, фокстроты – вальсы?
За какой из тысячи дорог?
Почему никто не догадался
Заглянуть сюда на огонек?

Заглянуть, покинув танцплощадки,
Постучаться в девичье окно,
Посмотреть на эти вот тетрадки,
На ее курносых пацанов.

Взять подругу за руку несмело,
Что-нибудь хорошее сказать...
Может быть, она бы смотрела
В голубые, добрые глаза.

Может быть бы назвала любимым,
Может быть бы обняла его...
Эх, и зря же парни ходят мимо,
Ходят мимо счастья своего!

1963 г.

Ругань

Мать меня никогда не ругала.
А если я в чем-то
Маху давал,
Она на меня
Только взглянет, бывало —
И я понимал

Зато уж другие —
Ох, как ругали
У каждой
Не взятой мною черты!
С пылью мешали,
Потом поднимали
И снова ругали
До хрипоты.

Ругали, ругали...
А я огрызался.
Я только позднее
Усвоил вполне:
Ругали — затем,
Чтоб с пути не сбивался,
Затем, что желали
Хорошего мне.

Ругали меня.
И как трудно мне было,
Когда,
Пережитое в сердце храня,
Взрослел я с годами,
Когда становилось
Все меньше ругателей
Возле меня!

И только теперь вот
Понятно мне стало,
Как надо бы,
Надо бы в жизни порой
Не просто меня
Отругать, как бывало,
А по уху съездить мне
Доброй рукой!

Эстафета

Сколько знал я
Дорогих людей,
От меня неотделимых вроде,
Помогавших мне в любой беде!

Только все они
Потом уходят.

Все был рядом друг.
Но грянул срок –
Отбывает к вечным берегам он.
И уж не зайдешь на огонек,
Не пошлешь под праздник телеграмму.

Сколько было их,
С кем вечно мне
За добро и хлеб не расплатиться!
На меня с портретов на стене
Смотрят их задумчивые лица.

Слышу я
Их голоса в ночи –
Тех, кто в жизнь помог открыть мне двери,
Кто, от сердца мне вручив ключи,
Как в себя, в меня когда-то верил!

Как же робко,
Мелочно я жил
В хрупкой скорлупе своей квартиры,
Сколько важных дел не совершил,
Сколько песен не сложил для мира!

И кому ж мне
Заплатить долги,
Как не тем, кто жизни не изведав,
Не страшась ни зноя, ни пурги,
В тот же путь идет за мною следом?

Все возьми,
Друг юный, дорогой!
И живи на свете долго-долго.
Лишь при встрече с юностью другой
Не забудь: нет в мире ничего
Тяжелей неотданного долга!

После работы

По вечерам, ссутулившись немного,
Окончив день, исполненный трудов,
Подходит он к знакомому порогу –
Парнишка восемнадцати годов.

Здесь дом его. И стол. И все, что надо.
И на него с портрета на стене
Спокойным и немного грустным взглядом
Глядит отец, погибший на войне.

Он на отцовское проходит место –
За стол, как полагается большим.
А мать заводит речи о невестах
И о делах советуется с ним.

Потом, окончив ужин, он устало
Взбирается по лесенке наверх,
В широкие объятия сеновала...
И видно: поработал человек!

1960 г.

Раздумье

Вот и сорок лет мне.
Понимаю:
Не вернется молодость назад.
Мне все чаще в парке и в трамвае
Вежливо «папаша!» говорят.

И все чаще, с плеч уставших скинув
Бренный груз житейской суеты,
Сам я вижу в дочери и сыне
Собственные давние черты.

Значит, вправду
Зрелость наступила.
И не зря в бессонный час ночной
Все, что сделал, все, что в жизни было
Вновь и вновь передо мной.

Не вершил я
Судьбы миллионов
И сердца с трибун не потрясал.
Всем известной, важною персоной
Почему-то так и не стал.
И, пожалуй,
Святостью отменной
Хвастаться мне было бы смешно:
Я такой, как все. Обыкновенный.
Грешный. Ошибавшийся. Земной.

Не бывал я
Чистеньким, примерным,
Но и равнодушным быть не мог.
Многим в жизни помешал, наверно,
А кому-то, как умел – помог.

И пускай
Скромны мои итоги,
Жив я верой в то, что в вихре дней
Нужен я хоть чем-то – пусть немногим! –
Времени и родине своей!

Один поэт прочел стихи мои
И оценил: «Растете понемногу.
Но все-таки еще вы не нашли
Свою, неповторимую дорогу»...

С тех пор дороги – рад я иль не рад –
Мне стали сниться целыми ночами.
Широкие, по типу автострад,
И даже с полосатыми столбами.

Моя дорога мне еще пока
И в самом лучшем сне не попадалась...
Наверное, она не широка
И меж других, широких, затерялась!

1956 г.

Осень

Взгрустнула, не умея скрыть тревогу,
Гармонь за деревенским ветряком,
Кого-то проводившая в дорогу,
А может вспомянувшая о ком.

Большие звезды на воду упали,
Кленовый лист трепещет на волне.
Наверное, кому-то обещали
Вернуться непременно по весне.

И вот басы задумчиво вздыхают
О вечерах, наполненных весной,
А осень понимающе кивает
Кленовой обнаженной головой.

1958 г.

Несколько домов на косогоре
Путнику видны издалика,
И над нами сонный ветер гонит
Рваные, седые облака.

А внизу речонка и запруда,
Много их таких по деревням...
Все здесь неказисто, - но отсюда
Мир то начинался для меня!

1958 – 1959 г.

Земное притяжение

Помню, в детстве я воображеньем
Согревал в душе мечту одну:
Разорвать земное притяженье
И умчаться, скажем, на Луну!

Никогда не меркнущие годы!
Был я по-ребячьи очень прост
И ловил в пруду за огородом
Малую Медведицу за хвост...

В детстве все, наверное, мечтали,
И пускай не вышло, не сбылось,
Путь не мне в заоблачные дали
Первому подняться привелось —

Все же этот пыл напрасным не был,
Годы детства даром не прошли:
Понял я, стремясь подняться в небо,
Как громадна сила у Земли!

1957 г.

Обычный день

Опять дороги снегом замело.
Сегодня в клубе – слет животноводов.
Уже с утра в районное село
Съезжаются машины и подводы.

Трещит, трещит на улице мороз.
А в клубе горячо от споров жарких,
А в клубе государственный вопрос
Решают свиноводы и доярки.

Они не зря сегодня собрались –
Хорошие, заботливые люди.
Здесь, по-хозяйски вглядываясь в жизнь,
Они все точно взвесят и обсудят.

Они домой в разбуженный простор
Уедут поздно ночью.
Но не скоро
Еще в полях утихнет шумный спор
И начатые в клубе разговоры...

1959 г.

Ты мне пишешь, что в городе пусто, темно,
Что от скуки спасаешься только в кино.
Но сегодня, поскольку так вечер хорош,
Очевидно, с подругой на танцы пойдешь...

...А у нас на корню осыпается рожь.
А у нас в бездорожье и ночь напрямик
Из райцентра идет в село грузовик,
И холодные брызги в машину летят
На продрогших от встречного ветра ребят.

Если б только умел, если б только я мог
Запечатать в конверт холод здешних дорог,
Вой осеннего ветра, звезду впереди,
Передать, как колотится сердце в груди
У девчонки - комсорга, что не от речей
Утомилась и спит у меня на плече!

Только нет, передать это все не дано,
Не дано ни стихом, ни экраном кино...

Знаешь, если бы кто-то сказал нам сейчас,
Что тревоги, которые мучают нас –
Неважны. И что есть на земле города,
Есть места, где тепло и уютно всегда,
И что где-то дороги как стекла чисты,
И что где-то заботы как в сказке просты,
И что где-то от скуки стучат в домино,
И что где-то спешат от безделья в кино –

Не поверил бы в это никто из парней,
Я бы сам не поверил сейчас вместе с ней,
С той девчонкой-комсоргом, что не от речей
Утомилась и спит у меня на плече...

Есть два мира. Две жизни двух разных планет.
Два пути. Понимаешь? И третьего нет!

1959 г.

Ожидание

В час, когда придет пора ночная,
С плеч заботы мелкие свалив,
Я себя внезапно ощущаю
Гражданином матери-Земли.

Где-то в самом центре мироздания
Я встаю во весь огромный рост.
И мое горячее дыханье
Достигает самых дальних звезд...

Я иду по смолкнувшей планете,
А вокруг такая тишина,
Словно этой ночью, на рассвете,
Только что окончилась война.

Словно образ павших поколений
Перед миром в памяти встает.
Словно через несколько мгновений
Будет послан к Марсу звездолет.

С каждым шагом сердцу беспокойней,
Словно где-то здесь, передо мной,
Кто незнакомый, но родной мне
В тот миг прощается с Землей.

И не спят сегодня люди где-то.
И уже идет секундам счет.
И уже нацелены ракеты
В бездны неизведанных высот
И горят в глазах у пассажиров
Отблески нездешних миражей...

По ночам такая тишь над миром,
Словно все мы в космосе уже,
И твердо знаю: это будет,
Светлая пора недалека.
Вырвутся в бескрайний космос люди
Из земного, тесного мирка.
И я твердо верю: ждать немного.
Сбудутся мечтанья долгих лет.
Мы пойдем по тропам и дорогам
Дольних неизведанных планет!

1960-1961 г.

Щенок

Был в чем-то грешном уличен он.
И чья-то злобная рука
С шестого этажа, с балкона,
Швырнула этого щенка.

Еще живой, в кровавой луже
Он полз на сломанных ногах.
Застыл навеки детский ужас
В щенячьих, полных слез глазах.

И дети, с кем вчера играл он,
В таком же ужасе, точь в точь,
Шли рядом, слезы вытирая,
Не зная, как ему помочь.

Когда ж затих, уткнувшись в снег он,
Ребята на руках своих
Несли его, как человека,
Как будто одного из них.

Потом зарыли на откосе...
Теперь из них наверняка
Нет злей врага, чем тот, кто бросил
С балкона этого щенка!

1972 г.

На плечи мне свалилось горе.
А рядом люди в гости шли,
Дурачились, друг с другом споря,
Смеялись... Как они могли!

Увы, могли. И вспоминалось
Мне с горечью, как никогда
Меня вот так же не касалась
Чужая, не моя беда.

О, как их оказалось много,
Припомнилось в свой горький срок,
Всех тех, кому помочь не смог я,
Кому бы смог, да не помог...

Жизнь познается на изломах,
Но знаю: не бывает в ней
Привычки к горю – пусть чужому! –
И равнодушия страшней!

1972 г.

Желание

Хочу быть честным пред домом,
Где некогда родился я.
И перед сызмальства знакомым
Селом, где вся моя родня.
Перед отцом своим – рабочим,
Не возвратившимся с войны.
Пред матерью – хоть и не очень
Берег ее от седины.
И перед первою любовью,
Хоть ей сказать и не успел
О том, что жизнь свою готов я
Отдать для самых лучших дел.
Хочу всегда быть верным другом
Для всех людей моей земли,
Что мне в беде давали руку,
Стать человеком помогли.
Хочу, чтоб чистым было имя
Мое в дали грядущих дней
Перед потомками моими
И перед Родиной моей.
Хочу, чтоб песни, как герои,
Могли народу жизнь отдать...

Лишь ради этого и стоит
И жить, и песню начинать!

1963 г.

Весенние дороги

Только стают снега
С большаков и полей,
Ухожу я шагать
По родимой земле.
Не удержишь меня,
Только стают снега.
Мне дорога моя,
Словно жизнь, дорога.

...День проходит и снова
начинается день.
Я иду по тесовым
Мосткам деревень. По большим городам
Продолжается путь –
Никогда, никогда не хочу отдохнуть.
Потому что в пути
Легче думать и жить,
Легче счастье найти,
Легче песню сложить,
В нем как ветер упрям
И как солнышко чист,
И как молодость прям
Должен быть журналист...

И когда умирать
Мне настанет пора,
Положите меня
У степного костра,
У степного костра
Положите меня
Чтоб дожить до утра,
Чтоб хватило огня.
Не сложив в стороне
Груз житейских тревог,
Приходите ко мне
По любой из дорог.
Не привык я носить
Чемоданы с добром,
Не смогу я дарить
Вам богатых даров –
Я дороги сложу,
Что прошел до конца.
Я навеки свяжу
Ими ваши сердца,
От Карпатских вершин
До Амура-реки
Дорогие мои
Земляки!

1958 г.

Песня

Дремали молча пассажиры,
Казалось, сам паром дремал,
Когда он. Как в свою квартиру,
Ввалился в пассажирский зал.
И было скучно всем немножко,
И шепотки росли, пока
До дыр затертую гармошку
Он доставал из рюкзака.
Встряхнул, уселся на скамью.
Потом повел неторопливо,
Повел мелодию свою,
И, словно вспомнив, что забыто
И, пробудившись ото сна,
В такт той мелодии нехитрой
Запела женщина одна.
И поднялся навстречу песне
Худой, небритый гражданин,
Подсел к той женщине – и вместе
Запели не спеша они.
Запели горестно и длинно
О том, как раннею весной
Бежал бродяга с Сахалина
Сибирской дальней стороной...
Сидели скромно эти трое,
Друг к другу прислонясь плечом.
Мол, песня вовсе ни при чем.
Они на прочих не глядели,
Как будто ехали втроем:
Мол, надо петь – так мы запели,
А надо будет – мы уйдем.
И все же песня не смолкала –
Она звенела без конца,
Звала та песня, согревала
Полузамерзшие сердца.
И кто-то в зале постоянно
Вставал, садился и вздыхал.
И кто-то с дальнего дивана
Певцам тихонько помогал.
И было очень-очень грустно,
Когда на пристани ночной
Певцы ушли, продолжив путь свой,
Смешавшись с уличной толпой...

1964 г.

Лесной пожар

Пожар живым был. Языками
Вверху, внизу, со всех сторон
Так изрыгал из чаши пламя,
Как будто Змей Горыныч он.

Он, Все ломая, лез по лесу,
Он вплоть до облаков вставал.
Он там, за дымовой завесой,
От злобы плакал и стонал.

То клал деревья он рядами,
То на людей кидался вдруг...
А те завалами и рвами
Чудовище сжимали в круг.

Спокойно лапы обрубали,
Чтобы скорей ему упасть.
И землю глыбами бросали
В его развернутую пасть.

И кончив труд, пошли на ужин,
Не зная даже, что сильнее
Они чудовищ. И не хуже
Всех сказочных богатырей!
1965 г.

Вновь потрясенный праздником цветенья,
Признать как откровенье я готов,
Что нет закона выше обновленья
Природы, наших мыслей, чувств и слов!

1969 г.

Моя родословная

Вырубал прадед камни
Для дворцов да хором.
А его за старанье
Награждали кнутом.

А в дворцах этих грустно
Говорили опять,
Что холопам искусства
Никогда не понять...

Нам всегда было трудно,
Так велось издавна:
Все хорошее – трутням,
А плохое все – нам.

Сколько рвалось к высотам,
Сколько падало вниз.
Крепостных звездочетов,
Подневольных актрис!

Это прадеды были
И деды мои.
Их веками душили,
Топили в крови.

Но из чрева России,
Словно буря не зван,
С Ломоносовской силой
Вырывался талант.

Шли, в рассвет веря близкий,
В весь мой род непростой,
Пушкин, Гоголь, Белинский,
Чехов, Горький, Толстой.

Все, кто жил для народа,
Все, кто ради меня
Добивался свободы –
Мне навеки родня.

Я их правду святую
В самом сердце ношу...
Потому что живу я,
Потому что пишу!

1964 г.

Вечером по радио играют
Новую симфонию. А мать
Смотрит на приемник и вздыхает –
Трудно ей симфонию понять.

Правда, не ее вина, что школу
В детстве не окончила она:
Шла ведь революция. Был голод.
И была гражданская война.

Сколько войск оркестрами гремело
Мимо окон нищего села,
Чтобы мать в те годы не запела,
По миру с сумою не пошла!

Уж не тот ли грохот оркестровый
И позвал в голодный, трудный год
Мать мою навстречу жизни новой –
В многошумный город, на завод?

А потом работа и работа,
Общежитие, где три семьи
В комнате одной. А все заботы,
Все мечты – у каждого свои.

И уж как она стояла в сменах,
Как растили нас, ее детей,
Довелось показывать на сценах
Новым поколениям – на ей.

Ей – война. И мерный скрип вагонный,
И ребят бездомных голоса,
И конверт с отцовской похоронной,
Бомбой разорвавшийся в лесах,

В мире, где ни пота и не крови
Не жалея для родной страны,
На полях писали руки вдовьи
Летопись войны и не войны...

На заре, когда она косила,
Убирала на току зерно,
Мать была особенно красива –
Хоть сейчас пиши на полотно!

Пусть краса осталась незаметной,
Пусть шагали с матерью моей

Так же просто, так же беззаветно
Тысячи таких же матерей,

Пусть она ничем не знаменита,
Пусть, как очень многие, она
Композиторам позабыта
И в романах не отражена —

Все же я хочу, чтоб люди помнили
Мать мою, что век свой прожила
Без симфонией,
Лучшею симфонией была!

1966 г.

Поезда

Есть особый уют
В поездах и вокзалах.
В час, когда ты берешь
Пассажирский билет,
Ты как будто бы жизнь
Начинаешь сначала,
Ты как будто бы снова
Родишься на свет.
Ты садишься в купе,
И порывистый ветер,
Что в колоски разрывается
Там, за окном,
Каждый столб на пути,
Каждый кустик на свете,
Что до этого был
Для тебя незнаком –
Все навстречу тебе,
Все навстречу стремиться,
Все навстречу тебе
Вдохновенно летит,
Словно не человек ты,
А синяя птица,
Быстрокрылая птица
В нелегком пути...
Всякий раз, услышав
Паровозный гудок.
Как жалею я тех,
Для кого незнакомо
Это трудное чувство
Дорог и тревог!
И когда веселюсь,
И когда очень грустно,
И навстречу друзьям,
И навстречу врагу
Я иду с этим чувством.
Без этого чувства
На земле даже дня
Я прожить не смогу!

1965 г.

Когда попасть вам будет суждено
В мое Давыдово, то без сомненья,
Не поразит вас чем-нибудь оно,
Обычайшее русское селенье.
Сто двадцать изб. Да бани у плетня,
Да два пруда, не очень-то красивых,
Все как в других местах... А для меня
Отсюда начинается Россия.
Ведь это здесь, под этим вот окном,
Ничем другим пока что неизвестным,
Мне пела мать когда-то перед сном
Вполголоса родные наши песни.
В домишке том в военную страду,
Во все иные памятные годы
Любую радость, каждую беду
Делил я вместе со своим народом,
Среди вот этих сереньких полей
Всех, перед кем за каждый шаг в ответе,
Всех самых верных, искренних друзей,
С которыми иду по жизни, встретил,
Вот здесь пришла любовь ко мне – точь в точь
Как к вам приходит – просто и знакомо.
Пришла единственная в жизни ночь,
Когда достанешь звезды с крыши дома.
Вот путь, которым молодость моя
В жизнь выходила песнею попутной,
К которым снова возвращаюсь я,
Когда бывает в жизни очень трудно.
Когда мне нужно сбросить груз тревог
И стать, как прежде, молодым и сильным.
...Он очень дорог мне, тот уголок,
Откуда начинается Россия!

113

Федот

Федот с утра поссорился с женой
И, яростно шагая на работу,
Нежданно для себя свернул к пивной:
Хоть пива с горя выпью, мол. Чего там!
В пивной Федота встретили дружки:
- Сорокаградусной не примешь ли немного?
Что, на работу надо? Пустяки!
Пока идешь, проветришься дорогой!
Шла в горло рюмка первая колом,
Вторая – соколом... Ну, как обычно!
За всех подняли, кто был за столом,
И за Федота выпили прилично.
Вдруг осмелев, бахвалился Федот,
Что ни жены и ни начальства даже
Он не боится. Вот сейчас пойдет,
И кой-кому еще себя покажет!
Так был Федот как будто не нахал,
Да градусы прибавили нахальства:
Шагнул за проходную – и упал
Перед глазами прямо у начальства.
Его подняли. Говорят : «Хорош!
Какая от тебя сейчас работа!
Шагай-ка, брат, домой! Потом придешь,
Придешь, когда проспишься. За расчетом!»
Федот вернулся. И когда шагал,
Убитый всем случившимся, до дома,
Как только с горя он не обзывал
Некстати попадавшихся знакомых!
Они, сторонкой обходя его,
Конечно, не могли не удивиться.
Вот мол, считали, парень – ничего,
А оказалось – вон какая птица!
Жена Федота к ужину ждала,
Давно забыв про утреннюю ссору,
Но лишь его увидела – ушла
Из дома безо всяких разговоров.
Вот так Федота бросила жена,
Так потерял друзей он и работу...
А ведь по сути дела-то она –
Пивная подвела тогда Федота!

1965 г.

Разговор с портретом

По вечерам, когда во мне
Дневное отшумит,
Отец с портрета на стене
Мне тихо говорит:

- Скажи сынок, ответь сынок:
Тот страшный век огня
К тебе прошел ли на восток,
Когда убил меня?

- Нет, нет, друзей твоих огнем
Он сдержан был, отец!
И враг твой в логове своем
Нашел себе конец!

- Скажи, сынок, ответь скорей,
А выжила ль страна?
Сумела ль наших сыновей
Без нас взрастить она?

- Да, да, отец мой, в полный рост
стоит страна твоя!
И без отцов до самых звезд
Взлетели сыновья!

- А стала ль жизнь у вас светлей,
Чем до войны у нас?
Такой, как мы желали ей
В последний, смертный час?

- Да, много меньше темноты,
И тысячи сердец
Зовут отцовские мечты
На подвиги, отец!

- А все ли сверстницы – бойцы
Годиться могут в счет?
Как прежде, если ли подлецы
И шкурники еще?

Да, и такие есть... Но пусть
Порой силен подлец,
Мы их когда-нибудь – клянусь! –
Сведен к нулю отец!

...Уста молчание хранят,
им трудно все сказать.

Но смотрят прямо на меня
Отцовские глаза.

Уже постарше я отца,
Но с ним я не могу
Стать равным, взрослым до конца —
Все словно я в долгу!

Пусть сам отец, за тридцать мне,
Все — словно не убит —
Отец с портрета на стене
Как старший говорит!

1965 г.

Скоро

Вот и все. Отзвонят и умолкнут капли...
Знай, что я получу назначение в апреле.
По моим документам, наверно, июне
Отзвонят и умолкнет, окончится юность.
И собрав чемодан, распрощившись с тобою,
В жизнь уйду я бойцом, подготовленным к бою.
Будет вместо меня утвержден деканатом
Кто-нибудь беспокойный, упрямый, лохматый.
Снова осень придет в листопаде, в тумане,
Снова старый профессор за кафедру встанет
И о новой задаче учебного года
Сообщит, моего не заметив ухода...
В сентябре я забуду про боль расставанья,
В сентябре я почувствую даль расстоянья
От больших городов до таежных колхозов,
От стихов полудетских до жизненной прозы,
И солидность придет. И раздумий угрюмость,
Только в сердце – да в сердце! – останется юность.
И когда соберутся друзья по работе,
Охлажденные временем дяди и тети,
И когда заведут разговор об окладах,
Отпусках, санаториях, женских нарядах –
Не впаду я в тоску, только выпрямлюсь строго,
Только встану, пройду от стола до порога
И, представив тебя в своей комнате тесной,
Вдруг отвечу им звонкой студенческой песней!
1958 г.

Родина

Для каждого средь множества дорог
В безбрежьи мест, обычных и красивых.
Есть на земле заветный уголок.
Откуда начинается Россия
А мне к тому же крепко повезло.
Да, повезло, без всякого сомненья,
Тем, что простое русское село
Служило местом моего рожденья.
Я счастлив, что в военную страду,
Во все иные памятные годы
Любую радость, каждую беду
Делил я вместе со своим народом.
Я счастлив тем, что средь родных полей
Все, что бывает ценного на свете –
И самых верных, искренних друзей.
И первую любовь свою я встретил.
Потом стерег ее и проклинал
Себя за неуместное молчанье.
Потом, поняв тоску мою, она
Мне за селом назначила свиданье.
Потом пришла. Ко времени. Точь в точь,
Как все приходят – просто и знакомо.
И я запомнил: звезды в эту ночь
Касались крыши дедовского дома...
И вот теперь, когда я устаю
Так, что бессильны все другие средства.
Я еду в эту милую мою
Страну незабываемого детства.
Где тот же лес и те ж лежат поля,
И даже небо над землею то же,
Где сам я незаметно для себя
Могу стать на десяток лет моложе.
Могу отбросить груз своих тревог,
Могу стать снова бесконечно сильным...
Он очень дорог мне, тот уголок,
Откуда начинается Россия!

1963 г.

В космос я приду через любовь,
Что давным – давно к другим планетам
Все зовет меня, волнуя кровь
Сельского мечтателя – поэта.
Средь других свиданий и разлук
Для чего – до сей поры не знаю,
Встретил я ее и понял вдруг,
Что она не наша, не земная.
Может, это даже и не так,
Но сквозь все паденья и победы
Я несу ее, как гордый стяг
Юности, которую не предал.
И которую любой из нас
Вспомнит теплотой ее согретый
В день, когда мы в самый первый раз
Ступим на далекие планеты...
1960 г.

Сноровка

В объятьях музыки – что ни говори –
Теряется рабочая сноровка.
Мне привелось зимою раза три
Лес трелевать на лесозаготовках.
А там лежат под снегом камельки,
Да больше все такие – в три обхвата.
Сперва бодрился я: мол, пустяки,
Мол, я такими бил утят когда-то!
Потом хотел поднять одно бревно.
И тут пропала вся моя отвага...
Да хорошо, что был тогда со мной
Мой младший брат. Вот он то работяга!

1957 г.

Шофер

Спина его сутулится слегка.
Глаза его воспалены от ветра.
За жизнь свою шофер наверняка
Проехал миллионы километров.
Проехал – да не так, как я и вы.
Нет, он за каждый метр пути в ответе:
Засмотришься – не сносишь головы,
Зевнешь чуть-чуть – и будешь вмиг в кювете.
А лужи? Их не только объезжать –
Их всем без исключения шоферам
Предписано боками подтирать
Едва ли не самым Минавтодромом.
Пусть это шутка. Все ж, кончая счет,
Что как дороги долог – скажем вкратце:
Заслужен космонавтами почет,
Но и шоферы кой на что годятся!
1963 г.

На Волге

Когда в полях и рощах понемногу
Становится прохладней и темней,
Вся Волга превращается в дорогу
Из голубых, сверкающих огней.
В тот час, когда все стихнет ненадолго
И Млечный путь на воду упадет,
Темнеет даль, и кажется, что волга
Уходит прямо в звездный небосвод.
И каждый, наблюдая в восхищеньи
Весь этот фантастический мираж,
Испытывает странное волненье,
Которое в словах не передашь...
1961 г.

На прощанье

Уезжает хороший друг...
И с чего бы, скажи на милость,
Сердце раненой птицей вдруг
В тесной клетке грудной забилося?
Ведь прекрасно знаю, что я
Друга сам оттолкнул и обидел,
Что теперь с оправданьем себя
У меня ничего не выйдет.
Что теперь он в обиде своей
Не услышит мою тревогу,
Что великой боли моей
Не захочет он взять в дорогу.
Что встречая друзей других,
Сердце боли той не забудет...
Часто только теряя их,
Понимаем мы цену людям!
1961 г.

Новый год

До года, покоряясь судьбе,
Мой маленький сосед
Ходил, цепляясь при ходьбе
За стол и табурет.
Но вот вчера, когда сосед
В постель собрался лечь,
На елке загорелся свет
И лампочек, и свеч.
И, в первый раз оставив стол,
Сосед шагнул вперед...
Я знаю! В этот миг сошел
На землю Новый год!

1958 г.

Улыбка

Паренек, по виду очень хлипкий,
Подошел к трамвайной остановке.
На лице у паренька улыбка
Шириною чуть не пол - Свердловки...
Я, сказать по совести, не знаю,
Отчего парнишка улыбался:
Может быть, по городу гуляя,
Только что он с другом повстречался.
Может быть, его давно желанной
Подходящей рифмой осенило
Может быть, любимая нежданно
Поцелуй парнишке подарила.
Но такой улыбке не забудешь,
Проживи хоть лет до девяноста...
Очень это нужно, чтобы люди
Шли по жизни искренно и просто!
1957 г.

Ночью

Ночь остановилась
Возле сеновала.
Ночь меня укрыла
Звездным одеялом.
Чтоб не мог я слышать,
В полночь засыпая,
Как устало дышит
Мать – земля родная.
Чтоб не мог я видеть,
Как из-за крылечка
Новый месяц выйдет
Целоваться с речкой.
И уж я не помню,
Где земля, где небо –
Навевает сон мне
Теплый запах хлеба...
1957 г.

Разговор со встречным

Задержись-ка, товарищ!
Постой, отдышись...
Вижу я по глазам,
Что тебе восемнадцать,
Ты вступаешь сейчас
В настоящую жизнь.
Надо по-настоящему
В ней разобраться.
Видишь ты этот мир?
Он открыл для нас.
Он открыт для труда
Понимаешь ли ты.
Как нужны нам сейчас
Молодые сердца
И умелые руки?
Ты отдашь ли все то,
Чем сегодня живешь,
Величавой,
Тебя воспитавшей отчизне?
Ты всегда ли
Прямою дорогой пойдешь?
Отыскал ли ты место
Достойное в жизни?
И еще подожди.
Видишь, люди идут,
Для тебя незаметные
В грохоте буден?
Никогда не обманут
И не подведут
И в беде не оставят
Тебя эти люди
Ну, а ты?
Ты поверил ли
Силы свои?
Оборвешь ли ты сплетника
Или хапугу?
А сумеешь ли быть
Постоянным в любви?
А подашь ли в беде
Руку помощи другу?
Не забыл ты заветы
Погибших отцов?
Ты их дело на мелочи
Не разбазаришь?
Ко всему ли готов?
И с дороги бойцов

Не свернешь?
Дай мне руку, товарищ!

1959 г.

Ледоход

Каждый день
Вы,
Весной размягченные,
С шумных улиц
Приходите в дом...
Вы не видите,
Как разъяренная
Волга
Мучается подо льдом.
Ничего,
Вот понежится малость
Апрель еще –
Волга разом вздохнет
И пойдет.
Вы увидите
Это прекрасное зрелище...
Приходите
Смотреть ледоход!
1959 г.

И снова между нами улеглись
Безмолвные пунктиры расстояний...
Любимая, мне кажется, что жизнь
Слагается из встреч и расставаний.
Нас каждый день увозят поезда,
Нам вечно ехать, плыть и к звездам мчаться,
Мы все в пути, и в прошлом никогда
Мы не имеем права оставаться.
Не говори, что тяжела борьба.
Что вечно жить в разлуке очень плохо –
Такая уж, видать, у нас судьба,
Такая уж, видать, у нас эпоха.
И если – весь в движении – без сил
Я упаду, и кончит сердце биться,
Не говори: он слишком бурно жил,
Скажи: не захотел остановиться!
1959 г.

Полустанок

Беготня и крики спозаранку,
Семафора тусклая звезда...
Проходили мимо полустанка
Скорые, большие поезда.

Здесь не полагалось ни стоянок,
Но по размеренным гудкам
Просыпался утром полустанок
И ложился спать по вечерам.

Маленький и всеми забытый,
Знавший власть таежный тишины,
Он старался жить в едином ритме
Общего движения страны!
1959 г.

Гармонь

Она выходит из ворот
Будить околицу ночную,
И гармонист, собрав народ,
Заводит звонко плясовую.

Наверняка ее огонь
До сердца твоего достанет.
...Но вот была у нас гармонь
На полевом целинном стане.

Она, по правде говоря,
Не выхода за ворота.
Но только мы ее не зря
С собою взяли на работу.

И на гармонь – другим сестра –
Не голосила от безделья.
Ее недаром у костра
Мы согревали, как умели.

За то. Что не умела ныть
И помогала, если надо,
В гармонь ту были влюблены
Четыре лучшие бригады.

Бывало, зря не зазвенит
И без причины не разбудит...
Гармони тоже ведь они
Неодинаковы – как люди.

1958 г.

О жизни

Говорят мне: «Парень ты упорный,
Только в глушь сибирскую не рвись.
Ты пока – романтик, но бесспорно,
Разуму тебя научит жизнь...»
Жизнь... Какое маленькое слово!
Чтоб понять значения твои,
Мне не надо братья за толковый
И за все иные словари.
Жизнь... Она не раз меня бросала
В душный зной, в свирепую метель.
Жизнь предо мною расставляла
Сотни неизведанных путей.
Жизнь – не болтовня при лунном свете,
Не излом некрашенных бровей,
Жизнь – это лицо секущий ветер,
Это поступь юности моей!
Жизнь – это служение отчизне,
Жизнь – это стремление быть в строю...
Я пойду, пойду навстречу жизни,
Потому что я ее люблю!

1958 г.

В зимнюю вьюгу

Разметелился зимний вечер,
Я иду по степи один...
Снег сугробами лег на плечи,
Но тепло у меня в груди.
Знаю я: ты сейчас. Как обычно,
Беспокоишься обо мне.
«Жив, здоров...» - поутру привычно
Напишу я тебе в письме.
А потом, если ты захочешь,
Расскажу, как в пургу и в мороз
Бесконечной декабрьской ночью
Замерзал я и не замерз!
1957 г.

Вам, товарищ!

Строй рядов, как будто на параде,
В зале сотни пар знакомых глаз...
Коль уж говорить, так, значит, надо
Говорить, товарищи, о вас!
Я б о каждом рассказал немало...
Помните украшенный перрон
В день. Когда с Московского вокзала
Уходил шумливый эшелон?
Первый день припомните, в который
На току грузили вы зерно –
Загружали ямы, транспортеры,
Позабыв о пляже, о кино.
Как вы шли холодными ночами
На комбайн – не к теще на блины, -
Вы об этом написали сами
На полях алтайской целины.
И стихи об этом сохранил я
В холоде алтайских вечеров,
Я отогревал их у коптилок,
У целинных зорь и у костров.
В них огонь – не шепоток бумажный,
В них огонь. Он вспыхнет в нужный час...
Потому что это очень важно –
Рассказать, товарищи, о вас!
1957 г.

Дороги

Снова день – и из окна вагона
Вижу даль покосов и полей.
И идут, грохочут эшелоны
По дорогам Родины моей.
А дорог неисчислимо много.
А дорог – годами не пройти.
Только не уложишь все дороги
На коротком жизненном пути.
Сколько мне положено по праву?
Я хотел бы уложиться в срок...
Ведь досадно умирать. Оставив
Тысячи непройденных дорог!

1957 г.

Ночь на полевом стане

Шалаша соломенную крышу
Ветерок пошевелил слегка,
А потом уснул, и стало слышно,
Как летят над степью облака.
Спят ребята на дощатом «ложе»,
Прямо за стеной волнится рожь...
Ночь такая, что уснуть не сможет,
Если только сразу не уснешь!

1957 г.

Деду

В почерневшей с годами избенке твоей
Ты немало встречал новогодних ночей.
И тебе за минувшие семьдесят лет
Есть что вспомнить, наверное, дед.

Ты встречал их. Когда на деревне своей
Ты на тысячу душ был один грамотей.
Ты встречал их под чадным лучинным огнем
С нищетой и старухой втроем.
А потом – беспокойный семнадцатый год,
Сквозь невзгоды рванулась Россия вперед,
И, согретый желаньем России помочь,
Ты в окопах встречал новогоднюю ночь.

Дед, я молод еще, не бывал я в бою,
Но вижу я другую Россию, мою:
Ширь снегов, блеск огней – не уйти, не свернуть,
И лежит впереди неизведанный путь.
Ты – хранитель традиций немеркнущих дней,
Я – частица грядущей России моей.

Посылаю тебе в эту ночь, старый дед,
На село новогодний привет.

1957 г.

Конец навигации

На прогнувшиеся сходни
Не торопится народ,
На стоянку, зная, сегодня
Шел последний пароход,
И мне кажется – с собою
Под привычный гул волны
Что-то очень дорогое
Он увозит до весны...

1957 г.

Идет уборка

Безоблачное небо
Сегодня и вчера.
И снова – горы хлеба.
Комбайны, трактора.
И снова – торопиться.
Обедать на ходу
И у буртов пшеницы
Дремать в полубреду.
Как будто в наступленье,
Как будто на войне...
За новый хлеб сражение
Идет на целине!

1957 г.

Вечер

На дома упал весенний вечер,
Догорел в заре остаток дня...
Чти-то разговоры, чьи-то встречи
Нынче растревожили меня,
Не сдержался, вышел за ворота –
Гул весны стеснил до боли грудь,
Словно я в толпе ищу кого-то,
Словно я влюблен в кого-нибудь,
Оттого и сердце так забилося,
И в глазах – туман ненужных слез,
Словно в этот вечер возвратилась
С запахами липы и берез
Та весна, что часто память дразнит
Бреднями далеких детских лет,
В наши дни врываясь, словно праздник,
Для которого названия нет.

1957 г.

Весна

Сегодня лом тяжелый у ворот
Колотит глыбы ледяные гулко.
А снег. Все больше превращаясь в лед,
Пугливо прячется по закоулкам.
Умчалась многоснежная зима
С морозами. Метелями, ветрами.
И смотрят отсыревшие дома
На улицу блестящими глазами.
И кажется, что радуясь весне,
Трамваи по-особому трезвонят.
А вечером в заволжской стороне
Играют голосистые гармони.
Сегодня грудь теплом напоена,-
Такой денек, что лучше и не надо.
Идет, идет по городу весна,
Звонящим, ярким, радостным парадом!
1956 г.

Еду, еду на машине
Под симфонию колес
Блеском стали
По равнине
Разгорелся сенокос.

И хотя машина воеет,
Мне слышны издалика
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...
1955 г.

Очереди

Кричат
Плакаты многословные
О счастье, благе всех людей.
А улицы исполосованы
Зигзагами очередей.

О, эти очереди грустные!
Вы стали символом страны.
Вы – продолжение «чуда русского»
Во дни войны и не войны.

А на собраниях проворные –
Те в очереди не встают.
Они от жизни с хода черного
Свое и не свое берут.

Был коммунизм
Обещан твердо им,
И вот – при жизни он им дан.
Их бог заплывшей жиром мордою
Заполнил голубой экран.

(Концовку не помню – еще одно или два четверостишия). 1970-1972 г.г. (?).

Земля моя,
Родная сторона!
За сотни верст
Я каждый вздох твой слышу,
Как солнце, ты повсюду мне видна,
Одной заботой мы с тобою дышим.

Не стоит ли
Простить меня просить
За то. Что в юности тебя покинул?
Пусть не пришлось пахать мне и косить —
Я все равно твоим остался сыном.

Крестьянская
Во мне поныне стать.
Но разве сыновьям твоим не могут,
К примеру, тот же космос штурмовать
Иль по тайге прокладывать дорогу?

Довольно
Лаптем щи хлебать тебе!
Мы нынче все на свете постигаем:
Умеем сталь варить. Лечить детей.
И вот стихи, как видишь, сочиняем.

Где только
Земляков я не встречал!
Но все ж хотел бы я,
Чтобы мой голос
Был так же нужен для односельчан,
Как для меня земли отцовской колос.

Чтоб в дни труда
И яростных атак
Твою, мой край, удваивал он силу..
А то,
Что не в селе живу — пустяк:
Оно раскинулось на всю Россию!

Не проходите мимо подлости.
Не думайте, что каждый раз
Другим дано сей смертный бой вести –
Она не пощадит и вас.

Не проходите мимо подлости,
Не улыбайтесь ей в ответ:
Чтоб вширь и ввысь из года в год расти,
Ей нужен ваш нейтралитет.

Не проходите мимо подлости,
Когда от вас защищена
То показной житейской доблестью,
То маской честности она.

Она вас посулит бессмертие,
Вдруг станет лучшим из друзей.
А вы не верьте ей,
А вы – под вздох, по морде ей!

А вы наряд словами вытканый,
Срывайте в ярости с нее,
Срывайте, чтоб не стать защитником
И соучастником ее.

Просты законы первородности
В борьбе за души и сердца:
Тот, кто проходит мимо подлости,
Сам превратится в подлеца!

Все отжившее
В землю ложится.
И, вскрывая пласты земли,
Археологи как страницы,
Даль времен пролистать смогли.

В глубь уходят
Лопаты со звоном.
И встают из руин и гробов
Спесь египетских фараонов,
Сила грозная римских рабов,

Беспримерная мудрость ацтеков,
Красота древнерусских полей...
Словом, прошлое человека –
Под ногами у нас, в земле.

Ну, а будущее –
Перед нами.
Нет над нами,
Над головой.
Далью космоса неземною,
Звезд торжественными письменами
В небо, в небо зовет оно!

Ждет, когда
Наконец-то опомнившись
От корыстной земной мишуры
Распахнем мы окно в незнакомое,
Не открытые нам миры.

Ждет, чтоб стал
В срок, нам жизнью отпущенный,
Самой яркой, прекрасной из звезд
Самой лучший – земной мир грядущего,
Мир без воин, мир без горя и слез!

Работа

Никогда не поверю тому,
Кто твердит, что всегда он с охотой,
Словно в гости к дружку своему,
Как на праздник идет на работу.

Что там?
Тень наводить на плетень?
Если даже и нравится дело.
Все равно наступает тот день.
Когда чувствуешь вдруг: надоело!

Надоело. Но все ж ношу ту
Ты несешь день за днем, год за годом,
Ты не где-нибудь, ты на посту,
Что доверен тебе был народом.

Мы в долгу
Перед веком, страной.
Перед тем, кто был и кто будет.
Этот долг мы оплатим с тобой
Только тем, что оставим мы людям.

Мы с тобою
В труде, как в бою.
Мы в ответе за все перед миром.
Так иди ж на работу свою
И старайся не стать дезертиром!

Мастерство

Русь –
Край талантов для чудачества.
В ней были мастера – дай бог!
Работали без знаков качества,
Но дело знали назубок.

Не приобщенные к наукам,
Они могли без ОТК
Поставить с крепкою порукой
Коль дом – так чтоб хватило внукам.
Коль божий храм – так на века.

Могли
На зависть всем народом
Меж делом подковать блоху.
А коль случались недороды,
Так в том винили не погоду,
А лень, да пьянку, да соху.

Тот подчерк
Мастеров российских,
Он миру виден и сейчас –
Во взлетах звездных, к сказкам близких,
В рекордах наших олимпийских.
В свершеньях каждого из нас.

Наш символ –
Вечное горение,
Борение и непокой,
К мечте стремление, сомнение,
Волнение и вдохновение
Над камнем, чертежам, строкой.

И живы
Души предков звездные
В страницах рукописных книг,
В твореньях каменных и бронзовых,
Хотя ни дат и ни имен своих
Творцы не выбили на них!

Какой мне край
Красивый не приглянется,
Где б ни жилось
Мне сытно и тепло,
Вселенной Центром
Для меня останется
Обычное приокское село.

Там, как и всюду,
Ничего нет вечного.
Но только там
Все жду я каждый миг,
Что время встанет
И, как в сказке, встречу я
Непостаревших сверстников моих.

Там можно
С первою любовью встретиться.
А слово, кажется, скажи одно –
И вновь увидишь,
Как призывно светится
Давно умершей матери окно!

Осеннее

Ноябрь...

Душа полна печали,
Как поле или огород,
Где урожай уже собрали,
А снег пока что не идет.

Все чаще.

Как настылой луже
Осенний утренний ледок.
Предвестником грядущей стужи
Сжимает сердце холодок.

И ты

По озими зеленой
Гадаешь, к грядет она
Весною новой многозванной
Твоя далекая весна.

Она придет.

Взойдет, как озимь,
Иною юностью горя
Через январские морозы
Сквозь все метели февраля.

И будет,

Как от локтя друга,
С ней рядом вновь тебе теплей...
И что тебе с весной разлука,
Когда она в груди твоей!

Ты – как юность.
Но скажи, однако,
Сколько лет промчалось стороной
Прежде, чем глаза твои из мрака
Снова засияли предо мной!

И к чему
К чему теперь винить кого-то
В том, что вдруг расстаться нам пришлось,
В том, что на одном из поворотов,
Разошлись дороги наши врозь?

Снова,
Как в тот давний синий вечер.
Мы встречались. И опять была
Как бы первую любая встреча
И последней тоже быть могла.

И, как прежде,
С песней соловьиной
В тишине встречали мы рассвет.
И опять, наперекор седидам,
Было нам по восемнадцать лет.

И опять
Мы вместе, как бывало
Есть лишь только разница одна:
К сожалению, для встреч настало
Время нашим детям, а не нам!

Как хорошо,
Что мне пришлось
Не по кино познать когда-то
Крик журавлиный, холод роз,
Безбрежность выюг и грусть закатов.

Горжусь,
Что под топорный стук
Дом стоил я, трудясь на совесть.
Держал в руках косу и плуг,
Лес трелевал в снегу по пояс.

Везло мне:
Начинал я жить
Среди людей, судивших строго.
Умевших хлеб растить. И – пить.
А надо – завязать в три бога.

И мне
Таким бы быть.
Да вот –
Ухваток тех не сохранил я.
Жизнь чередой своей идет:
Что есть – то есть.
Что было – было.

И с теми ли
Равняться мне,
Кто укатив давненько в город,
Клянется в верности земле,
В любви к покинутым просторам?

Боюсь, как смерти,
Слов таких.
Они б комом встали в глотке
Мне бы вырвало от них,
Как в юности от рюмки водки!

Зрелость

В тот час. Когда ты застываешь
Над гробом матери твоей,
Ты словно юность опускаешь
В сырую землю вместе с ней.

Когда тот горький час нагрянет,
Мир, перерезанный чертой.
Другим перед тобой предстанет —
Все то вокруг. Да все не то!

Другие звезды над землею,
Весь край твой, сердцу дорогой.
Другие люди пред тобою
И сам ты вроде стал другой.

В душе тот страшный час отметив,
Ты осознаешь, наконец:
Теперь ты сам за все в ответе,
Уже не сын ты, а отец.

И, жизнь познав не понаслышке.
Вступая в даль иных дорог,
Ты незнакомому мальчишке
Вдруг скажешь ласково : «Сынок...»

Часть третья

Звёзды над полями

Дело не в том, что в публикуемых стихах есть пронзительные, глубокие, выстраданные и потому воздействующие на меня, читателя, строки.

Дело не в том, что многое из того, что волновало поэта 30 - 40 лет назад, сегодня остается неизменным, продолжая будоражить наши беспокойные умы.

Дело не в том, что, читая эти стихи, понимаешь, как мало мы все изменились, как мало вообще меняется человек.

Дело не в том, что книг, подобных этой, становится, увы, все меньше, а усилий для их появления требуется все больше.

Дело в человеческом достоинстве. Именно достоинство ощущается во всех стихах автора. Достоинство человека - сына, мужа, отца, гражданина, поэта. И это свойственное ему чувство каким-то неведомым образом передалось и мне, читающему его книгу. Вот за это испытанное мною чувство собственного достоинства я более всего благодарен Анатолию Вострилову, поэту и человеку.

**Алексей Скульский,
журналист**

Ветла

Какой ей год –
Никто не помнил,
Она всегда такой была –
С дуплом огромным возле комля,
Многообхватная ветла.

Была в селе,
Как Кремль в столице,
Она приметой из примет.
К ней из сражений возвратиться
Мечтали мой отец и дед.

Над ней не властны были годы,
И сколько же прошло под ней
Встреч, расставаний, споров, сходов
Хотя б на памяти моей!

Казалось:
Не поддаться шквалам
Быть вечно ей, как быть селу...
Но как-то ветром небывалым
Сломано старую ветлу.

И вздрогнул мир.
Как с человеком,
Три дня село проститься шло
С ровесницей былого века
С еще дышавшею ветлой.

Ветлу,
Конечно, распилили,
Дрова давно в печи сожгли.
Сук от нее лишь отрубили
И вновь воткнули в грудь земли

Растет он
На холме знакомом
На месте матери своей...
А я за сотни верст от дома
Все слышу шум ее ветвей!

Бревна

Чем пахнут
Сосновые бревна?
Предутренней свежей смолой
И бором седым, что нестройно
Шумит над уставшей землей.

Чем пахнут
Сосновые бревна?
Отцовского дома дымком
И детством, и первою любовью,
И радостным школьным звонком.

Чем пахнут
Сосновые бревна?
Да разве же все перечесть!
Все то, что увидеть дано нам,
Чем жив я — в том запахе есть.

В нем радость
Грядущих открытий.
Пути, что нас к счастью манят,
Россия...

А вы говорите —
Мол, так себе,
Бревна лежат!

Живая вода

Знай:

Есть не только в сказках или в книгах
Вода, что может мертвого поднять.
Спокон веков на всей Руси великой
Ее умели добывать.

Известно было

Предкам бородатым:

Где пар клубится утренней порой,
Где зеленой трава - близка вода там,
И, значит. Смело там колодец рой!

А что – колодец?

Всех начал начало,

Щит от огня, от засухи, беды.

Все знают : можно

(Как не раз бывало)

прожить без хлеба.

Но не без воды.

Любой починок

Начался с колодца.

Всегда был нерушим закон святой:

Не плюй в колодец – может, пить придется.

А можешь – сам еще один построй!

Построй – да так.

Чтоб совершилось диво,

Чтобы вода была, как на заказ.

Чтоб не смеялись:

Выйдет – будет пиво,

Ну, а не выйдет –

Значит, будет квас!

Колодец строить –

Мудрое искусство.

Не верь же, что оно вот-вот умрет,

Что редко различаем мы по вкусу

Ключ родниковый и водопровод.

В сердцах у нас,

Как в сказках, остается,

Живая, вечно юная вода.

Как в глубине хорошего колодца,

Она в нас не иссякнет никогда!

Старшие

Не потому ль,
Что рос я без отца
Меня всю жизнь мою тянуло к старшим,
К успевшим закалить свои сердца,
Скорей меня взрослеющим и мужавшим?

Тянулся к старшим я.
У них всегда
Чему-то можно было поучиться:
Как брать в ребячьих играх города,
Как с гор слетать на лыжах, словно птица.

Как старшие,
Умел я в вышине
Средь бела дня сквозь тучи видеть звезды
И с женщинами, что встречались мне,
Быть по мужски открытым и серьезным.

Не мог я
Старшим равным быть. но все ж
Был, как они, в несчастье непреклонен,
Любил их мысли, острые, как нож,
И, как лопаты, крепкие ладони.

И даже вот теперь, когда достиг
Я зрелости своей, как говорится,
Так рад я, что на свете есть старик,
Который мне в отцы вполне годится.

Которому
Могу я все сказать,
Во всем, что сделать не сумел, признаться,
И может даже, опустив глаза.
Припав к плечу, по-детски разрыдаться!

Дядя Ваня

Мальчишкой
Я запомнил свято,
Как под победный гром весны
В далеком, звонком сорок пятом
Фронтовики пришли с войны.

О, как тогда
Гармони пели
В селе с темна и до темна!
Как на отцах ремни скрипели
И как звенели ордена!

И только
Дядя Ваня Байков
Как снял свою шинель с плеча
Да заменил ее фуфайкой,
Так той войны не замечал.

Мы знали: дядя Ваня в Бресте.
В самом Берлине видел смерть.
В любом президиуме с честью
По правду мог бы он сидеть.

А он,
Прошедший по Европе.
В чаду совхозной мастерской,
Как в долговременном окопе,
Торчал бывало, день-деньской.

Мы
Дяди Ванины рассказы
Могли бы слушать до зари.
Но он за много лет ни разу
О фронте не заговорил.

Считал, поди-ка:
Ни к чему, мол.
И только до последних дней
По вечерам все думал, думал –
С ней, конечно, о войне!

Потом
Его мы схоронили.
А что с войны ему пришлось
Носить у сердца – не спросили...
Боялись, чтоб не взорвалось!

Вечером на реке

По вечерам
Над речкою – красавицей
Как парусники, ходят облака.
И в глубине бездонной отражаются
Просторы мироздания и века.

В полнеба,
На Вуду у всей вселенной,
Пылает догорающий закат.
А с берегов, как чуткие антенны,
Удилища над бездною торчат.

А тишь –
Нигде такой не встретишь чистой.
Лишь от кустов. Что невдали от вас,
Где кем-то брошен на траве транзистор,
Вдруг гроыхнет сверхсовременный джаз.

Лишь над рекой
Прочерченный в зените
Сверхзвуковою птицею пунктир
Напомнит, на какой непрочной нити
Он держится, прекрасный этот мир...

Два детства

Бурлит наш мир,
Гудит в сердцах набатом.

И вот уж стайки шумные детей
Играют не в войну, как мы когда-то,
А в старты межпланетных кораблей.
Не удивит их лунный камень даже,
Не то что телевизор в наши дни...

Взрослей их детство
По сравнению с нашим.
Но как мне жаль,
Что так взрослые они!

Знаком сынишка мой
И с молодым джазом,
И с заревом неоновых реклам.
Но я – то знаю, что его ни разу,
Как молния, не жалила пчела!

Уже он
Автомотострастью болен,
Над сказочным смеется Колобком.
Но никогда – представьте только! – в поле
Сын по жнивью не бегал босиком!

В каких уже краях
Парнишках не был!
Но не умеет он издалека
Почувствовать горячий запах хлеба,
Не пробовал парного молока...

Как вехи века,
Встали по соседству,
В жизнь добавляя каждое свое,
Твое, мой сын, сегодняшнее детство
И детство безвозвратное мое!

Подарки

Во дни войны,
В селе далеком,
Когда нам открывался мир,
Лишь на картинках видеть мог я
Конфеты, скажем, или сыр.

Но было – не во сне, не в сказке,
Когда вдруг, волею судеб,
Давали нам кусок колбаски
И без мякины, чистый хлеб.

И тех,
Что чудо нам дарили,
Как мы боготворили их!
Они волшебниками были
И великанами из книг.

Из городов,
Из дальней дали
Явившись осчастливить нас,
Они нам детство возвращали –
Пускай на день один, на час...

Лишь взрослым став,
Я понял: были
Они обычными людьми
И нам подарки привозили,
На время сами став детьми.

Они с утра
К станкам вставляли,
Не доедая и скорбя.
Кусок последний отдавали,
Его скрывая от себя.

...А мы?
А мы – то несравненно
Теперь могли бы быть щедрей
Людей эпохи той военной,
Своих отцов и матерей.

И до сих пор
На сердце рана:
Обидно, как ни говори,
Что сам не стал я великаном,
Что мало в жизни я дарил...

Картошка
Эх, ты играй, играй, гармошка,
Пока в подполе картошка.
А картошечку съедем-
И гармошку продадим!
(Из частушек военных лет)

Весной в подвале,
В каменном мешке,
Во мраке, под столькими этажами,
Взметнулось над картошкой в уголке
Ростков прозрачных призрачное пламя.

Кто мог им сообщить
В слепую ночь,
Под толщу многотонного бетона,
О том, что солнце гонит зиму прочь,
Что вновь земля становится зеленой?

Всего-то
Той картошки с полведра.
Но, запертые здесь на семь запоров,
Ростки сквозь пыль цементную и мрак,
Как люди, рвутся к свету и простору.

Их обрывают.
Но они опять
В любые щели тянутся упорно
По камню, где и трещин не сыскать,
Где даже не к чему приткнуться корню.

Как будто знают:
Свет сильнее тьмы,
А солнце может встать в любом окошке...

Вот так же яростно,
В войну и мы,
Войной жестокой детства лишены,
Росли на ней – кормилице картошке!

Фотографии на стене

В деревне
Все, как на ладони.
В любой дом заходи —
И вот
На стенах в рамках немудреных
Перед тобой крестьянский род.

Здесь
Радость на виду и беды.
Вот с фотографии за стеклом
На вас сурово смотрят деды,
Построившие этот дом.

А вот отцы
При всех медалях —
Несокрушимый щит страны.
Домой вернуться обещали,
Да так и не пришли с войны.

А вот и внуки.
Много тут их.
Да что поделать — в города,
Кто на завод, кто в институты
Поразлетелись из гнезда.

Но
Не припрятаны в альбомы,
Глядят сквозь даль времен глаза.
Звучат, как прежде, в старом доме
Живых и мертвых голоса.

Но все, кто жил в нем,
Будут вместе,
Пока, печальна и строга,
Хотя б одна старуха есть здесь —
Хранительница очага.

Они здесь с нею
Вместе вроде,
На перекрестке всех ветров...
И только за водой не сходят
Да не наколют в печку дров!

Наследство

За окошком
Вьюга злится.
Бабке Марье на печи
Всю-то ноченьку не спится –
Протирает кирпичи.

Вот заснешь
На этом свете,
А проснешься вдруг – на том,
Налетят, наедут дети –
Кто хранить возьмется дом?

А кому
Тогда иконы
И обновы в сундуке?
Деньги – те, что сбережены
На сберкнижке и в чулке?

Сладить надо так,
Чтоб детки
Вспоминали бы всю жизнь,
А не как вон у соседки –
Возле гроба подрались.

Вот хоть взять
Старшего сына:
С детства в пекле городском.
Есть квартира, есть машина –
Что ему отцовский дом?

А меньшей,
Меньшой – строитель:
Нынче – Звездный, завтра БАМ,
Послезавтра – в Сумгаите,
По морям да по волнам.

Дочка?
Дочка ходит в брюках –
Знать, не может платье сшить.
Говорят пошла в науку –
Где такой в деревне жить?
Где ей вьюгу – завируху
Слушать под окном в ночи?

До утра
Не спит старуха.
Все протерла кирпичи.
Сон окутал деревеньку,

Бредит бабка наяву:

- Поживу

Еще маленько,

Право слово, поживу!

Памяти Анастасии Егоровны Востриловой

Егоровна

Как-то вдруг,
Нехворанно,
Умерла Егоровна...

А была бездетною,
Лесу лишь верна.
Знанием трав, секретов их
Чуть не с малых лет своих
Славилась она.

И в места урочные
Берет на семь кругом
Тропками обочными
Шла и в день, и в ночь она,
Как в отцовский дом.

Без семьи Егоровна
Век свой прожила.
Но живой историей
С самых давних пор она
Для села была.

И в селе отныне нет
Кто бы так же мог
Байки знать былинные,
Песни петь старинные
И сплясать в свой срок.

Без родни Егоровне
Жизнь пришлось прожить.
Но в минуту черную
Всех пришедших в горе к ней
Дом не смог вместить.

И несли Егоровну
В путь-дорогу скорбную,
Как сыны и дочери,
Подменяясь, в очередь.
На руках несли ее

В снежном серебре.
А могилу вырыли
На крутом бугре.

Там в любую сторону
Виден лес Егоровне .

Сенокос

В то утро
Вновь я был в краю, где рос.
Мы с другом по лесной дороге тряской
Навстречу с юностью – на сенокос
На мотоцикле ехали с коляской.

Как добрый конь,
Шел мотоцикл легко.
И на лугу за лыковой развилкой
Нам повстречался Вовка Рыбаков,
Работавший на тракторной колеске.

Всего семнадцать Вовке. И в луга
Он выезжает затемно, со стадом.
Бахвалится:
- Вчера двенадцать га
Скосил один –
За целую бригаду!

Герой героем!
Но мой друг в сердцах
Заметил Вовке:
- Все ж скромнее можно!
Сам знаешь, что в болотах да в кустах
Коса твоей машины понадежней!

И впрямь:
За речкой Пексой, на бугре,
Поросшем елью да сосною хилой,
Бригада из полсотни косарей
Как встарь, вручную просеки косила.

Был, правда, тут еще и стогомет...
Нам с другом сразу в руки косы дали:
Мол, покажите-ка себя в начале,
А разговор со встречей не уйдет!

О, как вдруг закружилась голова,
Когда коса запела, засверкала,
Когда лесная дикая трава
Предо мной, как в юности, упала!

Но время шло.
Был все лютее зной.
Спина не стала гнуться. И к обеду
Наш бригадир Иван Кузьмич со мной
Уже как с отстающим вел беседу.

Ну, что ж, мол, удивительного нет
В том, что не косишь ты, а землю пашешь.
Мол, знаешь сам, какой десяток лет
Ты не косою, а авторучкой машешь!

Кузьмич как скажет –
Так вопрос ребром.
Меня, конечно, тоже «подкузьмил» он.
- Ты не косою, - говорит, - пером
работай так, чтобы не стыдно было!

А то напишут – все бы ничего:
И ферма с электронною машиной,
И дед, влюбленный в нормы ГТО,
И предколхоза, пишущий картины.
И сам герой, что по ночам жене
Твердит о сдвигах, безупречно трезвый –

Все есть! Но напиши так обо мне –
Из-за угла бы автора зарезал!
Смеялся он:
- Смекаешь?

Я смекал.
Но так и не решили мы вопроса
С опушки дальней прозвучал сигнал
Обед в честь окончания сенокоса!

Обед...
И вот у четырех котлов
С ухую и смородиновым чаем
Сошлась семейка в сорок восемь ртов,
Конец большого дела отмечая.

К речам был явно склонен бригадир,
Но про регламент помнила бригада:
- Достаточно, Кузьмич!
Мы все за мир!
За то, чтобы страда прошла, как надо!

Махнул рукой Кузьмич:
- тогда давай!
И точно так же, как и косу, лихо
Взял в руку ложку –
Только поспевай
Носить свои добавки, повариха!

Пришлось ей поработать в этот день!
От Кузьмича другие не отстали:
Иные так умаялись, что в тень
Потом уж по-пластунски отползали!

И уж велся неспешным разговором
О космонавтах, новостях футбола,
О том, с кем Вовка рыбаков забор
До зорьки подпирал вчера у школы.

Уже гармонь нашлась. И у стогов
Такая пляска началась – дай боже!
Такой, кроме родных своих лугов,
Нигде и встретить-то нельзя, быть может:

- Ох, мы от скуки на все руки:
Трактора ли поведем,
Кашу ль с маслом есть заставят-
Никогда не подведем!

- Ох, не сердись моя Татьяна,
что не часто захожу:
Инкубаторских цыпляток
Я в совхозе вывожу!

- Ох, заходи ко мне, милый мой,
Ходи летом и зимой.
Летом пыльно, зимой выюжно –
Черт с тобой, не больно нужно!

...Была бригада
Как одна семья,
И было для меня огромным счастьем
Вдруг осознать, что к той семье и я,
Как там ни говори, во всем причастен.

И было мне
Опять семнадцать лет,
И был готов влюбиться я в кого-то.
И знал я, что чудесный тот обед
В тот день был мною честно заработан!

Ночь остановилась
Возле сеновала.
Ночь меня укрыла
Звездным одеялом.

Чтоб не мог я слышать,
В полночь засыпая,
Как устало дышит
Мать-земля родная.

Чтоб не мог я видеть,
Как из-за крылечка
Новый месяц выйдет
Целоваться с речкой.

И уж я не помню, где земля, где небо.
Навевает сон мне
Теплый запах хлеба...

В совхозной мастерской

Здесь,
В совхозной мастерской,
Стук и грохот день-деньской.

Здесь черны,
Как трубочисты,
Комбайнеры , трактористы,
Боги армии стальной,
Предстоящей посевной.

Что там боги!
Просто люди.
Вот в бытовке – спор опять6
Как с оплатой нынче будет?
Где запчасти доставать?

Нет запчасти –
Жди напасти.
Знают все: худая снасть –
Хуже всякого ненастья,
Отдохнуть потом не даст.

Ну, а в смысле прогрессивки –
Тут поймет любой дурак:
Даже чирей на заливке
Не вылезит просто так!

Вон шофер
Сережа Дедов,
Всем известный балагур,
Так сказать, политбеседу
Затекает в перекур.

«Травит» он
Не без бахвальства,
Тесным кругом окружен,
Об иных делах начальства,
О зловредном нраве жен.

У них, мол, общее одно:
Секунд нас, грешных, за вино,
А мы, мол, вовсе и не пьем,
Хотя и на земле не льем

Вот разве что кефир хороший,
Так мимо рта не пронесем!

Тут же бригадир речистый

(Где он слов таких сыскал!)
кроет Кольку-тракториста:
до обеда весь год бы – выходной.

От утра до вечера
Кольке делать нечего.
А язык пополоскать –
Против Кольки не сыскать.
А где кисель – он там и сел,
А где пирог – он там и лег.

Смех и шутки,
Все- экспромтом.
Здесь смолчит лишь тот, кто нем...

Впрочем, графики ремонта
Выполняются меж тем,
И не может быть сомнений
В том, что все идет – дай бог,
Что ребята сев весенний
Проведут, как надо, в срок!

Трактористы

Кто с удочкой
С темна и до темна.
Кто на собраниях слышет речистым.
Но вся округа знает издавна,
Что Кораблевы – это трактористы:

Дед, первым трактористом был в селе.
Отец уж и на пенсии лет двадцать
С комбайном все никак не мог расстаться.
И внуки Кораблевых с малых лет
С железками встают и спать ложатся.

Ну, мастера!
Все, что угодно вам_
Пустить в работу телевизор новый,
Над холодильником «поколдовать»,
Бензопилою распилить дрова –
Да все умеют братья Кораблевы!

А поищи-ка
Ты таких лугов,
Полей, где их машины не бывали!
Моторов гул для них понятней слов.
И слово Кораблевых тверже стали.

А приведись
Им завтра воевать –
Их танк врагу любому будет страшен.
А прикажи Луну им распахать –
Они, ее как миленькую, вспашут.

На месте парни
За любым рулем
Не зря девчонки в дни работы жаркой
Все шутят: Кораблевых узнаем
За полверсты солярки.

Смеются.
Но любая признает,
Что нет в селе ребят умней, красивей...
Вот на таких, как кораблевский род,
Железных людях и стоит Россия!

Пастух

Спокон веков
Был праздником, мой друг,
Тот день, когда, всех подружив с бессонницей,
Впервые после долгих стуж с вьюг
Пастух погонит стадо за околицу.

Рожок играет.
И хотя пусты
Поля и лес за ближнею кулигою,
Коровы пляшут, заломив хвосты,
И как ягнята, ребятишки прыгают.

А женщин,
Женщин сколько собралось!
Для пастуха не жалко наставлений им.
Теперь он в каждом доме – первый гость,
Ему везде почет и угощение.

- Уж ты, чай, знаешь,
Пал Кузьмич, что как.
Там за моей приглядывай Дианкою...

А Пал Кузьмич –
Он тоже не простак.
Он с генеральской держится осанкою:

Да, есть, мол,
Есть электропастухи.
Беспорны чудеса мелиорации.
А все же кнут, в отличие от сохи,
Не больно по зубам механизации!

Пастух – будильник,
Нарушитель снов.
Встает всех раньше,
Должен знать всех лучше он:
Корова есть основа всех основ
И всякого в семье благополучия.

И потому он
Утром всякий раз
Своим приходом согревает душу вам...

А вспомни, друг,
Когда в последний раз
Ты встал под пение рожка пастушьего?

Почтальон

Кто в глубинке жил,
Тот знает,
Что с каких не глянь сторон,
Очень даже не простая
Эта должность – почтальон.

Пусть глубинка
Нынче славит
Голубых экранов свет,
Попытайся-ка оставить
Ты кого-то без газет!

Тут в округе
Все знакомы,
Знают каждую семью,
Туту и бабушку припомнят
И пробабушку твою.

В то село
Доставить надо
Телеграмму поскорей.
В этот край – посылку на дом,
Больше, чем полпуда в ней!

Сын
Старухе из столицы
Пишет : выслал перевод.
Где гуляет, где пылится
Перевод тот третий год?

Лучшая
Подруга как-то
Чуть не грохнула трюмо:
Нет известий от солдата –
Не скрываешь ли письмо?

А бывает –
В дом заскочишь
Телеграмму передать
И останешься до ночи
Утешать и горевать.

А тебе ведь –
В путь с рассветом...
Кто измерит, сколько он
В дождь и в стужу, в споре с ветром,
В день проходит километров,
Деревенский почтальон?

Что считать?
Про это знают
Только ноги да семья.
Знает почта полевая,
Знает сумка трудовая
(Неподъемная такая!) –
Жизнь твоя, судьба твоя.

Знает тот,
Кому ты к сроку,
Будь то лето иль зимой,
Будь то близко иль далеко,
Постучишь в конверты окон:

- Получите!
Вам письмо.

Новоселье

Этот день
Стал таким многозвонным.
От машин – пыль до неба столбом.
Спозаранку в поселке районном
Шум и гром: заселятся дом.

Ну, и дом!
Всех красивей и выше,
Настоящий морской пароход.
Он в поселке среди прочих домишек,
Как корабль среди лодок, плывет.

- Эх, принимай нас, новый дом,
под широкой крышею!
С каждым новым этажем
К звездам нынче ближе мы!

- Эх, забывай, как старый сон,
Печки да завалины!
Выходи, друг, на балкон –
Городскими стали мы!

- Эх, малость ниже, чем в Париже,
И, конечно, не Москва,
А как милого увижу –
Так кружится голова!

Вон и впрямь уж
Толпой многоликой
На балконах ведут разговор:

- Ну, так как-
Непривычно, поди-ка,
На второй-то этаж, дед Егор?
Значит стали шабры?
Вот судьба-то!

- Да, чудно...
кто бы мог угадать?
- А, поди, не забыл,
Как когда-то
Из Крутца вы ходили в ребятах
К нам в Дубенки девчат отбивать?

- Ну, припомнил в пиру похмелье!
- Да, меж прошлым и новым – межа...
А уж радостный гул новоселья
Разносился по всем этажам:

- Ох, я бывало, в окна гляну –
Милый по воду идет.
А теперь нас с ненаглядным
Разлучил водопровод!

- Ох, на балконе я гуляю
выше сосен и берез.
А миленок караулит,
Чтобы ястреб не унес!

Ну, денек!
Все смешалось: и моды,
И причуды седой старины,
Трактора, самосвалы, провода,
Шифоньеры, серванты, комоды,
Телевизоры и чугуны!

Вон кому-то
Ключи преподносят
Всей бригадой с наказом беречь.
И хозяин уже произносит
Соответственно случаю речь.

Вон везут
Современной работы,
Очень модный, красивый трельяж.
А старушка несет для чего-то
Кочергу на четвертый этаж.

- С кочергой, мать,
Попала ты мимо!
Газ теперь! Забывай на века!
- Что ты! Как без нее-то, родимый?
Нечем будет учить старика!

Вон уж
Магнитофон из окошка
Надрывается джазом – да как!
А в сторонке, как раньше, гармошка
Зазывает девчат на «топтак»:

-Ох, выхожу и начинаю
Потихонечку дробить,
Настроение такое –
У кого-нибудь отбить!

- Ох, не ругай меня, мамаша,
Что сметану пролила.
Шел миленок мимо окон –
Я без памяти была!

- Ох, идет милый по деревне,

Идет, улыбается.
Оказалось – зубы вставил,
Рот не закрывается!

...А когда
Стихли песни и речи,
Новый дом, весь в сверканьи огней,
За сто верст виден был в этот вечер
В океане лесов и полей.

Курс держал он
Рассвету навстречу,
Шел дорогой больших кораблей!

Как дом перевозили

Шла новостройка
В бой на старый быт.
И грянул грозный час для дома этого.
Как дом врага, что на пути стоит,
Он сносу подлежал. Мешал проектам он.

Вы поглядели бы
На этот дом –
На кирпичи фундамента отменные,
На мезонин, на крышу с петухом,
На вековые срубы пятистенные!

Был на домкраты
Поднят старый дом.
И ахнула толпа многоголосая,
Когда он вместе с тем, что было в нем,
В конце концов поставлен на колеса был.

Но рано.
Рано радовался враг!
И не один мотор голодным зверем выл,
Чтоб сдвинуть с места дом тот хоть на шаг,
Чтоб наконец-то с корнем вырвать дерево.

Когда ж
Меж серых каменных громад
Кряхтя, пошел, пошел он к жизни новый дом.
Вся улицы сошлась, как на парад,
На небывалые в округе проводы.

Все повидал он
На своем веку.
Как многим был тот дом дорожке золота!
И все без слов желали старику
Найти, догнать свою вторую молодость.

Никто уже не мог
В ту ночь –
Не только рядом, а по всей окрестности.
И дом уехал в свой далекий путь,
Навстречу неизбежной неизвестности...

Близнецы

В деревеньке Заболотной
Где старух да мошек власть.
У доярки Любы – вот вам! –
Сразу двойня родилась.

Сын да дочь –
Как день да ночь.
Оба в мать, оба в отца –
Не проезжая молодца.

А в деревне той едва ли
Не кончалась жизни нить.
Там лет десять не рожали –
Было некому родить.

И теперь
Взглянуть на чудо,
На младенцев и на мать
Прибегали отовсюду
Все, кто мог еще бежать.

И желали дружно люди
Не для красного словца:
В мать красою пусть дочка будет,
Сын силенкою – в отца.

Чтобы кашка-то – из ложки,
Добрый молодец – на ножки,
Чтоб как только повзрослела
Девка красная – за дело.

Чтоб родителям под старость
Радость за детей досталась...

Сразу стало
В доме тесно,
Вспыхнул спор – ножа острей:
Как растить детишек, если
Нет ни бабок, ни яслей?

- Не дадут
Спать малы детки,
А как вырастут – сама
Не заснешь! – кричат соседки, -
Дай бог деток – и ума!

- Надо, -
кто-то вскользь заметил, -

На малюток получить
Документы в сельсовете...

- Да неплохо б и крестить!-

Из угла добавил некто,
Но тотчас же и притих:
Десять верст до сельсовета,
А до церкви - сколько их?

И сказал
Отец смущенный:
- Ну, зачем так? Век не тот.
Все оформим по закону,
А отметим-как народ!

Все на том
Сошлись охотно,
Праздник в доме:
В кой-то раз
В деревеньке Заболотной
Сразу двойня родилась...

Василь Григорич

Брат деда моего,
Василь Григорич,
Премудрый был, занятый старикан.
Постиг он грамоту. От моря и до моря
Прошел сквозь смерть. Лишения и горе
В борьбе за власть рабочих и крестьян.

Любил он с детства
Книжки да газеты.
Бывало, хлебом не корми его –
Дай рассказать о звездах да планетах,
О кознях наших классовых врагов,
Или о том, что скоро можно будет
С полатей повидать Москву саму...

С Василь Григоричем считались люди,
Шли за советом в трудный час к нему.
Он был судьей в большом и малом споре,
Хоть кое-кто нет-нет да и ввернет:
Мол, что вы! Это же Василь Григорьич!
Он не приврет, так дня не проживет!

А у него
И для таких найдутся
Слова в ответ.
Он, не успеешь оглянуться,
Уже противнику – вопрос ребром:
- Умен, мол, ты!
А слышишь, как дерутся
На колокольне муха с комаром?
Тот и разинет рот...

А то, бывало,
Василь Григорич скажет:
- Вот слышал я,
В Крыму получен дивный урожай.
Картошка вырастать по пуду стала!
Съешь пару-тройку – и ходи гуляй!

И что ж?
Иной, начав от магазина,
Разносит эти новости окрест,
Пока ему не скажут:
- Эх, дубина!
Да кто же враз по три-то пуда ест?
Тебе ль
С Василь Григорьичем тягаться?

А дедов брат
Глядит из-под руки,
Смеется...
Почему не посмеяться,
Покуда есть на свете дураки!

Первый радиоприемник

Село, наверное,
Поныне помнит,
Как плотник наш, Михеев Пантелей,
Привез впервые радиоприемник
С запасом тяжелых батарей.

Пришло народу...
Хочешь иль не хочешь,
А принимай. Не только что в избе –
И под окошком слушали до ночи,
О чем поют и говорят в Москве.

Росла молва.
Все те, кто похитрее,
О чудесах судача так и сяк,
Старались быть поближе в Пантелею,
А он, понятно, тоже не дурак:

По вечерам
Стал запирается плотник,
Лишь свояку при встречах говорил:
- Все спишь? Послушать радиоприемник
Зашел бы!
Тот, конечно, заходил.

До полночи
Торчал с одной заботой –
Хозяина-хитрюгу ублажить:
- Ну, и башка ты, Пантелей Федотыч!
Та как в столице! Что тебе не жить!

Ломался Пантелей:
- Осечка вышла!
Спешил – купил не больно-то хорош!
Есть и почище. И Москву в них слышно,
И через них в Москву кричи что хошь!

Ему прощали
Похвальбу мужчины,
А женщины – все давние грехи.
От дочки Пантелея, Валентины,
На шаг не отходили женихи.

И всех, конечно,
Зависть разбирала,
Старались все... да что там говорить!
Такой же ящик все село мечтало,
Пускай не враз – со временем купить!

И вот - сбылось.
Стоят в селе антенны.
Над каждым домом, их не сосчитать.
Сменив на телевизор современный,
Сам Пантелей забросил ящик в сени...

А зря.
Его в музей бы надо сдать!

Мне уже,
Как видно, не пройти
Ни по лунным скалам,
Ни по Марсу.
С детства звали
Звездные пути,
Да с Земли я
Так и не поднялся.

Все заметней годы,
Все сильнее
Власть Земли,
Недугов и покоя.
Все трудней
С другими на равнее
До мечты
Дотронуться рукою.

Суждено
Ходить мне по Земле,
Но я знаю,
Твердо верю в это:
Сын иль внук мой
Через много лет
Полетит к неведомым
Планетам.

Довершит он
То, что я не смог,
Мир чужой
Моим окинет взглядом...

Ты сквозь годы
Слышишь ли, сынок?
Я в твой звездный час
С тобою рядом!

По грибы

Цивилизацией
Не обойдены мы.
Как будто оторвались от земли.
Но что творится днями многозвонными,
Когда разносится по городку районному:
- Грибы пошли!
- И ягоды пошли!

И нет, не потому,
Что на базаре бы
Ты ягод и грибов достать не смог,
Встаешь ты в час, когда багровым заревом
Заполыхает утренний восток.

Идешь ты на большак
И «голосуешь» там
За радость дальних троп и новых встреч,
За избавленье от толкучки суетной,
За ветер странствий, рвущий куртку с плеч.

И будет
На волнах своих качать тебя
Живой, зеленый океан лесной.
И ни асфальтов нет, ни указателей.
Готов обняться ты, как в детстве с матерью,
С любой березкой, с каждою сосной.

И не беда,
Коли при всем старании
Без тяжких нош покинешь ты леса.
Ты принесешь домой земли дыхание,
Трав запахи и птичьи голоса.

И средь зимы,
С морозом и с порошею,
Все это вновь ворвется в дни твои
Как лист кленовый, кем-то в книжку брошенный,
Как сон о первой, памятной любви!

Рыбалка

Ну, что – рыбалка?
Так, потеха, вздор,
Но сын мой, воспылав рыбацким жаром,
И слушать не хотел, что до сих пор
Ловил я рыбу только по базарам.

И вот уж мы –
Я, сын мой, сынов друг –
Шагаем к нашей речке, рассуждая
О том, что будет, если мы – а вдруг! –
Ну, скажем, щуку в метр длиной поймаем.

Все просто в девять лет...

Да я и сам
В душе прикладывал:
- Ну, что же, если честно –
Набраться хватки, нужной рыбакам,
Ума – пока что негде было нам,
Но дуракам везет, как всем известно!

А в речке
Вечером горит закат.
В ней отражается вся даль Вселенной.
И удочки над бездною торчат
По берегам, как чуткие антенны.

Казалось бы:
Бросай себе крючок
И вынимай не только рыбу – звезды!
Но я-то вскоре убедиться смог,
Что стать заправским рыбаком не просто.

Все вроде бы как надо:
И червяк,
И взмах руки – а поплавок ни с места,
А тут застрял крючок среди коряг,
И оборвалась новенькая леска.

А тут, как видно, задремав, мой сын
Чуть в воду с берега вдруг не сорвался...
Хотя бы один малек, хотя б один
Нам на три удочки на смех попался!

Таким вот был он,
Первый наш улов.
И если б слышать вы в тот раз могли бы,
Как били нас картечью голосов:

- Эй, рыбаки! А где же ваша рыба?

Но шли
Мои герои под огнем,
По сторонам посматривая смело.
И видел я, что мы еще придем
Сюда, на речку, рыбу мы найдем,
Со дна возьмем...
Да и не в рыбе дело!

Баня

О, баня –
Это целое событие!
К нему готовятся, составив план,
К моряки готовятся к отплытию
В безжалостный, но милый океан.

В свой день и час
Так сладостно шагать в нее
Под вечерок в компании друзей,
Любые отменив мероприятия
И не страшась любых очередей!

Ты выбираешь
Веник взглядом опытным
И, сразу чувствуя, что есть парок,
С мороза попадаешь прямо в тропики,
На самый верх, на огненный полук.

Уж здесь – держись!
Не жди, друг, снисхождения.
Здесь ни чинов, ни званий – ничего.
В парной, в хлестани горячих веников,
Вопрос стоит открыто – кто кого!

Здесь сразу видно,
Кто герой и сдался кто,
И то, как в дымком облаке паров
Прет из-под только снятых модных галстуков
Наружу деревенское нутро.

А тем,
Кто не выносит духа банного,
Здесь скажут напрямик:
- Нет, брат, шалишь!
Ступай-ка ты в свое корыто в ванную,
Там не вспотеешь и не угоришь!

Но ты – герой,
Ты, - свой экзамен выдержав,
В предбаннике, к стене припав плечом,
Толкуешь о хоккее, граде Китеже,
О космосе – да мало ли о чем!

Потом – второй заход
И третий делаешь.
И так – пока, распаренный до слез,
Не вылетаешь пулей ошалелою на мороз.

Теперь постой.
Взгляни, как звезды светятся.
Как спят вокруг деревья и кусты.
Ты словно с детством деревенским встретился,
Как будто заново родился ты.

Чист, словно первый снег,
Шагай по праву
По улицам пустынным не спеша.
Пей чай свой, лимонад или какао,
Или чего там требует душа!

На скамейке

На скамейке у подъезда
Летом с утренней зари —
Словно в ложе для оркестра
Или за столом жюри.

Все, что хочешь, те скамейки —
Отдых после дня труда,
Средство скрыться от семейки,
Зал народного суда.

Здесь от взглядов откровенных
Что-то скрыть — и думать брось.
Здесь просветят, как рентгеном,
До костей тебя, насквозь.

Здесь болеют —
Хоть не пьют! —
С чужого похмелья.
Здесь такое отольют —
Не съешь три недели.
Скажут с уха на ухо —
Пойдет звон с угла на угол:

- Наш сосед-то, Пал Егорыч,
какого деньгу гребет!
Снег зимой продаст не скоро,
И дерьмо-то тащит в рот!
Чтоб урвать барыш грошовый,
Съест живьем отца родного!
Что ему права — законы,
Если судьи все знакомы!

- А у нас в подъезде звон-то!
Дамочка невестится.
Так вот и вертит хвостом-то,
Бабушке ровестница!
Все, что стыдно да грешно,
То и в моду вошло!
Нет, хорошее лежит,
А плохое-то бежит!
Какого ведь пава,
Такова и слава!

- Молодежь-то нынче что-то
больно озорна пошла:
как накинута в семь глоток —
чуть отлаешься одна!
Ты им словно — они двадцать,

Им по морде – они драться!
Враз согнут тебя в дугу –
Даже не попарят!

На скамеечном кругу –
Тары – растабары.
День-деньской не разойдутся,
Кости ближних беребя...
Туту вся мудрость – не коснуться
Невзначай самих себя!

Свадьба

В доме – свадьба.
Вот жених
На почетом месте.
Словно скованный. Притих.
Плохо и невесте.

Неспроста грустят они –
Им здесь трудновато!
Столько за столом родни,
Столько всяких сватов!

Все на страже, все следят,
И следят умело:
Это делай, как велят!
Этого не делай!

Старших в доме почитай!
Прочих – честь по чести!
Слишком много не болтай!
Не клонись к невесте!

Да поймай-ка голубка,
Покажи-ка удаль!
Он из тряпок! С потолка
Сыплет солью в блюдо!

Коль поймашь – спору нет,
Дорога милаха!
Не поймашь – тот обед
Съесть заставит сваха!

Вышла сваха на простор –
Не уважишь скоро:
Ноги – с подходом,
Руки – с подносом,
Голова – с поклоном,
Язык – приговором!

- Как у нашей молодой
Брови черны, нос кривой!
Брови черны по природе,
Нос кривой по новой моде!

- Про миленка говорили:
Свеклу парену не ест!
Я вчера его видала:
С головой в чугунок залез!

...Вышел дружка.
Главный тут.
С ним поди, поспорь-ка!
Гости вдруг как заревут
В сорок глоток:
- Горь-ка-а!
- Горь-ка-а!
- Горь-ка-а!
Стон кругом.
Стихнет чуть – и снова
Стонут гости, стонет дом,
Стонет пол дубовый.

Вышли гости поплясать
Кто кого сильнее?
Свадьба – это не пахать
Или, скажем, сеять!

Как живой, затрясся дом.
Гости дорогие
Зверствуют...

А за столом
Дремлют молодые.

Их к утру забыв, в углу
Уползают сваты.
Разгружаются столы
От еды богатой.

Затихает шум и гром.
Остаются вместе
Лишь невеста с женихом
Да жених с невестой.

Остаются двое – вновь
Ласкою согреты...

Продолжается любовь,
Кончились запреты!

Встреча

Когда я,
Все прокляв на свете,
Вошел из тьмы в вагон, она
Сидела, даже не заметив
Дождя за шторами окна.

Как в городской своей квартире,
Привычной, обжитой давно.
Как в неземном, особом мире,
Куда не всем войти дано.

Не всем.
И я заметил сразу,
Что, отличаясь от других,
До голенищ болотной грязью
Мои покрыты сапоги.
Что ватник вовсе промочило
И что уже порядком худ
Мой плащ...

А ехать нужно было
Каких-то двадцать пять минут.
Я ехал, собственно, по делу –
На первой станции сходить...

И вдруг до боли захотелось
Про все дела свои забыть.

Забыть, окончить счет минутам
И за проснувшейся мечтой
По жизни дальнего маршрута
Поехать с девушкой той.

Вот только бы она сказала...
Уйти?
Или остаться тут?
Да? Нет?

А ехать оставалось
Уж каких-то пять минут.
Четыре, три...
Я поднимался,
Садился за вагонный стол.
Я колебался. Разрывался.
Решал остаться.
И ушел!

Ушел...

А через много лет. Как юность,
Она, такой же, как была,
В душе моей задев все струны,
Вчера во сне ко мне пришла...

.

И вновь
Жалел я,
Что не плюнул
Тогда на все свои дела!

В час горестный,
Припомнив прошлое,
Обиды давние свои,
Я думаю:
Ну, что хорошего
Я видел в жизни от любви?

Да, были
Под луной свиданья
И трепет обнимавших рук.
А сколько ссор, непонимания,
Напрасных вздохов и разлук?

А сколько
Гор не сдвинул с места я
И сколько с неба звезд не снял
Лишь потом, что кто-то честно бы
Тех звезд не принял от меня?

А сколько
Глупостей наделал я,
Когда гулял он, зов любви,
То белой вьюгой озверелою,
То пламенем в моей крови?

И так же ведь мутился разум
У всех, наверное, в свой час...
Что? Не было у вас? Ни разу?
О, как друзья, мне жалко вас!

Письмо

Я был захвачен вихрем быта.
И вдруг в тот быт, в толкучку дней
Пришло письмо из позабытой.
Далекой юности моей.

И вдруг, как прежде, сердце сжало
Все то, чего, казалось. Нет.
И вдруг. Как в сказке доброй, старой,
Мне стало вновь шестнадцать лет.

И думалось не шутки ради:
Что общего имею я
С тем дядей, что с зеркальной глади
С усмешкой смотрит на меня?

И стало непонятно: как же
Я до того не замечал
Всех этих по-хозяйски важных
Шкафов, сервантов и зеркал?

И захотелось вдруг на волю,
В тот край. Где в жизнь пришлось вступать,
Где я когда-то в чистом поле
Да звезд рукою мог достать.

И пусть всесильно время – поздно
Лететь мне в дальние края,
Пусть дарит там кому-то звезды
Другая юность, не моя –

Спасибо, жизнь, тебе за это:
За то, что вновь в толкучке дней
На миг душа моя согрета
Письмом из юности моей!

Не сложились стихи...

И опять
Сердце властно и смело
Сжало что-то такое,
А что – не пойму.

Словно
Друг мой,
Задумав недоброе дело,
Опозорил меня
И упрятал в тюрьму.

Словно
Женщину я
Оттолкнул незаслуженно грубо
И теперь
Потерял свое счастье наверняка.

Словно
Вышел на сцену
Знакомого сельского клуба
И сказать ничего не могу
Дорогим землякам...

Памяти моей матери
Федосьи Уваровны Востриловой

Слово о матери

(Поэма)

Был день. Как день.
Покрыт был снежной шалью
Простор пустынных, неживых полей.
Под вой метели в землю опускали
Гроб белый с телом матери моей.

Был день, как день.
Рождались, гасли звезды.
А шар земной вращался и гудел.
Наверно, где-то тысячи серьезных,
Необходимых совершалось дел.

Мир жил, как жил.
И ни в одной газете
Никто о смерти той не сообщал.
Никто не знал, как много с гробом этим
В тот горький день я в землю опускал.

А для меня
Все то. Что есть и было,
Всю жизнь, все окружение мое
Смерть матери навечно разделила:
Вот это – с ней, а это – без нее.

Мир раскололся,
Стал он непонятым,
Незримой перерезанной чертой.
Дела, слова, рассветы и закаты –
Вокруг все то же вроде, да не то!

Как будто бы
Дорогой незнакомой
Взошел я на какой-то перевал
И с высоты нелегкого подъема
Все прожитое мною увидал.

Как будто
На приметной той вершине
Все сердцем осознал я наконец:
За все я отвечаю сам отныне,
Уже не сын теперь я, а отец.

Все увидел я,
Оценил, припомнил,
Что не ценил когда-то, не берег.
И понял вдруг, что никогда никто мне
Уже не скажет ласково: «Сынок!»

И увидел я,
Возвратясь к истокам:
Снарядом, мчавшимся сквозь времена,
Не знающим ни промахов, ни сроков.
Разящим беспощадно и жестоко.
Она убила мать мою – война!

Мы были
Поколеньем безотцовщины.
Во дни грозы военной всякий раз
В лесах Заволжья, на полях Тамбовщины
По матерям и называли нас.

Тот – Колька Нюрин,
Этот – Петька Тонин.
Все равно детства лишены войной.
И мать, бывало, жестокою ладонью
Погладив загоревшее лицо мне,
Со взрослым будто, говорит со мной:

- Что ж делать, милый?
Да негоже гнуться нам!
Мне тоже в молодые времена
На детство-то досталась революция
Да плюс к тому гражданская война!

В двенадцать лет
Отца я схоронила.
И дом наш в тот же год сгорел дотла.
А четверо у матери нас было.
И старшей я из четверых была!

Враз повзрослела!
Жала и пахала,
И нянчила детей порой ночной.
А уж семнадцать лет-то я встречала
На торфоразработках под Москвой!

Там мы
С твоим отцом и поженились.

Да в общежитьи чуть не года три –
Представь-ка! – в общей комнате ютились
(Конечно, ширмами разгородились!)
три парня холостых да две семьи!

Но знай, сынок,
Все это бы – полгоря.
Мы тоже, трудности познав сполна,
По-человечьи зажили бы вскоре,
Когда бы не проклятая война!

Война...
От нас за дальними горами,
За темными лесами шла одна.
И все же в детстве после слова «мама»
Второе слово было нам – «война»!

И сколько б зим
И весен ни промчалось,
Мне не забыть той страшной тишины,
Что на село родное опускалась
И бомбою порой от слов взрывалась
В сердцах людей вдали от гроз войны.

Как ночь,
Так ни огня в селе, ни звука...
Зря керосин не тратя, в чей-то дом
Сойдутся, сядут у коптилки кругом
Солдатки – кто с вязаньем, кто с шитьем.

И речь ведут
Неспешно и негромко
О том, когда пахать, когда косить,
О том, кому сегодня похоронка,
О том, кто завтра может получить.

И кто-то
Скажет, дрему прочь отбросив:
- Да, здесь-то что! Нам беды не страшны!
А вот как там-то! Расскажи, Федосья,
Как под Москвой ушла ты от войны!

А мать моя вздохнет:

- Да что рассказывать!
Другим-то было потрудней, чем мне:
Пред тем, как подойти к Москве войне,

Отправить догадались сына сразу мы
Сюда, в деревню, к мужниной родне!

И вот:

«Враг у ворот! Эвакуация!»
Ну, муж – на фронт. Как в воду, без следа.
А на вокзалах – давка. Где пробраться там?
Вернулась я домой. Куда деваться-то?
Два платья – в узел. Да пешком сюда!

- За сотни верст – пешком?
- А как же? Мало ли
нас, беженцев, в тот трудный год брело?
Под бомбами, не днями – месяцами шли,
Все то, что было нажито – оставили,
Война – хапуга бросили в хайло!

- А вот ты вновь,-
Пусть глиною обмазанный,
В войну построенный да несуразный он,-
Какой ни есть домишко завела!

- Так ведь в моих-то шальных,
кофтах вязаных,
считай, сегодня ходит полсела!
Ну, и колхоз помог, конечно, тоже мне...

И мать качала грустно головой:

- Да что!
Все мы солдаты,
Все похожие,
Все мы единой связаны судьбой!

Солдаты...
Да, в годину ту несладкую
Не зря – такое зря не говорят! –
Назвали наших матерей солдатами,
Достойными своих мужей – солдат!

И что там спорят,
Чья трудней война была,
Когда второй бы фронт открыть должны?
Он матерям, нашей русской бабою,

Открыт был в самый первый час войны!

Не день один,
Не месяц и не два они —
В тревогах, в напряжении, как в бою,
Годами жили, сдав без колебания
В фонд обороны молодость свою!

Им не пришлось
Ходить в нарядах модных.
Им хлеб поры военной привелось
Делить, как драгоценность, в год голодный
Чтоб мы, их сыновья, могли сегодня
Писать поэмы и взлетать до звезд.

Это они
Сноп в полях вязали,
Дрова рубили средь лесных чапыг,
Весною землю на себе пахали
И о себе с усмешкой распевали:
«Я бык и лошадь, баба и мужик»...

Это они
Великими заботами
Спасали то, чем мир сегодня жив.
И столько лет за «палочки» работали,
За трудовень свой, что скорей для счета был,
Ни пенсий, ни наград не заслужив.

И в День Победы,
Под оркестры медные,
Пришлось им чашу горя пить до дна:
Нет, не пришли мужья их в час заветный к ним,
И в мае сорок пятого, победного.
Для матерей не кончилась война!

Война
Для них не кончалась...
Была она,
Пришедшая к победным рубежам,
На век весь, до последнего дыхания
Дана судьбою нашим матерям.

И отгремев,
Со всею силой грозную
Она их была в тишине ночной

То памятью о тех, кто не пришел с нее,
То новой неурядицей колхозною,
То злой послевоенною нуждой.

Легко ль?
А матери моей— особенно:
Все сверстники мои со школьных лет
Работали. А я — то чем помог бы ей?
Я шел учиться в университет.

И сколько гор
Хлебов она взрастила,
Сколько вагонов дров перенесла,
Сколько стогов до неба накосила,
Сколько полов гектаров перемила,
На сколько сотен плеч одежду сшила,
Сколько ночей она не доспала!

Тянулась в струнку,
Не могла иначе:
Вот только б сын диплом смог защитить,
Вот только б он скорей работать начал,
Вот только б семьей ему удача,
Вот только б внуков малость подрастить...

Мать жизнью собственной
Мне в жизнь пути мостила.
А как трудились весь свой вдовый век,
Какой еще поныне живы силой
Те, у которых нас, таких-то, было
По пять, по шесть и больше человек?

С несчитанном
Долгу пред матерями
Мы с самых дней младенческих своих.
Но как же мало бережем мы их,
Покуда гром над головой не грянет!
Покуда, как в свой час отцов в сражениях,
Смерть на ходу не скосит матерей...
А может быть и хуже. Смерть — мучение.
Она досталась матери моей.

Час пробил.
Не искала мать покоя.
А туту устало в комнату вошла
Взялась за сердце дрогнувшей рукою.

Села на стул – и встать уж не смогла.

Всю жизнь

То в хлебе, то в людском внимании,
То в справедливости нуждалась мать.
А туту вдруг просто воздуха, дыхания,
Самой-то жизни стало не хватать!

Так сколько ж

Нужно было силы воли,
Чтоб ей с неукротимостью своей,
Вдруг став подбитой птицею в неволе,
Лежать в кровати, подавляя боли,
Три сотни дней и столько же ночей
И таять на глазах...

А чем поможешь?

Вот разве только

Вспомнишь, что и ты,
Не сознавая сам того, быть может.
Беспечностью своей ускорил тоже
Ей путь до этой горестной черты?

Припомнишь,

Как бывало ей несладко
Не от одних военных только ран?
И сколько слез она лила украдкой
В то время, как ты был и сыт, и пьян?

И как теперь

Ты встанешь перед нею?

Но суету сует

Отбросив прочь,
И в лапах смерти
Мать была сильнее
Меня, ей опоздавшего помочь.

Все было ясно.

И речей бодрящих
Не слушай, не споря зря с судьбой,
Мать, как жила – без жалоб, по-солдатски –
В путь безвозвратный собиралась свой.

Ни в чьих ошибках,

Попусту не роясь,
Спешила мать у жизни взять расчет,
Как будто можно опоздать на поезд,
Который в вечность отойдет вот-вот.

И если

Ей болезнь вздохнуть давала
Хотя б на час – не то что на полдня,
Мать, за стену держась рукой, вставала,
К окну садилась, шила и вязала:
«Потом как все найдете без меня!»

Своей заботой,
Даже умирая,
Хотелось бы ей целый мир обнять...

Но как же
Перед смертью не хватает
Не лет, не месяцев –
Хотя бы дня!

И мертвый холод
Вечного покоя
В конце концов в свои права вступил
Не потому. Что мать сдалась без боя –
Нет, просто больше не осталось сил!
И как теперь
Ты встанешь перед нею?

Но суету сует
Отбросив прочь,
И в лапах смерти
Мать была сильнее
Меня, ей опоздавшего помочь.

Все было ясно.
И речей бодряцких
Не слушая, не споря зря с судьбой,
Мать. Как жила – без жалоб, по-солдатски -

В путь безвозвратный собиралась свой.

Не о себе –
О людях беспокоясь,
Она свершала с жизнью свой расчет,
Словно боялась опоздать на поезд,
Который в вечность отойдет вот-вот.

И если
Ей болезнь вздохнуть давала
Хотя б на час – не то что на полдня,
Мать, за стену держась рукой, вставала,
К окну садилась, шила и вязала:
«Потом все как найдете без меня!»

Своей заботой,
Даже умирая,

Хотелось бы ей целый мир обнять...

Но как же
Перед смертью не хватает
Не лет, не месяцев –
Хотя бы дня!

И мертвый холод
Вечного покоя
В конце концов в свои права вступил
Не потому. Что мать сдалась без боя –
Нет, просто больше не осталось сил!

Она ушла.
Но в жизни быстротечной
Оставлен ею свой, особый след.
Бессмертны матери – живой и вечный
Источник всякой жизни на Земле!

Бессмертны матери.
Жизнь вечно первозданна.
Как прежде. Шар земной своим путем
Летит в весеннем звоне неустанном,
В цвету, с незаживающею раной –
Могилой моей матери на нем.

Весь мир в движении.
Кто-нибудь родится,
А кто-то умирает в этот миг.
Не просто, чтоб стать земли частицей –
Чтобы в детей и внуков обратиться,
В дома, в машины и в страницы книг!

Настанет время
Лечь и мне в могилу.
Но я б хотел, чтоб для моих детей,
Для всех людей то, что свершу я, было
Такой же красотой полно и силой,
Как для меня жизнь матери моей!

Хочу, чтоб жизнь
И впредь над смертью черной,
Держала верх в любые времена.
Чтоб крылья вдруг свои не распростерла
И мир цветущий не взяла за горло
Убийца наших матерей – война!

Чтоб каждому сквозь жизнь,
Сквозь мрак холодной,

Сквозь все, что испытать нам суждено,
И впредь, от власти времени свободно.
Не гаснувшей звездой путеводной
Светило материнское окно!
1978 год.

Памяти отца моего
Василия Егоровича Вострилова
безвесто (и скорее всего безмогильно)
сгинувшего под Москвой в 1941г.

Отцовский узелок

(Поэма)

Сорок первый,
Мне четыре года.
Над Москвой пронзил прожектор мрак.
Репродуктор над толпой народа
Бьет в набат:
- У стен столицы враг!

У отца уж на руках повестка.
С бабкой нас проталкивает он
В душный, переполненный до треска,
Взятый с боя, чуть живой вагон.

И когда из той Москвы,
Из детства
Поезд наш отходит на восток,
Бабка вдруг кричит:

- А где отец-то?
Он же позабыл свой узелок!
Здесь сухой паек на десять суток,
Шутят ли с таким-то узелком?!

Бабка ахала.
Но шли минуты
И столбы мелькали за окном.
В день грядущий ,
К жизни поезд рвался...

А отец,
Еще живой пока,
В те минуты
К фронту направлялся
Без спасительного узелка.

Где погиб он?
Даже и примерно
Места не могу назвать и дня.
Мой отец остался в сорок первом.
Бронзой стал, легендой для меня.

Ни друзья отца.
Ни переписка,
Ни архивы мне не помогли...

Может,
Безымянным обелиском
Где-то он пророс из под земли?

Может,
Сможет в будущем наука
Воскрешать из мертвых наконец?

Знаю я одно:
Во мне, и внуках
До сих пор живет он, мой отец!

Я теперь
Отца намного старше.
Предо мной висит его портрет.
Вновь с отцом я, без вести пропавшим,
Прохожу сквозь строй далеких лет.

И опять.
Как о чудесной сказке,
Как о хлебе – главном сне ее,
Тайно грезит об отцовской ласке
Детство безотцовское мое.

И встает,
Отцом моим непознанный,
Новый мир – мир не его, а мой:
Целина. Гагарин. Взлеты звездные.
Ядерная смерть над головой.

Мы идем с отцом
К могиле матери,
Ставшей также мне и за отца,
С дней войны не переставшей ждать его,
Пока сердце билось. До конца.

Но доколе ж
Быть у смерти пленником?
Я сквозь даль времен вперед смотрю.
Я с отцом, как будто с современником.
Как с самим собою говорю!

Знай, отец:
Когда в том звонком Мае
Грянула над миром тишина –
Новый круг свой адский начиная,
О смертях грядущих помышляя,
Не сдала тогда высот война.

Со Дня Победы,
Что живых от павших
Отделил невидимо и чертой.
Вновь война мечтает о реванше,
Возродить желая день вчерашний,
Новой захлестнуть грозит волной.

У нее теперь
Такие бомбы!
Если б только разом их взорвать –
Шар земной стал ядерный костром бы,
Нет, он не успел бы запылать!

И уже
Предел ей не указан,
И она на звезды курс берет.
И она в секретных планах базы
Чуть ли не на марсе создает.
Ждет война удобного момента,
Чтоб всю Землю – в марсианский вид...

А пока
Устами Президентов
О всеобщем мире говорит.

А пока война
Со злобой страшной
Нас развит - свинцом и без свинца.
Только фронт проходит не по пашням,
А по нашим душам и сердцам!

Есть он, фронт!
Им с давних пор незримо
На планете разъединены
Светлый мир любви неистребимой
С черным миром смерти и войны.

А еще есть Серый.
Он над боем.
В хате с края он пожить горазд.

За минуту своего покоя
Все богатство мира он отдаст.

Он страшней.
Чем Черный.
Этот Серый!
В схватку с ним вступая, как боец,
Я живу одной с тобою верой.
По тебе сверяю жизнь, отец!

И когда
Я вижу, как стремится
Кто-то скрыться с линии огня.
За сверхмодной «стенкой» укрыться —
Личный кровный враг он для меня.

И когда
Глушат меня нередко
Громом недостигнутых побед,
Я смотрю: пошел бы я в разведку
С этим краснобаем — или нет?

И когда дать бой за правду надо,
Проверяю я себе вдвойне:
А могу я встать стеной за правду,
Как под танк бросались на войне?

Он мне в душу
Лезет, этот Серый!
И всегда. С ним выходя на бой.
Не считая жертвы и потери,
Я иду на бой с самим собой!

Вот сидим
Перед твоим портретом дома мы —
Я, уже доживший до седин,
И, тебе. отец мой, незнакомое,
Наше продолжение — мой сын.

Неужель его
По праву жестокому.
В пасть войны придется мне послать
И. вдобавок к детству безотцовскому,
Старость безсыновнюю познать?

Только став отцом,
С любовью к жизни прочною
Прошагав по тысячам дорог,

Понял я: нет, не забыл – нарочно ты
Мне тогда оставил узелок!

Что ж, все верно!
Мчит сквозь тучи грозные
Век наш, не жалея скоростей.
Открываем мы дороги звездные,
Пашем землю и растим детей.

А грядет гроза –
Ее встречаем мы,
Как бойцы – с винтовкою в руке.
И в наследство детям оставляем мы,
Шар земной в отцовском узелке!

1985 год.

Часть четвертая

Из неопубликованного

Мы были не так близко знакомы. То есть я знал Анатолия Васильевича Вострилова, как сотрудника «Борской правды», а может быть и как приметную фигуру на центральной Борской улице и до моего священства, но назвать то знакомство чем-то значимым, вряд ли можно.

Для меня значимым явился один эпизод. Когда он пришел ко мне в Сергиевскую церковь, в бытность мою настоятелем и попросил у меня «Православный молитвослов». В нем он отыскал, по его словам «подходящую молитву», для своей последней книги. Но эта конкретная встреча, была как предисловие. Продолжение эпизода и значимость заключалась в том, что книгу свою Анатолий Васильевич назвал: «Утоли моя печаль». Это одно из многочисленных восклицаний, вопрошаний к Божией Матери. Одно из названий Её икон.

И если такое восклицание-вопрошание делает «бывший атеист», «страны безбожной», то многое душой его сказывается. Увидел человек «маяк», в море житейском и к нему стал курс держать. А может быть, он, «Маяк» и всегда видел, или знал про него, но не было решимости, не было веры, что это Тот Маяк, и что к Нему непременно надо идти.

Эта его решимость ясно проявилась при нашей предпоследней встрече, когда Анатолий Васильевич возвращал мне «молитвослов»...

Последняя встреча была при его отпевании.

о. Евгений

Записная книжка

Обо всем, что вижу я и знаю,
Я еще когда-нибудь спою.
А пока хожу и заполняю
Записную книжечку мою.

Никогда нигде не повторится
В точности сегодняшний рассвет.
Юности заветные страницы
Я раскрою через много лет.

Чтобы жизни научить сынишку,
Чтоб сильнее ударить по врагу...
Я свою потрепанную книжку
Как боец винтовку берегу!
1958 г.

Лектор

Он говорил ужасно много
И скучно в лекции своей
О том, что нет на свете бога,
Загробной жизни и чертей.

Его сужденья непорочны,
Его приметы хороши...
Но я одно усвоил точно:
Что не имеет он души!
1955 г.

Разговор о любви

Шагали с комсомольского собрания
Комсорг с девчонкой берегом реки.
Он был влюблен и не сдержал признанья,
Наговорил про звезды, огоньки...

Она его с похвальной заботой
Спросила. О собрании не забыв:
«А как с твоей культмассовой работой?
Когда ты ликвидируешь прорыв?

Как «не сейчас?» Ну что же – это мило!
Герой...не ликвидировал и рад!
Да чтоб я отстающего любила...
Прощай. Неисправимый бюрократ!»

Герой смутился...с берега крутого
Он разбежался, прыгнул и – бултых!
...Да, хорошо. Что в жизни нет такого.
Что так бывает в книжках – и плохих!
1957 г.

Ночью

Ночью город засыпает,
Но во сне еще ворчит,
Тьма равнину обнимает.
Что за городом лежит.

Паровозы убегают
От вокзалов в темноту,
Где ничто не нарушает
Летней ночи красоту.

Там огни в лесу мелькают,
Тишь гудок порой порвет,
Птиц вспугнет и затихает
В гулком сонмище болот...
1955 г.

Метеорит

Власть его земная одолела
В голубой космической дали.
И тогда понесся он, нацелясь
В темную громадину Земли.

И пылал в красивом ярком сете.
Прежде. Чем погаснуть навсегда.
«Падает звезда!» - кричали дети,
Хоть метеорит и не звезда...
1957 г.

Сибирские дороги

Шумливою лавиною
Полотниц и знамен
Прошел дорогу длинную
Целинный эшелон.

С гормоникой зеречною
Не шлялись при луне,
Но юность наша вечная
Промчалась по стране.

Но думали, спешили мы
И чувствовать, и жить.
И нам с покосов вилами
Махали от души.

Там, где поля совхозные
Как море широки,
Ревели паровозные
Охрипшие гудки.

Привольна жизнь вагонная,
Дорога далека.
Звучала нам симфония
Последнего звонка.

Дорога ты, дорога,
Попутный ветерок.
Мы ехали дорогами,
Мы мчались без дорог.

Горела рожь созревшая,
Земле было невмочь.
И, за день пропотевшие,
Мы уходили в ночь.

На дальней той, необжитой,
Не ласковой земле
Мы жили яростной мечтой
Добыть народу хлеб.

Спешили мы для Родины
И чувствовать, и жить.
Что б для того, что пройдено,
В одну дорогу слить.

2.

Мы спешили, время – тоже.
Поезд нас домой примчал...
Отчего ж мы, отчего ж мы
Спать не можем по ночам?

Словно рано сели в поезд,
Не окончили пути,
Не прошли еще на совесть
То, что надо бы пройти...

Бродят ветры озорные
Над землей и по земле.
Мчат над миром позывные
Поездов и кораблей.

Ходят парни где-то рядом –
Ни укрыться, ни свернуть.
Их легко узнать по взглядам.
По глазам, зовущим в путь.

Если парень крепок в споре,
Если парень с виду прост,
Но всегда за тех. Кто в море
Поднимаем первый тост,-
Это наш. Еще приметы:
Смотрим прямо, а не вниз,
О весне мечтаем с лета,
Потому - такая жизнь:

Жизнь служения Отчизне,
Жизнь исканий и тревог...
Может не было бы жизни.
Если б не было дорог!
1957 г.

На юге

Свыкшийся с красой своей лесною
У березки, елки до сосны,
Я на юг приехал. Предо мною –
Царство вечной сказочной весны.

Голубеет море. Песен женских
Мягче и нежней его волна.
Знаю, что, от речек деревенских
Эта у него голубизна.

Рвутся ввысь изнеженные кедры.
Пальмы пред окнами растут.
Знаю, что от северного ветра
Наши их березы берегут.

В тишине звучит напев печальный.
Как хорош он! Спорить я готов.
Что его сюда совсем случайно
Кто-нибудь занес из земляков.

Я стою в огне закатных красок
На морском кремнистом берегу...
Даже здесь, в краю волшебных красок,
Край родной забыть я не могу!
1964 г.

Мечтатель

Был у меня хороший друг,
Прекрасный парень, только очень странный:
Такой бесхитростный, как будто вдруг
Свалился со звезды обетованной.

Ему за вечный в комнате хаос
Земные осложняли жизнь соседи,
А он твердил о вечных тайнах звезд
О сложности космических трагедий.

Ему не только мяса и вина –
Порою не хватало даже хлеба.
А он доказывал. Как важно нам
Уже сегодня устремиться в небо.

Ему жениться бы, любить жену,
Стараться, чтоб скорей окрепли дети.
А он смотрел ночами на луну,
Забыв, как видно, обо всем на свете...

Мы приходили. Мы кляли его.
Мы говорили резко, откровенно.
Смеялись мы над тем, что ничего
Не замечал он в этой жизни брэнной.

Но он не слушал нас. Он с головой
Был в мире грез, где может быть не каждый.
Он все же оставался сам собой,
И жизнь его прихлопнула однажды...

И стало ясно нам, что неспроста
Ваш друг мирился с каждой потерей,
Что у него была своя мечта,
Которую он только нам доверил.

Что да – он вышел бы на звездный путь,
Он бы в числе зазря погибших не был,
Когда бы я. Когда бы кто-нибудь
Помог ему тогда подняться в небо!
1964г.

Влюбленные

В поздний час, когда зевота сонная
С ног неудержимо валит нас,
На земле встречаются влюбленные
В самый первый, в самый трудный раз.

Где-то мнения авторитетные
Им желают жизнь познать сполна.
Где-то к ним под басенки газетные
Подползает, крадучись, война.

Только что для них газет старания,
Брань свое отживших и родни,
Коль сегодня в центре мироздания
Наконец-то встретились они!

Коль от них в минуты откровения
Как луна и звезды далеки
Всякие конфликты, соглашения,
Пакты и другие пустяки!
...Было так во времена пещерные,
будет так через сто тысяч лет.
Ведь любви – давным-давно проверено –
Ничего важней на свете нет!
1966 г.

Собрание

В колхозном клубе шло собрание
К концу. Лишь пара крикунов
Еще взывали о вниманьи
К основам всяческих основ.

Потом их страстный спор в зените
Смял председательский звонок.
И встал заезжий представитель
Подбить. Как водится, итог.

Глотнул воды – и о народе
Посыпал звонкие слова.
Завел, как веялки заводят –
И не на час, и не на два.

Его осипший голос криком
Кричал, и ширился, и креп.
И было ясно, что привык он
Так зарабатывать на хлеб.

Гремели всяческие «измы»
Ему знакомые вполне.
Был в речи блеск. Вот только жизни
В той не хватало болтовне.

Болтал он про большие цели.
Про боевые рубежи...
А люди сумрачно сидели,
На кресла руки положив.

Сидели, слушали, молчали.
Чтоб не заметил он того,
Как стыдно всем сидящим в зале
И за себя, и за него.

...Он кончил. Вытер капли с носа.
Зал настороженно притих.
«Вопросы будут?» «Нет вопросов!»
«как будто ясно и без них!»

Он сел. Он отдохнул немного,
И не спеша покинув зал,
Поехал прочь своей дорогой...
Уж лучше б он не приезжал!
1965 г.

Водопровод

Весной парторг совхозной Петр Меркелов
Собрал у клуба сельского народ
И объявил (неслыханное дело!):
В Давыдово придет водопровод!

Ну, бабы посудили, порядили.
Слыхали, мол... Но, только снег пропал,
Механик Николай Ильич Данилин
К концу села бульдозер подогнал.

Вот и тут началось столпотворение!
Как он, Данилин, трудно шел селом!
Он каждый метр дороги брал в сраженьи –
В сражении с растревоженным старьем!

Кричали бабки: «Подивитесь, люди!
Изрыл весь луг! За что на нас беда?
Ведь неизвестно, у него там будет
Что за вода! И будет ли вода?»

Кричал старик Егор Федоскин: «С места
Не сдвинусь! Не сничтожить тополь вам!
Его садила мать еще невестой,
Я вам его без боя не отдам! »

А сам отец, Илья Фомич Данилин,
На сына в рукопашную пошел.
Он был старик приземистый, но в силе –
Чуть-чуть его Никола в дом увел.

«Век жили мы. – орал Фомич в обиде,-
Без разных ям! И дед твой жил Фома!
Жену лелеешь? Ничего не выйдет!
Не сдохнет! Сходит за водой сама! »

...И только плотник Михаил Осколков
не загораживал машине путь.
Он говорил: «Копай, копай, Николка!
Авось, отроешь клад когда-нибудь!»

Был старикан премудрый, дядя Миша.
И он был прав: пошла в дома вода.
Свершилось то, о чем, поди, не слышал
Покойный дед Данилин никогда!

Пошла вода и в летний зной, и в стужу.
Пошла вода, прозрачна и светла,
Чиста, прохладна... Вообще, не хуже

Той, что в колодцах на селе была.

И даже стариканы, вспоминая
Весенний шум, изводятся душой:
Мол, зря мы воевали с Николаем —
С водопроводом стало хорошо!
1966 г.

Про сморчка

По прозванию Сморчок –
Внешне, скажем честно,
Так, невзрачный мужичок,
Пьяница известный.

Он недорого возьмет,
И приврет немножко.
Вот, мол, в Киеве растет
По – пуду картошка –

Съешь две-три и сыт... Потом
Слышал, скажет, точно:
В бане муха с комаром
Подралися ночью.

Только ребра, мол, трещат,
Только месяц светит...
Да, недаром говорят:
«Врешь, как дядя Петя!»

...Раз сидит он. Вдруг пришли
Хромины девчонки:
«Дядя Петя, заколи
Маме поросенка! На дворе он!»

...Во хмелю
Был Сморчек в то утро.
Отвечает: «Заколю!
Это нам не трудно!»

Нож за пояс – и пошел,
Да не к ним – к соседке.
К тете паше, в двор вошел.
Видит: боров в клетке.

Враз сумел он положить
Борова на месте.
Входит в избу – доложить,
Чтобы честь по чести.

Смотрит – Паша. Вот дела!
Что-то тут нечисто...
Тетя Паша как пошла:
«Ах, Сморчек сморчистый!»

Только что обзавелась,
Дождаясь Вани»...
Да с колом за ним гналась

Аж до самой бани!

Помнят все – и стар, и мал,
Хоть прошло два года,
Как Сморчок тогда махал
Через огороды.

Не узнал он спяна двор
Иль узнал хотя бы
Да чудачил – до сих пор
Не решили бабы...
1966 г.

День начался в селе у нас привычно:
Еще с зарею первой Метельков
Егор Федотыч вывел, как обычно,
Комбайн на поле, на подбор валков.

В свой точный час доярка Веселова
Авдотья Павловна по берегу реки
Прошла с пустым подойником к коровам
И вспыхнули на ферме огоньки.

И только солнце влезло на заборы.
Пришел с рубанками и топором
Совхозный плотник Зайцев Петр Егорыч
У Юрасовым – достраивать им дом...

2.

А днем селом известье прокатилось.
Был тем мирок нехитрый поражен,
Что слег в больницу Алексей Васильич,
Стал бригадиром Пашка Балабон.

Об этом первая узнала Настя
Доронова. Она, разинув рот,
Смотрела, как он, розовый от счастья,
В сельмаге покупал себе блокнот.

Спросила Настя: пишет ли он на ночь
И есть портрет у Пашки или нет?
«А между прочим я – Павел Иваныч!»
со злостью кинул Пашка ей в отчет.

И Настя та – бабенка боевая,
Ей слов ни у кого не занимать –
Ответила: «Ошиблась я, бывает,
Впредь, Павел Балабоныч, буду знать!»

1966 г.

Сосед

Мне было шесть, а может семь лет,
Когда сосед наш, в доску пьян.
Кричал, что он расколет Землю
И выпьет море-океан.

Так сокрушал он все при этом,
Что мне казалось: вот и смерть.
Его не только предсовета –
Сам черт не сможет одолеть!

В избе трещали шифоньеры.
Гремели чашки да горшки...
Но прибыл милиционер наш.
Односельчане – мужики.

И горько, тяжело, навзрыдно
В кругу столпившихся людей
Сосед мой плакал... Он, как видно,
Меня, ребенка, был слабей!
1972 г. февраль

Порой, припомнив все, что было.
Свои не свои дела.
Я думаю: никакая сила
Нас в степь целинную вела?

Не та ли сила наших предков
Сроднила с радостью труда,
Учила брать в работу реки
И строить в чашах города?

И не ее ль закон суровый
Нас заставлял по сотни лет
Изобретать велосипед?

И не она ль закон суровый
Нас заставлял по сотни лет
Изобретать. Ломать и снова
Изобретать велосипед?

И не она ли космонавтов
Впервые подняла в полет?
Их сыновей и внуков завтра
Не та ли сила поведет?

...Она! И к счастью, и к мученьям
Она одна по целине
Ведет людские поколения
Сквозь тьму веков до наших дней!
1962-1970 г.

Дикарь

Так и видятся сквозь века мне:
В годы очень далекие, встарь,
Жил в пещере из дикого камня
Непохожий на всех дикарь.

Если родичи шли на зверя.
В шкуры прятался он, дрожа.
Не дыша, он сидел в пещере
Вплоть до самого дележа.

Выбирал у костра он место
Потеплей. Был разборчив в еде.
Всех других дикарей окрест он
Не считал в душе за людей.

И не зря говорит преданье,
Что от бед и невзгод храним
Повседневным таким стараньем,
Жил он дольше своей родни:

Он, в министры стремясь пробраться
Поспокойней и половчей,
Рассуждал о всеобщем братстве —
Братстве нищих и богачей.

Он в семнадцатом не был белым,
Красным стать не хотел нипочем.
Перекрасившись, осмелел он
И заправским стал нэпмачом.

После тридцать седьмого года
Насобачился он кричать.
Что вовеки врагов народа
Не устанет разоблачать.

Окопавшись в бумажках при штабе
Даже в годы. Когда вся страна
Воевала — он знай себе грабил
И еще получал ордена...

Сколько раз его боем били.
Но вставал после боя он.
Сколько раз его хоронили
Под литой колокольный звон!

Оживал он. Казался честным,
Уважающим всех сполна...

Только сущность его известна —
Троглодитовская она:

Как бы только урвать побольше.
Пожирнее кусок себе.
Как бы только прожить подольше.
Уцелеть, уцелеть в борьбе!

...Дни ли, годы ль на жизнь остаются мне —
дела нет важней у меня.
Чем не дать ему революцию
На серебряники разменять!
1965-1966 г.

Забыл, что сердце есть в груди.
И вдруг – больничная палата.
Ни встать, ни сесть, ни походить,
Уколы, белые халаты.

Неужто все? Как в страшном сне,
Пахнуло холодком могилы.
И сразу лишним стало мне
Немало из того, чем жил я.

И показалось важным враз
Все то, чем дорожил не очень...
О, как своей каждый день и час
Я стал ценить с той давней ночи!

Когда же смерть сразит меня
Ее хотел бы повстречать я
В борьбе на линии огня.
Не так вот глупо – на кровать!

1972 г. Октябрь

Публикации стихов, вошедших в сборник «Ожидание»:

1. Вступление к книге (1967 г.) «Ленинская смена». 1967г., сентябрь: «Борская правда» 1967г. 16 августа, журнал «Техника молодежи» (Москва.) 1977 г. №4, стр. 53.
2. «Родина» (1972г.) «Горьковская правда» 1972 г. 11 марта.
3. «Звезды пятиконечные» (1961 г.) – сборник «На районных дорогах» (г. Горький, 1967г.), «Борская правда», 1961 г., 19 ноября; «Горьковский рабочий» 1963г.; «Тошнаевский колхозник», 1967г., 18 апреля.
4. «Снега. Ни огонька, ни вздоха...» (1965г.) – «Горьковская правда», 1965г, 30 октября.
5. «Мой дом родной, отцовский старый дом...» (1972г.) – «Борская правда», 1972 г., 13 октября; «Горьковская правда», 1972г. 9 ноября.
6. «Вечером, когда уж ты лежишь...» (1972г.) – «Горьковский рабочий», 1972г. 17 марта.
7. Стихи об отце (1971 г.) – «Борская правда», 1971 г. 9 мая
8. «Все куда-то торопимся...» (1972г.) – «Горьковский рабочий», 1972 г. 17 марта
9. «Старый большевик» (1965г.) – «Горьковский рабочий», 1967г. 3 ноября; «Борская правда», 1965г. 29 мая.
10. «Все меньше их, войну сумевших выстоять...» (1971г) – «Горьковская правда», 1971г. 7 марта; «Борская правда», 1971 г. 8 марта.
11. «Кочетки» (1965г.) – сборник «На районных дорогах» (1967г.); «Борская правда», 1966г. 8 мая.
12. «Игрушки» (1972г.) – «Борская правда», 1972г. 1 мая; «Горьковская правда», 1972 г. 15 июля.
13. «Давно забытые, слепые...» (1962г.) – сборник «На районных дорогах» (1967г.); сборник «Поэтический год» (г. Горький 1963г.); «Ленинская смена», 1962г. 18 ноября
14. «На току» (1972г.) – «Борская правда», 1972г. 13 октября; «Горьковская правда», 1973г 10 июля
15. «В страду» (1972г.) – «Борская правда», 1972г. 6 ноября; «Ленинская смена», 1973г. 22 июля
16. «Первый выезд» (1963г.) – «Ленинская смена», 1963г.; «Борская правда», 1973 г. 20 апреля
17. «Кузнец» (1965г.) - сборник «На районных дорогах» (1967г.) «Борская правда», 1965г. 13 августа.
18. «Неторопливость» (1967г.) – «Ленинская смена», 1967г. Сентябрь; «Борская правда», 1967г. 16 августа; «Борская правда», 1971г. 20 марта
19. «Есть на земле неведомая сила» (1969г.) – «Горьковская правда» 1970г. 1 августа
20. «Сенокос» (1965г.) – «Борская правда», 1965г. 6 августа; «Горьковская правда», 1973г. 10 июля.
21. «Снопы вязать учила мать...» (1965г.) – «Горьковская правда», 1965г. 25 июля; «Борская правда», 1965г. 29 мая.
22. «Как много верст асфальтами исхожено...»(1966г.) – «Борская правда», 1969г. 1 апреля; «Ленинская смена» - 1966-1969г.
23. «Глухие дороги» (1968г.) – «Борская правда», 1969г. 1 апреля.
24. «В сельской чайной» (1973г.) – «Горьковский рабочий», 1973г. 3 августа.
25. «Первый радиоприемник» (1965г.) – «Борская правда», 1966г. 18 января; «Горьковская правда», 1969г. 16 февраля.
26. «Сказка» (1960г.) – «Тошнаевский колхозник», 1960г. 28 апреля; «Горьковская правда», 1963г.

27. «Когда-нибудь фотонная ракета...» (1972г.) – «Борская правда», 1972г. 2 декабря, журнал «Техника молодежи» (Москва), №4 за 1977г. Стр. 53
28. «Мне уже, как видно, не пройти...» (1972г.) – журнал «Техника молодежи» (Москва), №4 за 1977г., «Горьковская правда», 1972г. 9 ноября
29. «Полет» (1972г.) – «Горьковская правда», 1977г. 29 января, «Борская правда», 1973г. 27 января,
30. «И вот приснилось мне, что княжу я...»(1969г.) – «Ленинская смена», 1969 г.
31. «Кладоискатель» (1967г.) – «Борская правда», 1967г. 23 августа
32. «Грузовик» (1961г.) – сборник «На районных дорогах» (1967г.); «Борская правда», 1961г. 19 ноября; «Лукояновский колхозник», 1961г. 19 ноября; «Ленинская смена», 1962г. 23 декабря.
33. «Целина» (1972г.) - «Борская правда», 1972г. 2 декабря; «Горьковский рабочий», 1973г. 8 июня.
34. «Когда слова «майор Гагарин»...»(1972г.) - «Борская правда», 1972г. 18 марта; «Горьковская правда», 1972г. 15 июля
35. «На выпускном вечере» (1973г.) – «Борская правда», 1973 г. 21 июля; «Горьковская правда», 1973г. 2 сентября.
36. «Сон» (1963г.) «Ленинская смена», 1963-1965г.
37. «Человека изводит обыденщина быта...» (1972г.) – «Борская правда», 1972г. 18 марта; «Горьковская правда», 1972г. 15 июля.
38. «Дом» (1965-66г.) – не печаталось
39. «Моряк» (1966г.) – не печаталось
40. «Свадьба» (1962г.) – сборник «На районных дорогах». 1967г.; «Ленинская смена», 1964г. 19 сентября
41. «Гармонь» (1965г.) – сборник «На районных дорогах», 1967г.; «Борская правда», 1965г. 25 декабря «Ульяновская правда» (г. Ульяновск), 1966г. 17 июля; «Горьковская правда», 1966г. июль; сборник «Родники» (стихи нижегородцев горьковчан за полвека. 1917-1967г.), г. Горький, 1967г.
42. «Проводы» (1965-66г.) – «Борская правда» (после 1967г.); «Горьковская правда», 1969 г. 15 марта.
43. «Красавица» (1965г.) – «Борская правда», 1965г. 25 декабря; «Ленинская смена», 1967г. 6 мая
44. «Агитбригада» (1959г.) – «Ленинская смена», 1959г. 20 декабря; «Борская правда», 1970-1972г.
45. «Пластинка» (1965г.) – сборник «На районных дорогах», 1967г.; «Борская правда», 1965г.; «Горьковский рабочий», 1965г. 21 октября
46. «Письмо» (1958г.) – сборник «На районных дорогах», 1967г.; «Горьковский рабочий», 1963г. Апрель-май
47. «Встреча» (1961г.) – сборник «На районных дорогах», 1967г. «Борская правда», 1961 г. 19 ноября; «Ленинская смена». 1966г. 23 декабря.
48. «Первая любовь» (1965г.) – сборник «На районных дорогах», 1967г.; «Борская правда», 1965г. 29 мая.
49. «Воспоминание» (1957г.) – сборник «На районных дорогах», 1967г.; «Горьковский рабочий», 1958г. 21 октября;
«Волжский альманах», №15 (г. Горький, 1962г.)
50. «Опять я в нем, одном на всей земле...» (1972г.) - «Горьковский рабочий», 1972г. 17 марта; «Борская правда», 1972г.
51. «Я, прочитавший сотни мудрых книг...» (1968-69г.) - «Борская правда» (после 1967г.); «Ленинская смена», 1969г. 13 апреля
52. «Нет, не бессмертен я...» (1965-66г.) – «Ленинская смена», 1969г. 14 января; «Борская правда», 1966г. 4 мая

53. Ожидание (поэма) (1967г.) – «Горьковский рабочий», 1961г.; (?)г. 18 августа; «Борская правда», 1961г. 4 декабря; «Ленинская смена», 1966г. 3 сентября; «Ленинская смена», 1967г. 15 октября: сборник «Поэтический год» (г. Горький, 1962г.)

Публикации стихов, не вошедших в сборник:

1. «Моя поэма» – «Борская правда», 1961г. 24 сентября; «Лукояновский колхозник», 1961г. 19 декабря; «Горьковский рабочий», 1961г. 9 ноября; сборник «На районных дорогах», 1967г.
2. «Напутствие» – сборник «На районных дорогах», 1967г.; «Волжский альманах», № 15 (г. Горький, 1962г.); сборник «Дятловы горы» (Стихи нижегородских-горьковских поэтов, г. Горький 1971 г.); «Борская правда», 1961г. 19 ноября.
3. «Сельская учительница» – сборник «На районных дорогах», 1967г.; газета «Восход» (Вад), 1966г. 10 июня; «Борская правда», 1965г. 25 августа.
4. «После работы» – сборник «На районных дорогах», 1967г.; газета «Литература и жизнь» (Москва), 1962г. 16 мая; газета «Восход» (Вад), 1966 г. 10 июня; «Борская правда», 1960г. сентябрь-декабрь
5. «В летний зной» - «Борская правда», 1973г. август.
6. «Один поэт прочел стихи мои...» - сборник «На районных дорогах», 1967г.; «Волжский альманах», № 12 (г. Горький, 1960г.)
7. «Осень» - «Волжский альманах», г. Горький. 1960г. ; «Горьковский рабочий», 1958г. 20 октября
8. «Несколько домов на косогоре...» - «Волжский альманах», №13,г. Горький, 1960г.
9. «Земное притяжение» - сборник «В космос», г. Горький 1961г.
10. «Обычный день»– «Поэтический сборник» (г. Горький, 1961г.); «Борская правда», 1961г. 19 ноября; «Ленинская смена», 1960г. 19 марта; «Тошнаевский колхозник», 1959г., октябрь-декабрь.
11. «Ты мне пишешь, что в городе пусто, темно...» - «Волжский альманах», №15 (г. Горький, 1962г.); «Ленинская смена», 1960г. 30 октября.
12. Ожидание (стихотворение) – сборник «Поэтический год», (г. Горький, 1962г.); «Ленинская смена»; 1966г. 18 августа; «Борская правда», 1961г. 4 декабря
13. «Щенок» - «Борская правда» 1973г. 27 января
14. «На плечи мне свалилось горе...» - «Борская правда», 1972г. 18 ноября.
15. Желание – «Борская правда», 1971г. 2 февраля; «Ленинская смена», 1963г. 3 июля.
16. «Весенние дороги» Горьковский рабочий 21 февраля«Борская правда», 1965г. 5 мая; «Знамя коммунизма» (г. Шахунья), 1964г. 28 марта.
17. Песня – «Горьковский рабочий» 1970г. 21 февраля; «Борская правда» 1968-69г...
18. Лесной пожар - «Борская правда», 1967г. 16 августа
19. «Вновь, потрясенный праздником цветения» (экспромт) – «Горьковский рабочий» 1969г. 30 апреля
20. Моя родословная – «Горьковский рабочий», 1969г., 12 августа; «Борская правда», 1967г. 7 ноября; «Ленинская смена», 1973г. 1 мая.
21. «Вечером по радио играет играют...» - «Ленинская смена», 1969г. 1 июня; «Борская правда», 1966г. 8 марта.
22. Поезда – «Борская правда», 1965г. 29 мая
23. Родина («Когда попасть вам будет суждено...») – «Борская правда», 1965г. 19 июня.
24. Федот – «Борская правда», 1965г.; «Горьковский рабочий», 1973г. август
25. Разговор с портретом – «Ленинская смена», 1965г., 30 октября.

26. На сцене – «Борская правда», 1965г. 15 мая; «Горьковский рабочий», 1958г. 21 октября
27. Город мечты – «Ленинская смена» 1964 г, 19 сентября
28. Скоро! – «Знамя коммунизма»(г. Шахунья), 1964г. 28 марта; «Ленинская смена», 1964г. 13 июня.
29. Родина («Для каждого среди множества дорог...») – «Ленинская смена», 1964г. 13 июня.
30. Сноровка – «Борская правда», 1962 г. август; «Тошнаевский колхозник», 1959г.
31. Шофер – «Горьковский рабочий», 1963г. 19 августа
32. На Волге – «Ленинская смена», 1961г. 4 апреля
33. На прощанье – «Ленинская смена», 1961г. 14 мая
34. Новый год – «Ленинская смена», 1960г. 8 декабря
35. Улыбка – «Ленинская смена», 1960 г. 8 декабря
36. Ночью – «Борская правда», 1962г. 4 июля
37. Разговор со встречным – «Ленинская смена», 1960г. 2 марта; «Тошнашевский колхозник», 1959г.; «Борская правда», 1967-1970г.
38. Ледоход – «Горьковская правда», 1959г. 8 апреля
39. «И снова между нами улеглись...» - «Тошнашевский колхозник», 1959г.
40. Полустанок – «Тошнашевский колхозник», 1959г.
41. Гармонь («Она выходит из ворот») – «Горьковский университет» (многотиражка), 1958г. 1 мая; «Ленинская смена», 1958г. 12 июня
42. О жизни – «Горьковский университет», 1958г. 28 октября
43. В зимнюю вьюгу – «Ленинская смена», 1957г. 21 декабря
44. Вам, товарищи! – «Горьковский университет», 1957г. октябрь-ноябрь
45. Дороги – «Ленинская смена», 1957г. 17 октября
46. Ночь на полевом стане – «Горьковский университет», 1957г. октябрь-ноябрь
47. Деду – «Ленинская смена», 1967г. 31 декабря
48. Конец навигации – «Ленинская смена», 1957 г. 28 ноября
49. Идет уборка – «Горьковский университет», 1957г.
50. Вечер – «Ленинская смена» 1957 г., 24 марта
51. Весна - «Ленинская смена» 1956г., 7 апреля
52. Первая публикация стихов – 1 мая 1952 года в Вачской районной газете «Ленинский путь». И там же – в 1953-1954г.

Содержание:

Предисловие И.Чеботарева

1-я часть Сборник ожидание

1. Разговор с читателем
2. Напутствие
3. «Жизнь начиналась все-таки с деревни...»
4. Родина
5. Звезды пятиконечные
6. «Снега. Ни огонька, ни вздоха...»
7. «Мой дом родной, отцовский старый дом...»
8. «Вечером, когда уж ты лежишь...»
9. «У той могилы не был я...»
10. «Все куда-то торопимся...»
11. Старый большевик
12. «Всё меньше их...»
13. «Кочетки»
14. Игрушки
15. «Давно забытые, слепые...»
16. На току
17. В страду
18. Первый выезд
19. Кузнец
20. Неторопливость
21. «Есть на земле неведомая сила...»
22. Сенокос
23. «Снопы вязать учила мать...»
24. «Как много верст асфальтами исхожено...»
25. Глухие дороги
26. В сельской чайной
27. Сказка
28. «Когда-нибудь фотонная ракета...»
29. Полет
30. «И вот приснилось мне, что княжу я...»
31. Кладоискатель
32. Грузовик
33. Целина
34. «Когда слова « майор Гагарин»...»
35. На выпускном вечере
36. Сон
37. «Человека изволит обыденщина быта...»
38. Дом
39. Моряк
40. Гармонь
41. Проводы
42. Красавица
43. Агитбригада
44. Пластинка
45. Письмо

46. Встреча
47. Первая любовь
48. Воспоминание
49. «Опять я в нем...»
50. «Я, прочитавший сотни мудрых книг...»
51. «Нет, не бессмертен я...»
52. Слово о словах
53. Змий Горилыч (сказка для взрослых)
54. Ожиданье (поэма)

2-я часть

Из стихов, опубликованных в газетах и сборниках:

Статья А. М. Цирюльникова

1. Моя поэма
2. Напутствие
3. День
4. Сельская учительница
5. Ругань
6. Эстафета
7. После работы
8. Раздумье
9. «Один поэт прочел мои стихи...»
10. Осень
11. «Несколько домов на косогоре...»
12. Земное притяжение
13. Обычный день
14. «Ты мне пишешь, что в городе пусто, темно...»
15. Ожидание
16. Щенок
17. «На плечи мне свалилось горе...»
18. Желание
19. Весенние дороги
20. Песня
21. Лесной пожар
22. «Вновь потрясенный праздником цветенья...»
23. Моя родословная
24. «Вечером по радио играют...»
25. Поезда
26. Родина
27. Федот
28. Разговор с портретом
29. Скоро!
30. Родина
31. «В космос я приду через любовь...»
32. Сноровка
33. Шофер
34. На Волге
35. На прощанье
36. Новый год

37. Улыбка
38. Ночью
39. Разговор со встречным
40. Ледоход
41. «И снова между нами улеглись...»
42. Полустанок
43. Гармонь
44. О жизни
45. В зимнюю вьюгу
46. Вам, товарищи!
47. Дороги
48. Ночь на полевом стане
49. Деду
50. Конец навигации
51. Идет уборка
52. Вечер
53. Весна
54. «Еду на машине»
55. Очереди
56. «Земля моя, родная сторона!..»
57. «Не проходите мимо подлости...»
58. «Все отжившее в землю ложится...»
59. Работа
60. Мастерство
61. «Какой мне край красивый не казался...»
62. Осеннее
63. «Ты – как юность... »
64. «Как хорошо, что мне пришлось...»
65. Зрелость

3-я часть

Статья А.М.Скульского

Звезды над полями

1. Ветла
2. Бревна
3. Живая вода
4. Старшие
5. Дядя Ваня
6. Вечером на реке
7. Два детства
8. Подарки
9. Картошка
10. Фотографии на стене
11. Наследство
12. Егоровна
13. Сенокос
14. «Ночь остановилась»
15. В совхозной мастерской
16. Трактористы
17. Пастух
18. Почтальон

19. Новоселье
20. Как дом перевозили
21. Близнецы
22. Василь Григорьич
23. Первый радиоприемник
24. «Мне уж как видно, не пройти»
25. По грибы
26. Рыбалка
27. Баня
28. На скамейке
29. Свадьба
30. Встреча
31. «В час горестный, припомнив прошлое»
32. Письмо
33. «Не сложились стихи»
34. Слово о Матери (поэма)
35. Отцовский узелок (поэма)

4-я часть

Из неопубликованного

1. Записная книжка
2. Лектор
3. Разговор о любви
4. Ночью
5. Метеорит
6. Сибирские дороги
7. На юге
8. Мечтатель
9. Влюбленные
10. Собрание
11. Водопровод
12. Про сморчка
13. Сельские разговоры
14. Сосед
15. «Порой, припомнив все, что было...»
16. Дикарь
17. «Забыл, что сердце есть в груди...»

Публикации стихов, вошедших в сборник «Ожиданье»

